

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Экономисты прошлого о разрастании финансового сектора	14
Глава 2. Современные оценки финансализации	32
2.1. Макроэкономический подход	32
2.2. Структурный и пространственный (финансово-географический) подходы	36
2.3. Институциональный подход.....	38
2.4. Культурно-социологический подход.....	39
2.5. Этический подход.....	41
Глава 3. Основные тенденции финансализации в России	46
Глава 4. Финансализация домашнего хозяйства	60
4.1. Жизнь в долг как общественно конструируемая привычка	60
4.2. Современный академический дискурс о вовлечении граждан в заимствования.....	69
Глава 5. Опережающее потребление и жизнь взаймы	81
5.1. Оценка институции опережающего потребления, показного мотива и спекулятивного мотива	83
5.1.1. Метод, данные, показатели.....	83
5.1.2. Эмпирические результаты	89
5.1.3. Обсуждение результатов	94
5.2. Приобретение автомобилей в долг (на примере Ростовской области).....	96
5.2.1. Метод, данные, показатели.....	96
5.2.2. Эмпирические результаты	101
5.2.3. Обсуждение результатов	106
Глава 6. Чем поддерживается институт потребительского кредитования	111
6.1. Жизнь в долг и связанные с ней нарративы	111

6.2. Нarrативы граждан для рационализации потребления в долг	117
6.2.1. Кредит на покупку автомобиля	119
6.2.2. Кредиты на прочие цели.....	120
6.3. Нarrативы агентов, аффилированных с автокредитованием.....	123
6.4. Отражение в кинематографе культуры потребительства и жизни в долг.....	130
6.5. Социально-экономическая политика в отношении финансализации (на примере поощрения автокредитования)	134
6.5.1. Данные и показатели	140
6.5.2. Эмпирические результаты и их обсуждение.....	141
Глава 7. Есть ли альтернатива дальнейшей финансализации?	148
7.1. Производительные и непроизводительные поведенческие установки.....	148
7.2. Элементы традиционной русской экономической культуры и институции, характеризующие долговое поведение.....	154
7.2.1. Постановка исследовательской задачи	154
7.2.2. Результаты	156
7.2.3. Обсуждение результатов	166
7.3. Элементы новой исследовательской программы	172
Заключение	178
Литература.....	181
Приложение	200
Благодарность	218

Сегодня вещи появляются у нас, ещё не будучи заработаны, предваряя собой воплощённую в них сумму трудовых усилий, и в этом смысле их потребление опережает их производство. Я лишь пользуюсь ими и, конечно же, больше не отвечаю за них как за фамильное достояние — они не были мне никем завещаны, и я их никому не оставлю. Они стесняют мою свободу в другом: будучи неоплаченными, они нависают надо мной.

Жан Бодрийяр, *Le système des objets*, 1968

Введение

В последние десятилетия важным общественным явлением и предметом социально-экономических исследований стала финансализация. У этого термина много разных определений, каждое из них отражает тот или иной аспект, хотя в целом все они достаточно непротиворечивы. Ещё Джон Коммонс обратил внимание на такие проявления современного ему банковского капитализма, как контроль со стороны банкиров над торговцами, работодателями, работниками и даже странами, подчинение промышленности финансовым интересам [Commons, 1934]. За основу можно взять встречающееся у Джеральда Эпштейна понимание финансализации как процесса возрастания роли для национальной и мировой экономики финансовых мотивов, финансовых рынков и участников финансовой сферы; развитие финансового капитализма с 1980-х годов в тесной связи с курсом развитых стран на либерализацию, глобализацию экономики и deregулирование финансового сектора:

«Очевидно, что где-то в середине-конце 1970-х или начале 1980-х годов в ряде стран произошли структурные сдвиги драматических масштабов, которые привели к значительному расширению финансовых операций, росту реальных процентных ставок, прибыльности финансовых фирм и доли национального дохода, причитающегося держателям финансовых активов. Этот комплекс явлений отражает процессы финансализации в мировой экономике» [Epstein, 2005, p. 4].

Учёных, изучающих финансализацию, объединяют такие смысловые ассоциации, как производство денег, денежный (монетарный) социальный порядок, кредитная природа денег, деньги как источник власти, расширение финансово-банковского сектора, внедрение финансовых отношений во все сферы жизни, включая социальную (образование, медицину, здравоохранение и социальное обеспечение, жилищное строительство) и даже семейную, так называемую «финансализацию повседневной жизни» (англ. *financialization of everyday life*, или *financialization of households*) [Gonzalez, 2015].

Под финансализацией понимают разрастание финансового сектора, сферы его влияния на фоне, как правило, упадка производственного сектора [Sawyer, 2016]; подчинение реального сектора экономики, включающего производство товаров и услуг, финансовому сектору [Родина, 2019]; изменение структуры деятельности нефинансовых компаний в пользу финансовых операций [Krippner, 2005; Heise, 2023]; преобладание в экономике логики финансового рынка и финансовой составляющей в источниках экономического роста, или режим накопления капитала, управляемый финансами [Chesnais, 1997; Lordon, 1999]; капитализм финансовых управляющих [Minsky, Whalen, 1996] и аналогичные по смыслу явления и процессы или их отдельные аспекты. С этим понятием по смыслу связано содержание фазы финансовой экспансии, как её понимал один из ведущих специалистов так называемого мир-системного анализа Джованни Аригги [Arrighi, 2004]. Фазы материальной экспансии и финансовой экспансии чередуются, и сейчас как раз мы наблюдаем признаки «заката» очередной длинной волны развития. Так, финансализацию можно определить как долгосрочный сдвиг, «смещение центра тяжести капиталистической экономики от производства к финансам» [Foster, 2010, р. 2]. В любом случае, финансализация абсолютно характерна для современного этапа развития капиталистического мирорядка. Финансализация имеет и международный аспект: с её помощью так называемым странам с рыночной экономикой удается подчинить и удержать под своим контролем страны с развивающимся рынком [Althouse, Svartzman, 2022; Alami et al., 2023].

Финансиализация — не просто экономическое, но идеологически окрашенное понятие, фактически ставшее линией демаркации между защитниками философии рынка, включая её наиболее агрессивные проявления, и оппонентами этой философии [Marszałek, Szarzec, 2023]. Этот момент нам представляется важным. О росте и углублении финансовых рынков и банковского сектора писали тысячи экономистов, но далеко не все они готовы анализировать эти явления и факты с определённых этических позиций. Поэтому уже сам факт употребления данного термина неслучен и позволяет предположить, что автор критически относится к этому явлению и усматривает в его последствиях больше отрицательного для общества, чем положительного.

Для иллюстрации развития финансиализации в мировом масштабе и сравнительном международном аспекте обычно используют ряд общепринятых показателей: добавленную стоимость финансового и страхового сектора в ВВП разных стран; соотношение между активами коммерческих банков по состоянию на определённую дату и ВВП страны за год; объём кредитов частному сектору на определённую дату и ВВП страны за год и т. д. Некоторые из таких показателей приведены на рис. 1 и 2 ниже.

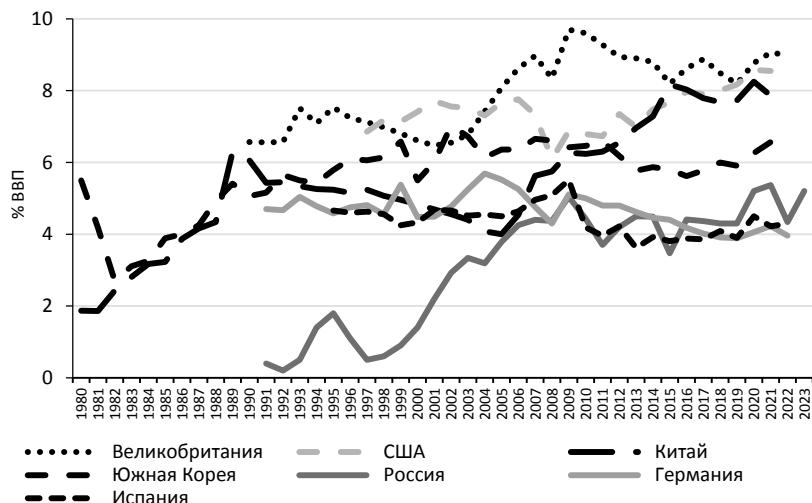

Рис. 1. Доля финансовой и страховой деятельности в ВВП разных стран

Источник: данные ОЭСР.

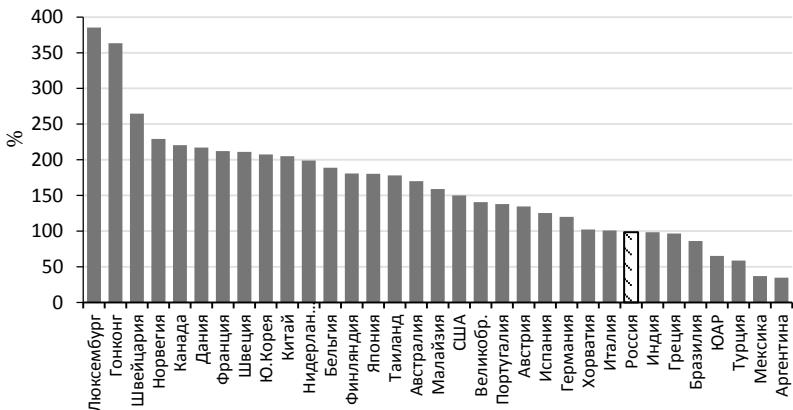

Рис. 2. Соотношение между долгом частного сектора по кредитам и ВВП некоторых стран мира за 2023 г.

Источник: построено автором по данным МВФ.

Долгое время преобладающий на Западе (а, значит, с некоторым временным лагом и у нас в России) академический дискурс изображал финансализацию как безусловное благо для экономического роста и развития, преодоления бедности и неравенства. Это относилось к предприятиям, предпринимателям, домохозяйствам и потребителям. Такое представление служило основой для выработки рекомендаций Всемирным банком, Международным валютным фондом, другими международными организациями. В результате расширение финансового сектора и его экспансия стали не только привычной, но и одобряемой и поощряемой характеристикой современной экономики. Это происходило параллельно деиндустриализации, в контексте роста удельного веса сектора услуг в экономике.

Те направления социально-экономической мысли, которые критиковали чрезмерную власть финансистов, оказались маргинализированы, вытеснены из академической повестки. Из содержания учебных курсов, знакомящих с альтернативными теориями, практически исчезла тема природы денег, последствий финансовой экспансии, не говоря уже о необходимости её ограничивать. Это касается, в частности, классического (он же исходный, «старый», «оригинальный») американского институционализма.

Вместе с тем, постепенно накапливались эмпирические проявления противоречивых либо очевидно негативных социально-экономических последствий финансовой экспансии. Интерес к финансовой экспансии и её проявлениям был «подогрет» мировым кризисом 2007–2008 годов, спровоцированным крахом ипотечного рынка в США. Сегодня не редкость критические оценки агрессивной, хищнической финансииализации, раздутого, гипертрофированного размера финансового сектора в промышленно развитых странах и в целом констатация того, что финансовая сфера всё в большей степени развивается независимо и часто в ущерб экономике и обществу в целом [Шенэ, 2017; Стиглиц, 2019; Fligstein, 2021]. По отношению к практикам финансового сектора стали довольно общеупотребимыми слова «мошенничество» и «жульничество» [Fligstein, 2021], «паразитизм», «долговое рабство» и «кабала» [Hudson, 2015], «манипулирование», «диктатура» и «казино финансов» [Шенэ, 2017], «эксплуатация» и «ростовщичество» [Стиглиц, 2019], «людоедский капитализм» [Soederberg, 2018; Fraser, 2022]. «Долговая кабала» — это выражение не из публицистики, а из официального материала ООН *“Debt bondage remains the most prevalent form of forced labour worldwide — New UN report”*¹. Исследователи отмечают возникновение таких крайних форм зависимости от кредиторов, как «долговая ловушка» вследствие непрекращающегося рефинансирования старых займов новыми [Hembruff, Soederberg, 2019].

Элементы критического восприятия постепенно складываются и популяризируются сообществами разных масштабов, в том числе и в рамках глобальной повестки устойчивого развития. Кроме того, обнаружилось, что разные научные школы по-разному оценивали явление финансииализации ещё задолго до появления самого термина.

Одно из проявлений финансииализации — это навязывание финансовых услуг домашним хозяйствам. В сознание миллиардов людей на всех континентах целенаправленно внедрялась

¹ United Nations, 2016. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2016/0-9/debt-bondage-remains-most-prevalent-form-forced-labour-worldwide-new-un> (accessed on: July 4, 2025).

мысль, что рост потребления, обеспеченный заёмными средствами, служит экономическому росту и развитию. Широко распространившиеся в последние десятилетия программы по повышению финансовой грамотности обернулись ростом вовлечения граждан в долговые отношения [Arthur, 2012] или, по меньшей мере, отстаивали идею полезности банков для общества. Потребление в долг под вывеской финансовой инклюзии частных лиц всемерно продвигалось и пропагандировалось как в промышленно развитых странах, так и в развивающихся. И это дало результат. Сдвиг в сознании сотен миллионов людей произошёл. Рост кредитования на цели потребления, в том числе предметов далеко не первой необходимости, наблюдался даже в периоды социальных и экономических потрясений [Rajan, 2010; Kurysheva, Vernikov, 2024].

В 2020 году в издательстве «Рутледж» вышла антология, в которую вошли 40 (!) исследований разных аспектов финансализации [Mader et al., 2020]. В Академии Google на 25.06.2025 по запросу *“financialization”* можно получить 99 500 (37 800) результатов без учёта цитирований, плюс солидное количество работ по финансализации конкретных сфер: жилья (*“financialization of housing”*) — 3940 результатов; товарных рынков (*“financialization of commodity markets”*) — 2250; повседневной жизни (*“financialization of everyday life”*) — 1100; в контексте мировой экономики (*“financialization and the world economy”*) — 4100 результатов.

В российской экономической литературе эта тематика пока не разработана. Зачастую финансовая экспансия принимается за данность даже при обсуждении её очевидного вреда. Изредка встречается анализ альтернатив или путей выхода из сложившегося положения, в том числе на теоретическом уровне. По сути, наш академический дискурс застрял на уровне тридцатилетней давности, то есть на этапе иллюзий по поводу исключительно положительной связи между финансами и экономическим ростом, как в популярной статье Роберта Кинга и Росса Левина [King, Levine, 1993]. Между тем, в ведущих журналах страны отразились и гетеродоксальные течения экономической мысли, способные сформировать трезвый взгляд на хищнические проявления финансового капитализма, включая

тотальный рынок, корпоративное манипулирование, финансализацию и неолиберальную модель глобализации [Бузгалин, Колганов, 2023, с. 150], отток денежных ресурсов из сектора домохозяйств в финансовый сектор и одностороннюю зависимость домохозяйств от кредитных учреждений, порождённую укоренением привычки «живь взаймы ради потребления» [Верников, Курышева, 2022, с. 153].

В данной книге мы пытаемся раскрыть содержание современного процесса расширения банковско-финансового сектора, опираясь на существующую литературу и анализ эмпирических тенденций. Особый акцент сделан на наследии классического институционализма (использован в качестве теоретико-методологической основы), а также на явлении финансализации домохозяйств. Нашу работу мотивировали, прежде всего, идеи классического институционализма конца XIX — начала XX века, оказавшиеся на удивление созвучными современному дню, и перекликающиеся с ними идеи других учёных. Поэтому цель работы мы определяем так: поместить изучение современной финансализации повседневной жизни, или финансализации домохозяйств, в контекст теоретического наследия классического институционализма и смежных с ним подходов.

Задачи данной книги:

(1) кратко осветить и сгруппировать различные теоретические и методические подходы, позволяющие изучать и осмысливать явление финансализации и его последствия. Мы не претендуем на полный охват существующих публикаций. Вряд ли можно найти экономиста-теоретика, совсем ничего не написавшего по вопросам денег, кредита, финансов и банков, тем более если их предметом является не конкретно финансализация, а финансы или денежные отношения вообще, как, например, в текстах по социологии финансов. Представить здесь полную топологию таких работ совершенно нереально, да и прямого отношения к нашей проблеме эти работы не имеют. Важнее показать, что повестка академического сообщества не сводится к доминирующему сейчас школам экономической теории, представляющим финансализацию как совершенно безальтернативную и к тому же исключительно благотворную для экономики

и общества. Стоит оговорить, что строгие формальные критерии для отбора литературы (например, использование термина «финансиализация») были бы контрпродуктивными: важнее общая направленность текста, имплицитная позиция его авторов. Ведь ряд исследователей ещё задолго до появления этого термина изучали общественное устройство, в котором денежный мотив приобретает всё больший вес. Таким образом, значимым становится осветить научные подходы, сторонники которых видят в чрезмерной финансализации риски и угрозы. Таким образом, мы сосредоточились на явлении финансализации и особенно её критических исследованиях, потенциально имеющих отношение к российской экономике и обществу;

(2) проанализировать эмпирические тенденции финансализации экономики России, в частности, в секторе домохозяйств. Проведён количественный анализ на статистических данных, а также качественный анализ — с использованием текстового материала. Мотивировала нас литература из нескольких областей знания: социологии потребления, макроэкономики и финансов, экономической антропологии и социальной психологии. Анализируя соответствующие тенденции, мы опираемся на исходный институционализм как теоретико-методологическую основу. Это позволяет объединить элементы указанных выше областей и толковать результаты с точки зрения их общественной ценности, то есть направленности на решение социально-экономических трудностей [Mitchell, 1924; Ефимов, 2011; Курышева, 2022; 2024; Whalen, 2022a];

(3) привести соображения насчёт того, может ли общество хоть что-нибудь противопоставить финансализации, нейтрализовать её негативные эффекты и последствия. В частности, мы попытаемся порефлексировать на тему того, есть ли возврат к традиционным (нередко называемым консервативными) ценностям и подходам в части воспитания здоровой культуры потребления и отказа от заимствования, особенно в случае предметов не первой необходимости. Разработана собственная аналитическая техника, при помощи которой можно проводить оценку поведенческих установок, характеризующих экономическое поведение. Эта техника применена к российскому эмпири-

ческому материалу. Предложено рассматривать эволюционную теорию Торстейна Веблена в качестве альтернативы популярным в прошлом расхожим методикам межстрановых и межкультурных социоэкономических сопоставлений, абсолютизирующими «западные» ценности.

Вклад нашей работы в теоретическую литературу состоит в сочетании теоретических положений из нескольких областей знания, включая институциональную экономику, социологию потребления, социальную психологию, социальную антропологию, критическую макроэкономику. Вкладом в эмпирическую литературу является исследование современных процессов финансализации сочетанием методов. Теоретические положения операционализированы на фактическом материале по кредитованию физических лиц; разработан набор метрик для количественной оценки институции опережающего потребления, показного потребления и псевдо-инвестиционного (спекулятивного) потребления в долг. Качественными методами изучены распространённые нарративы, поддерживающие институт потребительского кредитования, выделены соответствующие институции в его составе. Переосмыслен принцип использования аналитического инструментария Веблена в прикладном институциональном исследовании. Показано, что этические представления институционалистов-классиков сохраняют актуальность, а их метод анализа институционального устройства общества результативен. Вносится посильный вклад в реабилитацию традиционных ценностей и экономической культуры русского народа.

Ключевые слова: институциональная экономика; финансализация; опережающее потребление; долг домохозяйств; научный дискурс.

Глава 1. Экономисты прошлого о разрастании финансового сектора²

Задолго до появления термина «финансиализация» множество учёных посвящали свои работы изучению денежного мотива и его воздействию на экономическое устройство. В этой главе мы обратимся к подходам марксистов, включая современных, и особенно институционалистов-классиков, а также шумпетерианцев, французской школы регулирования и посткейнсианцев.

Центром рассуждений Карла Маркса был капиталистический способ производства, который становится «всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса» [Маркс, 1952, с. 513–514]. Движущая сила этого процесса — господство капитала над трудом. «Клеточка» капиталистического производства — товар, результат общественно-необходимых затрат труда, воплощающий в себе потребительную и меновую стоимость. Маркс апеллировал к тому, что в современном ему мире «господствуют материальные интересы» [там же, с. 88], «производственные отношения принимают вещный характер, независимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности» [там же, с. 100]. Негативные проявления капиталистического устройства экономики Маркс связывал не только с товарным фетишизмом. Много места он уделил живому описанию человеческих черт типичного капиталиста.

«Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности» [Маркс, 1952, с. 138].

«Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII века: “Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встречается ни в каком другом общественном слое или в дру-

² В данной главе использованы материалы публикаций: Курышева, 2022; Верников, Курышева, 2024b; 2024d.

гой стране мира" ("An Essay on Credit and the Bankrupt Act". London, 1707, с. 2)» [Маркс, 1952, с. 144, сн. 97].

«Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: "Nulle terre sans seigneur". — "L'argent n'a pas de maître"» [«Нет земли без господина». — «У денег нет господина»]» [там же, с. 153, сн. 1].

«Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» [там же, с. 339].

Марксистская повестка в плане негативной окраски капиталистического устройства общества и портрета капиталиста была хорошо известна в нашей стране и получила своеобразное практическое воплощение в советский период [Кирдина, 2015, с. 11]; а вот классический институционализм в этом плане затянулся. Причём упущение касается как отечественной, так и зарубежной экономической мысли и, например, такого более широкого контекста, как теоретизирование о природе денег (см., например, исследование Стивена Прэттена о наследии Коммонса [Pratten, 2020]).

Родоначальники институциональной школы экономической мысли являются в исторической перспективе одними из первых учёных, подвергших системной критике финансовое устройство экономики, а именно, подчинённости экономики, в том числе промышленного интереса, крупному финансовому капиталу. Эволюционно-антропологический подход позволил Торстейну Веблену провести связь между факторами материального мира, склонностями, укоренёнными в человеческой природе, формирующими на их основе распространёнными поведенческими установками и институциональным устройством общества. Явления денежного соперничества, стяжательства и показного потребления проистекают из склонности к завистническому сопоставлению и своекорыстия; в более

широком контексте, современная Веблену денежная культура, то есть денежная оценка вещей и событий и вообще пренебрежение материально-вещественными показателями деятельности в угоду финансовым показателям (абсолютизация финансовых показателей) установилась вследствие постепенного опривычивания в западных обществах хищнических привычек, связанных со стремлением к материальной выгоде, которое стало управлять «экономической жизнью христианских народов и в большей мере направляет движение западной цивилизации, чем собственно экономические закономерности» [Веблен, 2015, с. 167]. Хищнические привычки, коренящиеся в инстинкте самолюбия, или эгоистических устремлениях, Веблен относил к непродуктивным, ведущим в долгосрочном периоде к вырождению сообщества, его материальной и культурной деградации. Общепринятая экономическая теория того времени подняла на флаг именно корыстный эгоистический интерес и стремление к выгоде, объявив их естественными, природными характеристиками человеческой природы, за что родоначальники институциональной школы называли её гедонистической, ориентированной на эгоцентризм. Сегодня мы зовём её неоклассической³.

Абсолютизация морали материальной конкуренции фактически означала продолжение следования принципам деятельности частных ремесленников и мелких торговцев-лавочников в новых материальных условиях зарождавшегося финансового капитализма:

«Материальные условия новой экономической ситуации не могли сочетаться с институциональными условиями ста-

³ Институционалисты называли гедонистически направленным дискурсом маржиналистов. Например, одним из наиболее известных сочинений Веблена является его критика работ Дж. Б. Кларка [Veblen, 1961a]. Однако сегодня методологические принципы маржинализма вплетены в программу микроэкономики, которая является магистральной университетской дисциплиной. Речь и о формулировке постулатов, и о различной степени изощрённости математических задачах с использованием предельных величин. Поэтому в наше время «маржиналистов» и «неоклассиков» в методологическом плане, скорее, ассоциируют друг с другом, чем проводят строгое разграничение между ними; того же Кларка называют «неоклассическим маржиналистом» [Stabile, 1997, pp. 817–818] — видимо, для различия с представителями австрийской теории.

рой ситуации. Новый набор базовых понятий о том, что необходимо и что неправильно, усиленно прививался сообществу, и преимущественно трудовому населению, в чьи руки новые нужды промышленности передавали решающую силу. Два занятия, которые характеризуют современную ситуацию — ремесло и мелочная торговля, и здесь индивид, рабочий или торговец, являются тем главным действующим фактором, чья инициатива, труд, усердие и рассудительность определяют экономическое состояние как их самих, так и общества, и это весьма заметно. Это экономическая ситуация, в которой по необходимости индивид имеет дело с индивидом на основе материальной выгоды; где связи групповой общности, которые контролируют экономические и социальные отношения индивида, сами носят материальный характер. Более того, это культурная ситуация, при которой общественные и гражданские отношения, ограничивающие индивида, преимущественно и во все возрастающей степени формируются денежно-материальными целями и поддерживаются денежными санкциями. Индивидуализм современной эпохи вырастает параллельно с целями промышленности и прокладывает себе дорогу силой производственной эффективности. И после того как индивидуальные отношения в рамках этого строя приобретают денежные формы, выработанный таким образом и вплетенный в ткань современных институтов индивидуализм оказывается денежным и, следовательно, также типично эгоистическим» [Веблен, 2015, с. 174–175].

Веблен совершенно не идеализировал эти принципы:

«Плебейские принципы, хотя и распространенные, но считавшиеся низкими и находившиеся под спудом в Средневековье, постепенно выступают на первый план и даже начинают определять экономическую жизнь. В результате аристократические и рыцарские стандарты и идеалы постепенно замещаются и вытесняются этим плебейским пониманием того, что хорошо и что плохо в человеческом поведении. Рыцарские каноны разрушительной эксплуатации и общественного статуса уступают место более корыстным канонам эффективности и денежной мощи» [там же, с. 173–174].

Инстинкт мастерства, или склонность к достижениям, одна из ключевых продуктивных черт человеческой природы, в условиях тенденции рынков к глобализации и сращивания производства с крупным финансовым капиталом низводится, полагал Веблен, к ориентации на денежный успех [Veblen, 1904; 1918а]. Одна из антитез, представлявших для Веблена предмет анализа и впоследствии получивших название «дихотомии Веблена», состоит в противопоставлении институций, поощряющих производство и служащих промышленной культуре и развитию мастерства, — институциям, поощряющим стяжательство, служащим денежной культуре и торговшеству [там же; Waller, 2022, р. 23; Верников, Курышева, 2024а, с. 11]. Процветание бизнеса становится возможным тогда, когда во главу угла ставится капитализация компаний, а значит, ориентация на финансовые показатели и сбыт продукции в ущерб материально-вещественным. Занятость в денежной сфере приобретает куда больший вес в общественном восприятии, чем занятость в промышленности [Veblen, 1901]. Создание денег (*making money*), ассоциируемое с собственно ведением бизнеса (*business*), теперь престижнее и весомее создания полезных благ (*making serviceable goods*), ассоциируемого с промышленностью (*industry*). В этой связи Веблен формулирует концепцию саботажа промышленного производства (*industrial sabotage*), то есть политики владельцев бизнеса и управленцев, фактически подрывающей материальную основу для развития общества за счёт ориентации на краткосрочное извлечение прибыли [Веблен, 2018].

Источником расширения предприятия становится кредит. Денежная ссуда, по Веблену, представляет собой, по сути, проявление фиктивной собственности (*absentee ownership*), когда финансовое требование выписывается под отсутствующий продукт [Veblen, 1923]. Также Веблен проанализировал связь роста заимствований с раскручиванием спирали цен [Veblen, 1905]. Веблен не затрагивал потребительского кредитования коммерческими банками, ведь в то время этот вид банковской деятельности ещё не приобрёл массового характера. Это не делает менее актуальным сегодня его тезис о том, что в его дни,

хоть и в изменившихся формах, но так же, как и в эпоху варварской культуры, принято судить о статусе личности по способности избегать продуктивных усилий, расточительно и демонстративно потреблять богатство и приносить обществу, скорее, не пользу, а вред.

Сегодня мы находим у разных авторов немало примеров применения описанных идей к изучению взаимосвязи между культурой потребительства, институциями показного потребления и псевдо-инвестирования и ростом ВВП, достигаемым за счёт долгового потребления, усиления долговой зависимости домохозяйства. В сочетании с описанной концепцией саботажа со стороны финансистов, эти идеи Веблена обнаруживают прямое отношение к современной «дихотомии» финансализация — реиндустриализация. Представляется, что концептуальной основой для реиндустриализации становится дефинансализация экономики, то есть ограничение финансовой экспансии, снижение относительного размера финансового сектора. Одним из аспектов при этом становится коррекция институциональной динамики вовлечённости домохозяйств в долговые отношения — саживание домохозяйств с «кредитной иглы».

Джон Коммонс называет современную ему стадию развития капитализма эрой, или эпохой, банковского капитализма. То есть это не некий естественный веками существовавший порядок, а один из институциональных порядков со своими укорененными практиками и системой убеждений, поддерживающих эти практики [Commons, 1934]. Такая стадия капитализма характеризуется не только конвейерным производством, чрезвычайно сложной и обширной кредитной системой, корпоративным предпринимательством и денежно-кредитным контролем, но и тем, что главной силой, руководящей бизнесом, направляющей деловую активность, теперь становится не работодатель, наниматель или владелец производства, а финансист высшего звена. Вся экономическая система оказывается организована вокруг огромной сложной сети финансовых взаимодействий, управляемой инвестиционными банкирами.

Появление банкира в качестве доминирующей фигуры в сфере экономики знаменует время, когда огромную важность

приобретает отделение юридического, правового контроля от физического контроля над товарами. Бизнесмен / владелец бизнеса теперь ещё больше заинтересован в росте денежных показателей, а не в производстве потребительной ценности и превращается, в действительности, в специалиста по накоплению денежных ценностей, приостанавливая производственные мощности или придерживая котируемые на рынке товары, тем самым ограничивая производство полезных благ / потребительной стоимости в форме материальных благ. Так, эпоха банкирского капитализма становится эпохой стабилизированного дефицита.

С опорой на изученную литературу в последующих главах мы проанализируем тенденции, сопровождающие накопление долга сектором домохозяйств в России, используя сочетание количественного и качественного метода.

Институциональный подход при изучении экономических взаимодействий, как отмечал Коммонс, приобретает актуальность как раз в связи с развитием глобальной кредитной экономики, поскольку теперь момент возникновения прав, то есть активов, отделён по времени от исполнения обязательств по этим правам [Commons, 1931; Курышева, 2022, с. 97]. Возникновение права требования и связанной с ней обязанности, или долга, переносится в будущее, тем самым остаётся возможность для конфликта интересов, ошибочных суждений, злоупотреблений.

Деньги, рассматриваемые как социальный институт, представляют собой, по Коммонсу, способ обозначения (фиксации) долга, который появляется в ходе трансакций, обращения долгов и освобождения от них [Commons, 1934, р. 278]. Тем самым фактически раскрывается кредитная природа денег⁴ (в том смысле, что деньги, независимо от формы и природы их носителя, всегда представляют собой платёжное требование того, кто ими владеет, по отношению к другим членам платёжного сообщества, у которых возникает обязательство предоставить в ответ на это требование определённое количество товара или услуги). Отсюда Коммонс выводит роль денег как источника власти в современном ему капиталистическом устройстве.

⁴ Джон Коммонс во многом опирался на теорию денег Генри МакЛеода [Skaggs, 1997].

Деньги как предмет изучения вообще занимали родоначальников институциональной школы, хотя позже это стало принято замалчивать. Под «церемониальный», или «формальный», канон знания, например, подпадает представление о деньгах как о «великом колесе обращения» или «средстве обмена» [Veblen, 1898, pp. 382–383; Веблен, 2006, с. 103]. Теория товарной природы денег, развитая Марксом, критиковалась Вебленом, Коммонсом и другими институционалистами. Уэсли Клэр Митчелл также глубоко погрузился в эту тематику и фактически описал социальную конструируемую природу денег [Mitchell, 1916].

Вызовы нового времени состояли в том, что банкиры, будучи заинтересованы преимущественно в стабильной прибыли, недостаточно учитывали необходимость стабилизации занятости и доходов трудящихся масс. По мнению Коммонса, банкиры владеют ключом, который откроет дверь к долгосрочному процветанию для общества, если получится убедить их поставить интересы общества выше своих частных интересов. Будучи «специалистом по будущим событиям» [Gruchy, 1947, р. 228], банкир ответственен за решения, принимаемые им в отношении предоставляемых займов. Для Коммонса главная проблема состояла в преобразовании «банковского капитализма» в «разумный капитализм» (*reasonable capitalism*).

Разные исследователи обратили внимание на то, что понимание институциональной природы денег встречается и у Йозефа Шумпетера, в его менее известных работах [Schumpeter, 2014; Festré, Nasica, 2009; Лакомски-Лагерр, 2020]. Одна из уникальных исследовательниц этой, малоизвестной, стороны наследия Шумпетера Одиль Лакомски-Лагерр считает, что существенный вклад Шумпетера связан со следующим ключевым моментом: «банковская система играет важнейшую роль координирования в экономике, которая находится в неравновесном состоянии из-за разрушительной роли инноваций» [Лакомски-Лагерр, 2020, с. 68–72]. Подчёркивается социальная роль банков в капиталистической системе при реализации ими своей кредитной функции. Коммерческие банки можно рассматривать не как «всего лишь» посредников в проведении расчётов, нейтральных по отношению к реальному сектору экономики, а как фирмы

особого рода, осуществляющие непрямой социальный контроль посредством децентрализованного выпуска денег. Их роль состоит в том, чтобы следить за кредитоспособностью заёмщиков и приемлемым соотношением между уровнем задолженности и просроченными долгами; акцент переносится не на объёмы выдачи кредитных денег, а на надёжность предприятий, которым предоставляются кредиты, и задачу центрального банка — ключевого института капитализма — по сохранению финансовой стабильности, что, вероятно, даже важнее стабильности цен [Лакомски-Лагерр, 2020, с. 68–72]. Действительно, здесь мы находим пересечение с идеями Коммонса. Более того, кредитование, стимулирующее потребление и поддерживающее инновации в финансовом секторе, Шумпетер вообще выносит за рамки полезных для экономического роста и развития [Schumpeter, 1911; Bezemer, 2014]. Эти отдельные аспекты творчества Шумпетера получили меньшее распространение по сравнению с изложенной в «Теории экономического развития» [Schumpeter, 1911; Шумпетер, 1982] убеждённостью о положительном влиянии финансовых ресурсов на экономическое развитие.

Частью институциональной проблематики становятся способы, которым финансисты и корпорации навязывают свою волю, продвигая те или иные интересы рядовым потребителям и формируя их выбор. В то время как «общепринятая» гедонистическая теория продолжала отстаивать мантру об имманентной рациональности и свободном независимом добровольном частном выборе потребителя, уже самим этим фактом добровольности защищённого от произвола, неравенства и несправедливости, институционалисты утверждали, что это мнимая свобода, на самом деле исчезнувшая, но превратившаяся в миф с появлением крупных финансовых корпораций [Commons, 1931; 1936], и этот миф продвигается не только явными непосредственными бенефициарами: экономическая теория также превратилась в ширму, прикрывающую власть корпораций [Galbraith, 1974, р. 8]. Подобно Коммонсу, Джон Гэлбрейт аргументировал необходимость институционального регулирования в целях сокращения хищнических проявлений власти корпораций и нивелирования тем самым проблемы социального неравенства [Galbraith, 1974].

Как видно, институционалисты-классики ставили общественный интерес (*public interest*) выше частных своекорыстных интересов, тем самым противостоя «эпистемологическому гедонизму» [Salles, Camatta, 2020, р. 264]. Именно этот подход впоследствии окрестили методологическим холизмом и подвергли ostracizmu представители оппозиционного лагеря. Однако специфика традиционного институционализма состоит именно в его направленности, по определению Алана Грючи, на обеспечение основ для должного функционирования общества (*social provisioning*) [Whalen, 2022a; Waller, 2022], с чем связывалась социальная полезность экономической науки как таковой [Mitchell, 1924; Gruchy, 1947; Commons, 1934]. Этот подход позволяет не только аргументировать необходимость ограничения и предотвращения безответственных и агрессивных сверхприбыльных кредитных практик, но и проводить оценку негативных последствий и социальных издержек сомнительной государственной политики стимулирования экономического роста за счёт потребления в долг.

Прозорливость Веблена, Коммонса, Митчелла, Гэлбрейта и других институционалистов подтверждается сегодняшним масштабом распространения стяжательства, непроизводительного труда, «бессмысленного потребительства», навязываемого финансовым капиталом и заводящего «общество в тупик» [Мешков, 2007, с. 106].

Неудивительно, почему позиция этой школы была целенаправленно маргинализирована и вытеснена из университетских курсов, в особенности в том, что касается взглядов на финансовые учреждения и их деятельность. Так, в академической аудитории в основном освещается работа Джона Коммонса и его учеников по исследованию американского рынка труда на стыке экономики и права⁵ и часть наследия Веблена, связанная с понятием показного потребления и злоупотребляющего им праздного класса [Veblen, 1922]. Мы видим в работах родоначальников институционального направления экономической

⁵ Подробно о деятельности висконсинской школы институционализма под руководством Дж. Коммонса можно прочитать в работах Малколма Резерфорда [2012a; 2012b].

мысли фундаментальную основу для формирования идеологической оппозиции современному дискурсу финансализации, в котором хищнические практики банков и других учреждений и даже частных лиц изображаются фактически как безальтернативные, а deregулирование финансовой сферы по-прежнему отстаивается как морально оправданное.

Отдельного внимания заслуживает тема портрета финансиста в творчестве Веблена — психологические черты, которыми он наделяет типичного представителя профессии финансиста, и описание его деятельности.

«Передовые христианские государства являются носителями просвещения, и их бизнесмены наделены высокой миссией вместе с просвещением продвигать вперед рубежи финансовой культуры в среду отсталых народов. Как правило, они извлекают солидную маржу, осуществляя деловые операции с народами, не искушенными в финансах, особенно когда торговля с ними в достаточной мере подкреплена силой» [Веблен, 2007, с. 215].

«Тем самым в результате управления промышленной деятельностью посредством финансовых трансакций возникает разрыв между интересами лиц, обладающих свободой соответствующих действий, и интересами общества. Увеличению этого разрыва способствует активное развитие машинной индустрии, порождающее тесную и крупномасштабную стыковку промышленных процессов; одновременно формируется класс финансистов, чей бизнес состоит в стратегическом управлении связями между звенями системы. Вообще говоря, этот класс бизнесменов, коль скоро он не преследует никаких далеко идущих целей, заинтересован в крупных и частых возмущениях системы, поскольку именно изменчивость ситуации порождает доходы представителей этого класса» [там же, с. 30].

«Очевидно, что прибыль, получаемая от такого бизнеса, занятого конкурентной куплей-продажей, не имеет никакого достоверно определяемого отношения к услугам, которые можно оказать сообществу» [Veblen, 1904, р. 78].

«При прочих равных условиях (что отнюдь не всегда имеет место) притязания, выдвигаемые крупными финансистами на основе денежной оценки неосязаемых активов и предостав-

ления кредита, приводят к изъятию значительной доли богатства остальных субъектов, являвшихся предыдущими держателями материальных ценностей» [Веблен, 2007, с. 126].

«Разумеется, мышление финансиста не достигает дон-
кихотских масштабов в смысле альтруистических настроений,
настойчиво требующих отказа от приобретения все большего
и большего богатства, но ему по душе мысль о том, что
тот, кто лучше служит общему благу, при прочих равных
условиях оставляет большую долю совокупного богатства
себе. Приобретение защищенного права собственности на
эту долю превращает его в предполагаемого производителя
собственности. Основой естественного права собственности
служит именно это ложное заключение, которое остается
незыблемым, и рядовой человек полагает, что бизнесмены до-
бавляют к совокупному богатству общества столько же,
сколько они приобретают на основе права собственности; по
крайней мере, преуспевающие бизнесмены искренне убеждены,
что именно такова связь их деятельности с совокупным
богатством и благосостоянием общества. Так что и бизнес-
мены, стремящиеся извлекать повышенные доходы от пред-
принимательства, и население, обеспечивающее доходы
бизнеса, работают сообща, не испытывая сомнений в благора-
зумности целей бизнеса, т.е. благородности сосредоточения
богатства в руках тех, кто обладает достаточным искусством
в финансовых делах» [там же, с. 212–213].

«Мышление финансистов консервативно, тогда как
мышление промышленников основано главным образом на
чуждой консерватизму механической причинной обусловлен-
ности» [там же, с. 231].

«Взамен противопоставления состоятельных и бедных
граждан демаркационную линию следует проводить между
теми, кто готов заниматься социалистической пропагандой,
и теми, кто не готов для подобной деятельности, т. е. между
классами, занятыми в промышленности, и профессиональными
финансистами. Дело не столько в обладании собственностью,
сколько в сфере занятости и не столько в относительном
богатстве, сколько в характере работы. Именно последний
играет действительно важную роль, так как речь идет
о стереотипах мышления, которые он формирует» [там же,
с. 251–252].

Уэсли Клэр Митчелл в эссе о деньгах [Mitchell, 1916] обращает внимание на нестыковку: общепринятая (предтеча современной «неоклассической») экономическая теория выстраивает всё вокруг денежной мотивации (прибыль, экономия на издержках, максимизация дохода/полезности при минимизации издержек) — и одновременно отводит деньгам роль вуали, лишь маскирующей «реальные» процессы, или «технического» средства, средства обслуживания обмена, не оказы-вающего влияния на экономические процессы.

Чарльз Пирс отмечал, что риторика, укоренению которой поспособствовали классики политической экономии, можно с успехом назвать Евангелие алчности, которое противопоставлено Евангелие Христа, ведь на смену принципу взаимной любви и сплочённости пришёл широко растиражированный принцип абсолютизации собственной выгоды и попирания ближнего [Peirce, 1893, p. 182].

Учитывая, что оценочные, то есть этические, суждения вплетены в экономические взаимодействия [Commons, 1934, pp. 56–96], для институционалистов-классиков, в частности, для Веблена, приемлемо было говорить, что бесчеловечно и безответственно разбазаривать наследие отцов в ущерб сыновнему поколению, тем самым умышленно осложняя ему жизнь [Veblen, 1918a, pp. 26–27]. Здесь добродетель обоснована не абстрактным морализаторством, а вполне прагматичной оценкой с опорой на этический критерий: дальновидность, предусмотрительность, разумное использование ресурсного наследия выступают добродетелями потому, что поддерживают жизнь сообщества и позволяют ему воспроизводиться.

Общественный интерес институционалисты-классики ставили выше частных своекорыстных интересов, тем самым противостоя «эпистемологическому гедонизму» [Salles, Camatta, 2020, p. 264], то есть традиционным постулатам экономической теории, уравнивающим удовлетворение предпочтений и психологический комфорт частного лица с социальной пользой [Veblen, 1922, pp. 97–101]. Методологический подход институционалистов, акцентирующий роль сообщества, впоследствии окрестили методологическим холизмом и подвергли остракизму

представители оппозиционного лагеря. Однако социальная польза науки для традиционных институционалистов состояла именно в направленности на обеспечение основ для должного функционирования общества [Whalen, 2022a; 2022b].

Институциональная школа сегодня не относится к самым популярным исследовательским подходам. Хотя эмпирические и теоретические исследования финансализации в русле подхода классических институционалистов достаточно слабо представлены на мировой арене, внутри самой традиции, то есть в современных исследованиях, продолжающих и развивающих исходный институционализм, тема финансализации занимает своё место. Например, Чарльз Уэйлен рассматривает понятие финансализации синонимично понятию капитализма финансовых управляющих (*money manager capitalism*, ММС), использовавшееся Хайманом Мински, тем самым объединяя исследовательские подходы посткейнсианства и институциональной школы [Minsky, Whalen, 1996; Whalen, 2020]. Отмечается, что эпоха финансовых управляющих, которая закрепилась около 1980 года, сопровождалась ростом экономической незащищённости для большинства американцев. Недавняя пандемия COVID-19 выявила её фундаментальные недостатки, но новой эры постфинансализации пока ещё нет даже на горизонте [Whalen, 2022a, р. 9]. Некоторые эмпирические работы в русле классического институционализма будут упомянуты в следующей главе.

Здесь уместно обратиться к упомянутой посткейнсианской традиции. Как следует из названия, она стала развиваться после Джона Мейнарда Кейнса, а значит, и позже классического институционализма. Посткейнсианская традиция опирается на идею о кредитной природе денег (займы создают депозиты) и гипотезу эндогенной денежной массы, развитую Кейнсом в «Трактате о деньгах» [Keynes, 1930], но не получившую дальнейшей разработки в «Общей теории занятости, процента и денег». По мнению Мински, финансализация поддерживает внутреннюю нестабильность капитализма [Minsky, 1975]. Происходит это так. В развитой капиталистической экономике участники сталкиваются с проблемой сочетания высокой прибыли и замедления инвестиций в производственный сектор.

Под давлением акционеров компании выбирают стратегию повышения биржевых показателей и накопления капитала, а инвестиции в производство уходят на второй план [Heise, 2023]. Длительное процветание делает компании склонными к рискованным инвестиционным проектам и ко всё более рискованным режимам финансирования этих проектов, что подстёгивается инновациями в финансовом секторе и ориентацией организаций на прибыль. На фоне гигантских доходов финансового сектора, низких процентных ставок происходит наращивание долга фирмами, и чем дольше длится процветание, тем выше доля фирм, деятельность которых характеризуется рискованными, финансово уязвимыми режимами финансирования, когда финансовых поступлений начинает не хватать для покрытия долговых обязательств.

Мински утверждал, что исходные идеи Кейнса оказались искажены или попросту не учтены последователями и интерпретаторами, в результате чего традиционное кейнсианство приобрело внутреннее сродство с неоклассической теорией.

«По его (Мински. — А. К.) мнению, оба подхода “...основаны на бартерной парадигме — образе крестьянина или ремесленника, торгующих на деревенском рынке” (Minsky, 1975: 57). Его же собственный подход, согласно его словам, “...опирается на спекулятивно-финансовую парадигму — образ банкира, делающего свой бизнес на Уолл-Стрит” (Minsky, 1975: 58)» [Розмаинский, 2025].

Так, Х. Мински подверг критическому анализу эволюцию капитализма и сформулировал гипотезу финансовой нестабильности, или финансовой хрупкости. Капиталистическое устройство современной экономики порождает кризисные явления, регулярные взлеты и провалы рынков, постоянное чередование нестабильности и стагнации, выраженное формулой «стабильность дестабилизирует» [Minsky, 1986].

Близкое по духу направление французской экономической мысли связывают с теорией регулирования Робера Буайе. Здесь также отмечается ключевая мысль о том, что существует определённый порог финансализации, преодоление которого приводит к дестабилизации макроэкономического равновесия.

Режим накопления капитала, сопровождаемый либерализацией, последовавшей за Второй мировой войной, сопряжён с нестабильностью. В краткосрочном и среднесрочном периоде происходит поддержка совокупного спроса, а затем — неизбежны спекулятивные пузыри. Это провоцирует кризис. Предполагается, что денежно-кредитное регулирование обеспечивает открытость экономики для иностранного (международного) финансового капитала, одновременно предотвращая возникновение пузырей, однако справиться с двумя задачами одновременно теперь невозможно. То есть «накопление поддерживает расширение капитализма, но также ввергает его в кризисы» [Веркёй, 2017, с. 131], и в долгосрочной перспективе такой режим накопления неустойчив. Отмечается преобладание в экономике логики финансового рынка и финансовой составляющей в источниках экономического роста, вводится понятие режима накопления капитала, управляемого финансами — *régime d'accumulation à dominante financière* [Chesnais, 1997; Lordon, 1999].

Существует тесная связь и посткейнсианского, и «французского» регулятивного подхода с марксистским, или, говоря точнее, эти подходы перекликаются с политэкономической традицией, которая в своём современном варианте инкорпорирует множество неортодоксальных направлений мысли. Охарактеризовать однозначно идеи, используемые в таких исследованиях, приписав их какой-то одной традиции, сложно, да и незачем, ведь, скорее, речь идёт об общей этической, нравственной позиции по отношению к разрастанию финансового сектора и упрочению власти денег, а не просто о механике оценки явления. Это хорошо прослеживается, к примеру, в том, что ряд организаций поддерживают и развивают в той или иной мере и институциональное направление мысли, и политэкономические подходы, и посткейнсианство: американская Ассоциация эволюционной экономики — *Association for Evolutionary Economics* (AFEE), основанная в 1959 году международная организация экономистов, развивающих традицию институционально-эволюционных исследований, при поддержке которой выпускается журнал *Journal of Economic Issues*; Международная

междисциплинарная сеть институциональных исследований — *World Interdisciplinary Network for Institutional Research* (WINIR), официально оформленная в 2013 году и издающая журнал *Journal of Institutional Economics*; Европейская ассоциация эволюционной политической экономии — *European Association for Evolutionary Political Economy* (EAEP), международное сообщество учёных-экономистов, основанное в 1988 году, поддерживающее журналы *Forum for Social Economics* и *Review of Evolutionary Political Economy* (REPE).

Можно сослаться на выпуск российского журнала «Вопросы политической экономии» № 2 за 2017 год (<https://www.interpolitec.su/>), где на страницах 34–37 приводятся аннотации ряда зарубежных статей политэкономической направленности. Среди них есть статьи и на тему посткейнсианства (с. 34 и 35), и статья Джеки Ходжсона (с. 36), которого привычно позиционируют как институционалиста. В этом же выпуске журнала напечатана статья Жюльена Веркёя о французской теории регулирования, на которую мы ссылаемся выше. А о близости теории регулирования Буайе институциональному подходу указывают сами исследователи творчества Буайе, в частности, цитируя Т. Веблена [Веркёй, 2017, с. 130] и проводя прочие параллели [Одинцова, 2008]. Впрочем, отмечается и опора теории регулирования Буайе на марксистские теории и австрийскую школу [Веркёй, 2017, с. 131]. В наши дни в журнале *New Political Economy* печатаются исследования, основанные на идеях Коммонса для анализа современного банковского сектора [Nesvetailova, 2015]. Да и исторически родоначальники институционализма печатались, например, в *Journal of Political Economy* [см.: Veblen, 1905].

Представители современного критического марксизма взяли на вооружение тему коммерциализации, финансализации образования, начиная от детей до студентов [Яковлева, 2019; 2020]. Также прорабатывается проблематика тотальной агрессивной финансализации хозяйственной и вообще общественной жизни, пока на уровне теоретического осмысления [Бузгалин, Колганов, 2023, с. 150]. Процесс финансализации характеризуется как господство финансового капитала [Palley, 2013].

В данной главе мы показали, что рефлексия по поводу развития и преобладания финансовых мотивов, финансово-ориентированного устройства экономики и общества является важной частью наследия экономической мысли. Рассмотренные направления экономической мысли и исследований не являются частью общепринятой экономической теории, а относятся к теориям, которые в наше время обычно характеризуются как гетеродоксальные. Критическое осмысление устройства экономики и общества, опирающегося на власть денег и финансов, — это один из важных элементов современного академического дискурса.

Глава 2. Современные оценки финансиализации⁶

Итак, представление о стимулирующей роли финансовых организаций для экономического роста стало общепринятым [King, Levine, 1993; Levine, Zervos, 1998]. Во многом произошло это под влиянием тезиса Шумпетера о положительном импульсе, придаваемом ресурсами финансового сектора экономическому развитию, раскрытому в книге «Теория экономического развития» [Schumpeter, 1911; Шумпетер, 1982]. На деле угадать направление влияния сложно: то ли эти предположения экономистов сформировали соответствующую идеологию, выгодную финансовому капитализму; то ли, наоборот, идеология финансового капитализма просто не оставила другого выбора учёным, стремящимся выжить и получить ресурсы для своей работы. Несмотря на отдельные сомнения, колебания и оговорки, тезис о благотворности финансового развития и о его приоритете вышел из университетских аудиторий и стал идеологической опорой, приобрёл статус квази-религиозной догмы. Данный идеологический тезис лёг в основу экономической политики большого числа стран мира. Именно он диктовал кажущиеся парадоксальными рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка сначала развивающимся (в том числе африканским) странам, а затем и странам с переходной экономикой, включая и Россию.

В этой главе рассматриваются, с попыткой их классификации, основные аргументы тех или иных учёных, пытающихся критически осмысливать современное капиталистическое устройство хозяйственной жизни.

2.1. Макроэкономический подход

Пожалуй, наиболее развитым сегодня является макроэкономический подход к изучению явлений и процессов, связанных с финансиализацией. При этом затрагиваются

⁶ В данной главе использованы материалы публикаций: Верников, Курышева, 2024b; 2024d.

разные аспекты с точки зрения как качественных, так и количественных характеристик.

В работе Джейкоба Ассы показано, что правила статистической отчётности, применяемые сегодня в рамках стандартов Системы национальных счетов, были намеренно изменены в 1968 году с тем, чтобы оправдать «производительность» и социальную пользу финансового сектора. Процентные доходы банков, ранее считавшиеся непроизводительными трансфертами, оказались реклассифицированы как вознаграждение за продуктивные услуги. Вдобавок, экспоненциальный рост банковских комиссий привёл к тому, что к 2000-м годам доля финансов достигла около 20 % ВВП в США и Великобритании и превысила 10 % во многих других развитых странах. Тем самым произошла «финансиализация ВВП» [Assa, 2018, pp. 149–150].

Прорывной в плане эмпирической оценки взаимовлияния размеров финансового сектора и экономического роста стала работа трёх авторов [Arcand et al., 2015], ещё на стадии препринта Международного валютного фонда в 2012⁷ году вызвавшая сенсацию. Расчёты на данных ряда стран за период 1990–2000 годов показали, что положительная связь между величиной финансового сектора и экономическим ростом наблюдается лишь до определённого порога, после чего рост замедляется [там же, р. 106]. После прохождения этого порога финансовая глубина может вредить экономическому росту независимо от эффекта эндогенности, волатильности объёма производства, банковских кризисов, «качества» институтов или различий в банковском регулировании и надзоре. Этот исследовательский результат стал настоящим теоретическим открытием. Для ряда стран рассчитанное пороговое значение составило примерно 100 % ВВП.

В России этот показатель долгое время был ниже, поэтому, казалось бы, для нас проблема избыточности финансового сектора не так остра. Мы считаем, что соглашаться с этим нет оснований. Найденная закономерность предполагает по умолчанию, что речь идёт об однотипных экономиках рыночного

⁷ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Too-Much-Finance-26011>

типа. Можно ли считать таковой российскую экономику — это отдельная тема. Ведь мир-системный подход в его самых разных проявлениях, включая теории «раздаточной экономики» [Бессонова, 1994] и «институциональных матриц» [Кирдина, 2014], исходит как раз из обратного: что экономика (и всё общество) России другого типа, а именно нерыночного. По мнению тех, кто убеждён в типологической особости российской экономики, и инвестиционная модель в ней тоже своя [Сазанова, 2024], и денежное обращение происходит по своим законам [Кирдина-Чэндлер, 2023], и даже воспроизводственные пропорции совсем иные [Кирдина-Чэндлер, Маевский и др., 2022]. Если это действительно так, то логично предположить, что взаимосвязь между финансовой глубиной и экономическим ростом в России отличается от тех, которые рассчитаны для рыночных экономик. Портновое значение показателя, эмпирически выявленное Жаном Луи Арканом и коллегами, может оказаться гораздо более низким. Это, в свою очередь, подрывает аргументацию всех тех многочисленных работ и у нас, и на Западе, авторы которых усматривают в низком фактическом значении искомого соотношения или в смежных показателях отдельную проблему, признак отставания финансовой и банковской системы нашей страны от зарубежных [Аганбегян, 2023; Мамонов и др., 2018; Столбов и др., 2018; Данилов и др., 2017; Данилов, 2019].

Данные экономической истории России, скорее, подтверждают наше предположение. Самые высокие темпы экономического роста, технологического прогресса и вообще инновационного развития регистрировались в периоды, когда опережающего роста финансовой системы не было, а наблюдался, скорее, догоняющий рост реального сектора экономики. Так было и в межвоенный период, и в 1960–1970-е годы. В «новой России» эта закономерность проявилась ещё ярче: быстрое развитие финансовой системы происходило на фоне падения всех реальных и финансовых показателей выпуска [Верников, 2018; Vernikov, 2024], то есть происходил пир во время чумы, когда хорошо было только финансовому сектору. За счёт ли других секторов или независимо от их бедственного положения? — ответ на этот вопрос, скорее, мировоззренче-

ский, а не статистический, потому что каждый по-своему интерпретирует имеющуюся статистическую информацию. Таким образом, применять очень важную и полезную концепцию Аркана и его соавторов [Arcand et al., 2015] к анализу финансализации экономики России можно только после внесения существенных корректив, которые, вероятнее всего, понизят пороговое значение финансовой глубины, достижение которого может начать отрицательно сказываться на экономическом и технологическом развитии.

Одно из объяснений возможного отрицательного влияния чрезмерного объёма финансового сектора на экономический рост — экономическая нестабильность, подверженность кризису [там же]. Эта проблематика интенсивно исследуется современными посткейнсианцами. Финансовая хрупкость, или финансовая уязвимость, например, измеряемая соотношением между задолженностью и текущим доходом или другими схожими показателями, изучается в эмпирических работах на материале разных стран [Розманский, 2025]. Распространены и исследования на уровне предприятий, а не только экономики в целом. Повышение процентных ставок или падение цен на активы способны подтолкнуть к банкротству фирмы с высоким соотношением долг / доход. Изучается связь между финансализацией и инвестициями. На данных британских нефинансовых компаний за период 1985–2013 годов показано, что инвестиции в производство имеют тенденцию падать из-за растущей ориентации нефинансового сектора на финансовую деятельность [Tori, Onaran, 2018]. Это приводит к нестабильному росту, даже застою, и к нарушению производительности в долгосрочном периоде. При этом значим вопрос мотивации управленцев высшего звена, напрямую заинтересованных в росте курса акций, от которого зависит их личное вознаграждение [Stockhammer, 2005]. На современном этапе развития капитализма, как подтверждает эмпирика, рост власти акционеров сопровождается снижением темпов роста инвестиций и производства (совокупного объема выпуска) на фоне повышения прибыли в сравнении с фордистской эпохой.

2.2. Структурный и пространственный (финансово-географический) подходы

Встречаются исследования, посвящённые как анализу элементов экономической системы в целом с выделением финансовой подсистемы, так и анализу соотношения между элементами финансовой системы, в том числе в контексте финансовой географии, то есть территориального размещения финансовых учреждений.

Негативное влияние весомого финансового сектора на экономический рост могут оказать диспропорции в размещении ресурсов в экономике (*misallocation of resources*) даже в хорошие времена [Arcand et al., 2015]. Например, Джеймс Тобин писал о том, что при низкой социальной отдаче от финансового сектора его высокая прибыльность привлекает существенную часть выпускников вузов в ущерб производственным секторам экономики [Tobin, 1984]. Более того, он утверждал, что упрощение трансакций в финансовом секторе служит лишь одной цели: интенсификации спекулятивных операций, а не развитию производства. Современные исследователи подтверждают на эмпирическом материале, что финансовые учреждения пере распределяют в свою пользу ресурсы, оттягивая их у производственных отраслей [Deidda, 2006].

Уместно умозаключение, что университеты создали питательную среду для банков и финансовой инфраструктуры, и это касается не только кадровой составляющей, но и идеологии. Та же тенденция поглощения всё большей доли выпускников отечественных вузов финансовой системой отмечена в работе С. Д. Агеевой и А. В. Мишуры. Исследование выявило, что с 1991 по 2016 год в столицах субъектов Российской Федерации (на примере Сибирского федерального округа) фактически произошла ликвидация системы региональных банков, подконтрольных местной власти, а также филиальной сети столичных банков [Агеева, Мишуря, 2017]. Показано, что сеть филиалов московских банков обширнее в тех городах, где в структуре экономики значительна доля услуг, торговли, транспорта, связи, строительства — как раз «непроизводительных» отраслей.

Оценки финансовой структуры в России охватили банки, небанковские финансовые организации и финансовые рынки [Данилов, Пивоваров, 2024]. Расчёты показали, что за предыдущие 7–8 лет наблюдался опережающий рост небанковских организаций. Авторы статьи заключают, что структура финансового рынка, сложившаяся в России, тормозит экономический рост, предположительно, усиливает его волатильность, и государственная политика в финансовом секторе нуждается в корректировке для: (1) обеспечения опережающего развития финансовых рынков по сравнению с банками и небанковскими финансовыми организациями; (2) сохранения опережающего развития небанковских организаций в сравнении с банковскими [Данилов, Пивоваров, 2024, с. 22].

Говорится о том, что в структуре финансового сектора России посредники преобладают над рынками, а среди посредников банки доминируют над небанковскими учреждениями и страховыми компаниями [Столбов и др., 2018, с. 16]. Для перехода стран, включая Россию, с «недоразвитым» финансовым рынком в категорию более развитых предлагается повысить «открытость» и степень интеграции с финансовыми секторами стран-лидеров (путём, например, увеличения кредитов, полученных от банков-нерезидентов, и роста отношения иностранных активов российских банков к ВВП). Попутное увеличение уровня внешнего долга и степени долларизации кредитов и депозитов при этом считается чуть ли не благотворным: «уровень развития и устойчивости финансового сектора по итогам перехода в целом возрастал» [там же, с. 17, 19]. Анализ финансовой структуры довольно распространён в литературе, однако исследования такого типа, как правило, не содержат рефлексии авторов о том, и не отвечает на вопрос, зачем вообще эта структура нужна.

Рассматриваемая как структурная трансформация основной деятельности компаний или как составляющая новых режимов корпоративных финансов и корпоративного управления, финансализация относится к активу баланса нефинансовых компаний [Heise, 2023, р. 968]. Накопление финансового капитала намного опережает физический капитал, и на первое место

выходит не производство добавленной стоимости, а доход, порождаемый инфляцией цен на активы. Эта составляющая финансализации, то есть углубление финансового посредничества, была рационализирована (преподнесена) в рамках общепринятой экономической теории как содействующая лучшему распределению капитала и усилению корпоративного контроля.

Изучается контрциклическая роль государственных банков в период кризиса ликвидности [Bertay et al., 2015].

Необходимо отметить вклад в изучение финансализации и её последствий, который внесло международное сообщество исследователей, позиционирующих свою область знания как «финансовая география» (www.fingeo.net), причём по весьма широкому кругу вопросов: от собственно пространственной структуры финансового сектора и регионального развития до финансализации отдельных сфер (сельское хозяйство, медицина, образование, жилищное строительство [Aalbers, 2019], здравоохранение, инфраструктура), положения финансовых центров и крупных городов, географии финансовых кризисов [Wójcik, 2011], исторических [Christophers, 2014], этических и моральных, культурных и политических [Hall, 2010] аспектов финансовой деятельности. Усилия этого сообщества, объединяющего представителей самых разных научных специальностей, восполняют пробел, возникший в исследовательских программах специалистов по экономике и особенно финансам, которые пока, как правило, не считают для себя финансализацию значимой проблемой.

2.3. Институциональный подход

Теоретико-методологическое наследие институционалистов-классиков используется современными учёными для изучения финансовой экономики. Идеи Коммонса обсуждаются применительно к проблематике мирового финансового кризиса 2007–2009 годов [Kasper, 2014; Mayhew, 2014]. Через призму теоретического подхода Коммонса анализируется возможная реакция сообществ на ипотечные кризисы с помощью инновационного использования права принудительного отчуждения собственности (*eminent domain*), а также объясняются перспек-

тивы этого подхода для совершенствования экономического анализа потребительских расходов и заимствований [Mayhew, 2014]. Институциональный анализ Коммонса, обновлённый Алланом Шмидом, применяется для исследования динамики займов до зарплаты [Kasper, 2014]. Вебленовская концепция саботажа промышленности применяется по аналогии для изучения инноваций на финансовых рынках в свете того, как финансисты сознательно саботируют общественную эффективность [Nesvetailova, Palan, 2013; 2020]. Также используется концепция будущности Коммонса для анализа роли теневого банкинга в мировом финансовом кризисе [Nesvetailova, 2015]. Концепция Коммонса о роли государства в экономике, а также его подход к институтам, служит опорой при анализе социально-экономических последствий изменения банковского регулирования после мирового финансового кризиса [Gemzik-Salwach, 2020].

2.4. Культурно-социологический подход

Исследования социологической направленности имеют отношение к проблематике финансализации через модели потребления, поскольку значительная часть потребления в современном обществе происходит в долг, на заёмные (как правило, от банков) средства. Этот подход имеет много общего с институциональной экономической теорией, даже можно сказать, укоренён в нём, за счёт общей философско-методологический основы [Курышева, 2022; 2024]. Отсюда актуальность вебленовских конструктов показного потребления, статусно-ориентированного потребления, расточительства, праздного досуга, денежной соревновательности, завистнического сопоставления; концепций ложной объективизации значимости товаров и символически нагруженного потребления [Baudrillard, 1996; 1998; Радаев, 2005; Бодрийяр, 2007; Bourdieu, 1989], культуры опережающего потребления [Baudrillard, 1996, р. 159], концепции позиционных благ [Hirsch, 2013], социального позиционирования и относительности норм и уровня потребления [Frank, 2007], нарциссической культуры [Ореховский, Разумов, 2021], «принуждения» к удовольствию (*enforced*

enjoyment) [Baudrillard, 1998, p. 80]. Произошла актуализация («переоткрытие») темы социальной идентичности для изучения экономических проблем [Akerlof, Kranton, 2010]. Источник потребительства не в «природной» ориентированности на удовлетворение безграничных потребностей [Радаев, 2005, с. 15], а зачастую в стремлении выглядеть «не хуже других», а желательно чуть лучше. Показное потребление в долг служит одним из драйверов режима функционирования экономики, основанного на стремлении к прибыли (*profit-led regimes*) [Kapeller, Schütz, 2015]. Поэтому наблюдается целенаправленное конструирование кредиторами и другими организациями, не всегда прямыми бенефициарами, потребительских стереотипов, формирование сюжетов для их продвижения, популяризации. На самом деле социологический подход инкорпорирует и культурные, и психологические факторы, тесно переплетающиеся в реальном поведении. При общей онтологической и эпистемологической опоре социологического и институционального знания условное разграничение нами этих подходов мы основываем на том, что социологический подход может ограничиваться «срезом» тех или иных норм, ценностей, мотивов, поведенческих схем, в то время как эволюционно-антропологическая направленность институционального подхода предполагает стремление выявить их истоки, описать процесс их развития и укоренения (опривычивания), определить перспективу для улучшения ситуации.

Идеи Веблена применяются для оценки процессов, характерных для культуры потребительства, с присущими ей институциями показного потребления и псевдо-инвестирования, усилением долговой зависимости домохозяйств в результате роста долгового потребления [Верников, Курышева, 2022]. Этот подход позволяет не только аргументировать необходимость ограничения и предотвращения безответственных и агрессивных сверхприбыльных кредитных практик, но и проводить оценку негативных последствий и социальных издержек сомнительной государственной политики стимулирования экономического роста за счёт потребления в долг. В следующей главе книги мы остановимся на этом подробнее.

Несмотря на высокую значимость, современные деньги, рассматриваемые как социальное отношение, длительное время находились за рамками социологического анализа [Радаев, 2004, с. 109]. В свою очередь, экономисты традиционно были заняты количественными характеристиками доходов, сбережений, трат, не обращая пристального внимания на мотивы распоряжения деньгами тем или иным образом. Эти мотивы также лежат не в области индивидуальной психологии и субъективного предпочтения, а социально конструируемых норм: «Например, понимание того, что значит “хорошо потратить” или “хорошо вложить” свои деньги, различается по социальным группам» [там же, с. 113–114]. Психология толпы и теория массового поведения объясняют явления неоднократного втягивания граждан в спекуляцию, финансовую пирамиду, когда «механизмы коллективной мобилизации оказываются сильнее личного опыта и переламывают рационализм индивидуальных расчётов» [Радаев, 2002, с. 40]. Поведение масс формируется во многом через «рассказывание историй», конструирование социальных мифов, и те или иные схемы поведения постепенно и незаметно превращаются в социальную норму под влиянием рекламы и средств массовой информации [Wrenn, 2022].

2.5. Этический подход

Проблематику долга можно рассмотреть через призму оценочного суждения о том, хорошо или плохо такое положение дел, при котором рост выгод кредиторов оборачивается издержками для остального общества. Происходит это на фоне явно большей переговорной силы кредиторов, социального одобрения долга, стимулирования «непроизводительных» кредитов, навязывания ненужных потребностей и, как правило, расшатывания финансовой устойчивости заёмщика. Иными словами, имеет ли место игра с нулевыми суммами и растёт ли банковский сектор за счёт остальных отраслей экономики или вместе с ними? [Vernikov, 2024].

В России начинает обсуждаться концепция этичного, или сознательного, потребления, в контексте просоциальных ценностных установок, среди которых учёт «влияния условий производства и последствий использования благ на благополучие

нынешних и будущих поколений» [Шабанова, 2023, с. 14; см. также: Радаев, 2024], но пока вне контекста финансализации, хотя связь тут несомненна.

Моральное измерение имеет вопрос о том, насколько оправданно форсировать долговое потребление в период кризиса, эпидемии или военных действий. Тем более, если речь идёт о предметах далеко не первой необходимости, если не сказать роскоши. Упрощение доступа к кредиту с психологической точки зрения становится средством поддержания видимости меньшего социального неравенства, чем в действительности. Рейтинги правительства, проводящего соответствующую политику, растут. Но в долгосрочной перспективе дешёвые кредиты не решают проблему неравенства, а, наоборот, усугубляют её [Rajan, 2010]. В 2020–2021 годах специфическим драйвером роста покупок машин в кредит в России стало общее состояние социальной напряжённости и незащищённости, которое на протяжении предыдущих восьми лет нагнеталось международным сообществом, а в начале 2022 года воплотилось в реальность нападками на русскую культуру и общество.

В книге нобелевского лауреата Джозефа Стиглица термин «финансализация» не встречается, однако отношение автора к чрезмерному развитию финансового сектора и всевластию финансистов вскоре проявляется через контекст и смысловые коннотации, возникающие от таких выражений, как: «безумные действия [банков] в сфере кредитования» [Стиглиц, 2011, с. 19], «рост был основан на большой задолженности вкупе с чрезмерно высоким уровнем потребления» [там же, с. 21], «я критиковую (кое-кто может употребить слово «очерняю») банки, банкиров и других участников финансового рынка» [там же, с. 23]; «заёмщики продолжали безумное потребление... а кредиторы были довольны колоссальными доходами, получаемыми в результате всё возрастающих платежей» [там же, с. 30]; «финансовый сектор попытался переложить вину на других» [там же, с. 37]; «основную ответственность за случившийся крах несёт финансовый сектор» [там же, с. 40].

К этической плоскости можно отнести вопрос участия, вольного или невольного, академического сообщества в продвижении дискурса «гедонистической» экономики «эгоистиче-

ского интереса», органичным компонентом которой выступает нарратив о полезности банков и кредитных денег, необходимости расширения финансовой системы. Речь идёт не только о ложном изображении безграничности потребностей и редкости ресурсов как имманентного состояния человечества [Радаев, 2005, с. 15]. Синонимично используются понятия действительной (базовой) потребности, обусловленной необходимостью (*need*) и желания, не связанного с удовлетворением первоочередной нужды (*want*) [Frank, 2007; Skidelsky, 2020]. Последствия неудачного выбора, такие как бесконтрольный рост долгов, списываются на недостаточную «рациональность» или плохую осведомлённость, неверный расчёт, низкую «финансовую грамотность», в конце концов, на безответственность конкретного заемщика. О доле ответственности академической науки за кризис 2008 года, когда игнорировались возможные последствия кредитной накачки потребления и житья не по средствам, писал и Стиглиц [2011]. Начиная с 1990-х годов, представители российского академического сообщества тоже продвигают апологетику банковского кредитования, пусть и не всегда рефлексируют это должным образом. Хотя растёт и интерес исследователей к негативным последствиям долгового потребления [Семеко, 2021, с. 109–112].

Заслуживает внимания в этом контексте разграничение информации, обладающей ценностью, и конкурентной рекламы [Veblen, 1904, р. 57]. Искусственное стимулирование спроса, поддерживающее ложную объективизацию значимости товаров и, в частности, опережающее потребление, иногда происходит очень агрессивно, путём навязывания через рекламу определённых ценностей и стереотипов потребления [Бодрийяр, 2020]. Имеет место внушение норм «через рекламу, сфера которой расширяется далеко за пределы функции информирования покупателя об имеющихся изделиях и новинках» [Ореховский, Разумов, 2021, с. 95]. Тогда потребности становятся фактически безграничными, а люди приобретают новые или более дорогие товары вовсе не потому, что они им действительно необходимы, хотя в своё оправдание могут использовать разные доводы, доказывающие рациональность и свободу выбора. Вместе с тем, осознанный выбор, как правило, является результатом привычки,

даже если человек рационализирует этот выбор как личное предпочтение [Hodgson, 2019, p. 115].

Кроме того, интерпретация поведения предполагает учёт его последствий, поэтому простого наблюдения недостаточно для понимания лежащих в его основе мотивов. Ведь использование вещи в соответствии с функциональным назначением вполне сочетается с показным мотивом и расточительством, бесполезностью трат [Veblen, 1922, pp. 97–101; Майровски, 2013b, с. 78]. Факт заимствований вовсе не должен ограничиваться констатацией о том, что людям так больше нравится и им так предпочтительнее. Мотивация заёмщика может быть далека от приписываемого ему типовыми рецептами мейнстрима стремления разрешить насущные проблемы или выбраться из бедности. Тем более, перекладывание всей ответственности за долговые кризисы на «неблагоразумность» потребителя-заёмщика, допускающего бесконтрольный рост долговой нагрузки, вуалирует роль кредиторов в поощрении и стимулировании долгов [Верников, Курышева, 2021; 2022].

Популярная межстрановая парадигма устойчивого развития (*Sustainable Development*) вроде бы нацеливает на рациональное, разумное потребление, повторное использование сырья; бережливое производство, бережливый расход ресурсов⁸. Вместе с тем, на практике, судя по конкретным индикаторам, отдаётся приоритет финансовой инклузии населения, включённости населения в финансовые услуги, повышению охвата этими услугами всё больших территорий и сегментов граждан⁹. Две цели вряд ли стыкуются при недостаточной детализированности показателей, и уже зависит от каждого территориального образования, как будет реализована эта повестка и на основе каких индикаторов.

⁸ Цели в области устойчивого развития. Цель 12. ООН. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁹ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, задача 1.4, индикатор 1.4.1. Sustainable Development Goal indicators website. https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf; Goal 17. UN Department of Economic and Social Affairs. <https://sdgs.un.org/ru/goals/goal17> (дата обращения: 15.01.2025).

Если морально-этическая позиция относительно практики втягивания граждан в долговые отношения находится на одном полюсе нравственной оценки, то на другом — вопрос ответственности заёмщика [Peebles, 2010]. Речь идёт о соразмерности принимаемых долговых обязательств собственным возможностям рассчитаться с долгом, а также о способности обслуживать долг без ущерба для важных статей расходов. Антропологическая литература указывает на то, что использование риторики индивидуальной ответственности заёмщика банками лишь провоцирует обращение к кредитору в стремлении избежать необходимости обращаться за помощью к родным и знакомым и подстёгивает рост долговой нагрузки [Simmel, 2011]. Ещё одно этическое измерение предполагает поиск баланса между неправомерным включением и неправомерным исключением тех или иных граждан или групп населения при принятии решения о предоставлении займа [Meyer, 2018]. Нередко бывает, что преимущество в доступе к кредитным деньгам в рамках льготных программ получают граждане, относящиеся не к самым нуждающимся категориям, просто в силу большей осведомлённости о соответствующих льготных программах.

Круг проанализированных подходов, позволяющих критически подойти к явлению финансализации, даёт основания говорить о том, что это направление общественной мысли должно стать важной частью общепринятого дискурса, а не восприниматься как некое собрание маргинальных идей, далёких от реальности. Очевиден потенциал изучения разных аспектов финансализации. Рассмотренные в данном разделе подходы систематизированы в табл. 1 *Приложения*.

Среди охарактеризованных областей и подходов нас особенно занимает финансализация домохозяйств. Эта тема привычно связана с изучением факторов, влияющих на потребление, поскольку финансализация домохозяйств означает, главным образом, вовлечение индивидуальных заёмщиков в долговые отношения, финансирование потребления за счёт долга.

Глава 3. Основные тенденции финансализации в России

Активное проникновение финансовых отношений во все сферы общественной жизни, включая повседневную деятельность домашнего хозяйства, жилищное строительство, социальную сферу, в том числе медицину и здравоохранение, социальное обеспечение происходит вот уже более тридцати лет. Доля добавленной стоимости финансовых услуг и страховой деятельности в ВВП нашей страны возросла очень существенно — с 0,4 % в 1991 году до 4,4 % в 2024 году (рис. 3.1). Максимального значения (5,2 %) эта доля достигала в 2020–2021 годах.

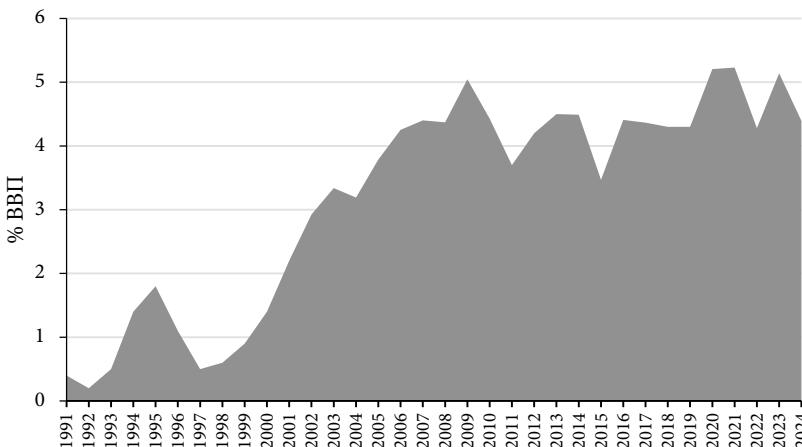

Рис. 3.1. Удельный вес финансовых услуг и страхования в ВВП России¹⁰

Источник: построено автором по данным Росстата о структуре валовой добавленной стоимости по отраслям экономики.

Свойственное современным капиталистическим странам опережающее развитие финансовой сферы, которое проявляется, прежде всего, в росте добавленной стоимости финансовой и страховой деятельности на фоне (и, как правило, за счёт) падения удельного веса отраслей материального производства

¹⁰ Данные на графиках приводятся на конец соответствующего периода.

(добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского и лесного хозяйства, строительства, транспорта) в структуре ВВП, характерно и для России (рис. 3.2). Этот показатель сегодня превышает удельный вес сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства (3,0 % в 2024 году) и сравнялся со строительной отраслью (4,9 %). При этом доля обрабатывающей промышленности составляет 14,6 % ВВП и снижается (в 2005 году она достигла 18,3 %). Например, в 2022 году доля финансовой и страховой деятельности в ВВП у отдельных стран мира составила: Южная Корея — 6,9 %, КНР — 8 %, Великобритания — 9 %, ЮАР — 15,7 %, Люксембург — 24,3 %¹¹. В США в 2023 году удельный вес финансовых услуг и страхования составил 7,3 % ВВП, доля строительной отрасли — 4,4 %, обрабатывающей промышленности — 10,3 %, а сельского, лесного хозяйства, рыболовства и охоты — 0,9 % ВВП¹².

Рис. 3.2. Добавленная стоимость некоторых отраслей в ВВП России

Источник: построено автором по данным Росстата.

¹¹ OECD (2024). Value added by activity (Finance and Insurance) (accessed on May 16, 2024).

¹² Value added by industry as a percentage of gross domestic product. Federal Reserve Bank of St. Louis. <https://fred.stlouisfed.org/release/tables?rid=331&eid=211> (accessed on May 16, 2024).

Как и во многих странах мира, интенсивная финансализация российской экономики и общества сопровождалась социально-экономической политикой либерализации, разгосударствления банковской сферы, приватизации государственных банков и страховых компаний, «открытия» национального рынка банковских и финансовых услуг для иностранного участия, ускоренного создания инфраструктуры фондового и финансового рынка. Ключевым посылом этой политики была убеждённость в способности финансового сектора стать движущей силой развития экономики. Источником соответствующих рекомендаций были Международный валютный фонд, Всемирный банк, другие международные организации. Как оказалось, связь между числом банков, показателями их деятельности, размером присваиваемого ими общественного продукта и функционированием остальной экономики не очевидна и даже сомнительна [Vernikov, 2017; 2024] (рис. 3.3); это касается и эффективности отдельных рыночных институтов финансового сектора, таких, например, как обязательное страхование вкладов [Верников, 2019].

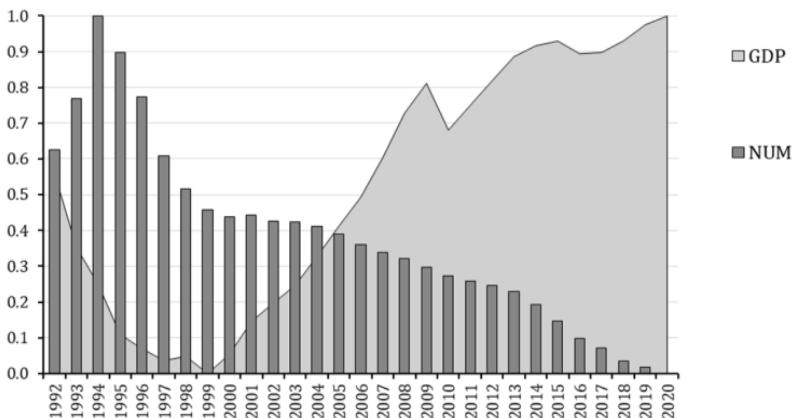

Рис. 3.3. Расходящаяся динамика между индексом количества банков и индексом ВВП в России

Источник: Vernikov, 2024.

Например, после 1991 года быстрое развитие финансовой деятельности наблюдалось на фоне падения показателей материального производства, то есть погружения остальной экономики

в глубокий кризис [Верников, 2018]. Схожим образом, с 2020 года, на фоне серьёзных социально-экономических вызовов, с которыми столкнулась не только наша страна, динамика прибыли российских банков, доходность их активов и капитала показывает опережающий рост в сравнении с остальными организациями, то есть экономикой в целом (рис. 3.4). Структура финансового посредничества в России характеризуется преобладанием банков с государственным участием [Верников, Мамонов, 2016]. Причём высокая рыночная доля (а значит, и рыночная власть) государственных банков обуславливает то, что по прибыльности они не уступают частным [Мамонов, Vernikov, 2017].

Рис. 3.4. Прибыль банков в сравнении с прибылью остальных организаций

Примечание: в качестве прибыли остальных организаций используется сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций (без субъектов малого предпринимательства, кредитных организаций, государственных (муниципальных) учреждений, некредитных финансовых организаций) в действующих ценах; в качестве прибыли банковского сектора — чистая прибыль текущего года.

Источник: расчёт автора по данным Росстата и Банка России.

Выдвигается предположение о том, что отечественный банковский сектор примерно с 2014 года достиг достаточной величины, и его дальнейшее форсированное расширение может

не сопровождается положительным влиянием на остальную экономику [Vernikov, 2024]. Иными словами, есть основания полагать, что экономика России в макроэкономическом плане в целом достаточно обеспечена банковскими услугами. Так, долгое время отношение активов банков к ВВП в нашей стране оставалось на уровне ниже 100 %, что обычно служило аргументом в экспертном и научном дискурсе для игнорирования проблемы избыточности финансового сектора, вернее, указания на её неактуальность. Однако в 2024 году этот показатель превысил 100 %¹³.

Необходимо отметить и такую важную социальную тенденцию: заработная плата в финансовом секторе давно превышает аналогичный показатель в других секторах (рис. 3.5). Это характерно и для прочих обществ с развитым банковско-финансовым сектором, о чём мы уже упоминали в предыдущем разделе, и свидетельствует об отсутствии связи между размером оплаты труда и со сравнительными трудностями, с которыми сталкиваются работники в той или иной сфере занятости, а также с условиями труда или общественной отдачей профессии.

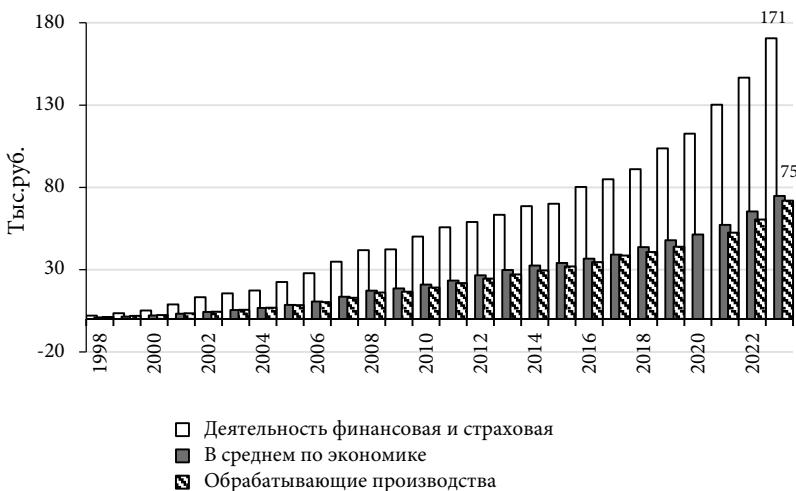

Рис. 3.5. Средняя номинальная заработная плата в России по отраслям
Источник: расчёт автора по данным Росстата; Vernikov, 2024.

¹³ По данным Банка России.

Развитие финансового сектора сопровождалось расширением кредитования населения, что видно по их односторонней динамике, причём кредиты физическим лицам росли быстрее активов в целом и быстрее остальных кредитов (рис. 3.6). Кредитование физических лиц — относительно новое явление, которому чуть больше двадцати лет. До начала XXI века этим реально занимался только Сбербанк, но затем включились другие банки. Частично благодаря кредитованию физических лиц доля добавленной стоимости финансового и страхового сектора в ВВП России выросла с 1,2 % в 2000 году до 4,4 % в 2024 году (рис. 3.1).

Рис. 3.6. Активы банковского сектора, индексы (2004 год = 1)

Источник: расчёт автора по данным Банка России.

Расширение кредитования физических лиц сопровождалось, кроме того, значительно более быстрым ростом доходности в сравнении с кредитами, предоставляемыми банками, в целом (рис. 3.7). Это косвенно показывает высокую мотивацию банков продолжать стимулировать кредитование физических лиц. Как и в других странах с развитой рыночной экономикой и развитым банковским и финансовым сектором, во времена социально-экономических потрясений, каким стала, например, эпидемия коронавирусной инфекции в 2020–2021 годах, прибыль

банков, что называется, взлетела до небес, и, парадоксально, более всего за счёт кредитования граждан. По данным банковской отчётности, в 2022 году процентные доходы банков от кредитования граждан составили половину совокупных процентных доходов банков от кредитования.

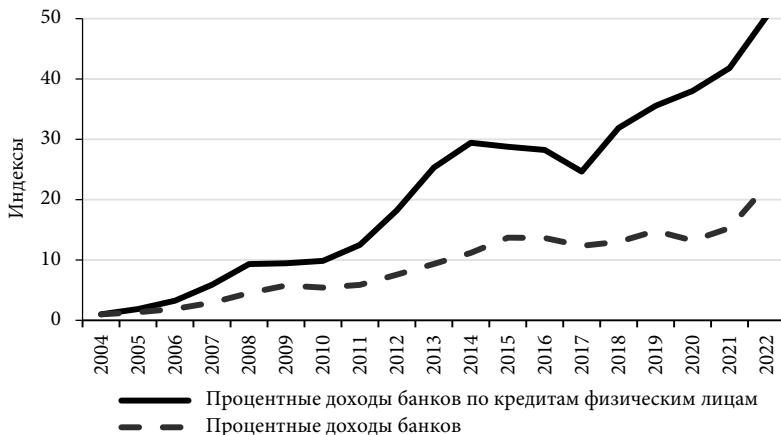

Рис. 3.7. Активы банковского сектора, индексы (2004 год = 1)

Источник: расчёт автора по данным Банка России.

Законодательную основу потребительского кредитования составили федеральные законы:

- «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 03.04.2020);
- «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.06.2020)¹⁴;
- «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ (ред. от 08.06.2020);
- «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 02.12.2019 № 394-ФЗ);
- «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 № 353-ФЗ.

¹⁴ Порядок проведения процедуры банкротства физических лиц был определён лишь с 1 октября 2015 года.

Превращение заимствований у банков в черту массового поведения населения связано в немалой степени с их активным поощрением как банками, так и государством. Это находит отражение в дискурсе прессы 2000-х годов — например, в таких формулировках, как «россияне перестали бояться кредитов»¹⁵.

Динамику вовлечённости россиян в долговые отношения с банками показывает *рис. 3.8.*

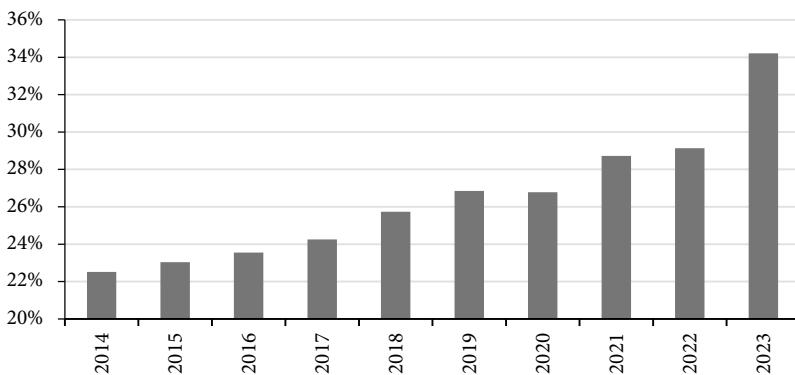

Рис. 3.8. Отношение количества заёмщиков, имеющих хотя бы один банковский кредит, к численности населения

Источник: расчёт автора по данным Банка России и Росстата.

В исследовании Банка России, основанном на данных трёх крупнейших кредитных бюро¹⁶, количество заёмщиков, имеющих хотя бы один кредит, в 2019 году оценивалось в 39,5 млн чел., или 52 % от численности экономически активного населения. На 1 января 2024 года этот показатель составил 50 млн чел., или 65,7 % от численности экономически активного населения. По данным НБКИ¹⁷, среди заёмщиков с действующими кредитами

¹⁵ Россияне перестали бояться кредитов. Banki.ru, 20.11.2009. <https://www.banki.ru/news/research/?id=1565307> (дата обращения: 15.10.2020).

¹⁶ Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015–2019 годах на основе данных бюро кредитных историй. М.: Департамент финансовой стабильности Банка России, 2019. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31947/20191101_dfs.pdf (дата обращения: 26.05.2021).

¹⁷ НБКИ: в 2020 году доля заемщиков с одним кредитом упала до 10 %. НБКИ, 12.03.2021. <https://www.nbki.ru/company/news/?id=306964> (дата обращения: 26.05.2021).

доля тех, в чьей кредитной истории значился один кредит, снизилась на 8 пп. с 2015 года и составила в 2020 году 10 %. Доля тех, у кого в кредитной истории более пяти кредитов, увеличилась за тот же период с 30 % до 56,5 %. Среднее количество кредитов на одного заемщика, по данным НБКИ, составило в 2023 году 2,3 единицы.

По нашим расчётам¹⁸, на начало 2002 года на 1 жителя трудоспособного и старше трудоспособного возраста приходилось 797 руб. задолженности населения по кредитам, а к 2020 году этот показатель вырос до 148 тыс. руб. Размер долга из расчёта на одного заемщика показан на рис. 3.9. В 2014 году на одного заемщика приходилось в среднем 343,3 тыс. руб. долга по кредитам, а в 2023 году — 675,2 тыс. руб.

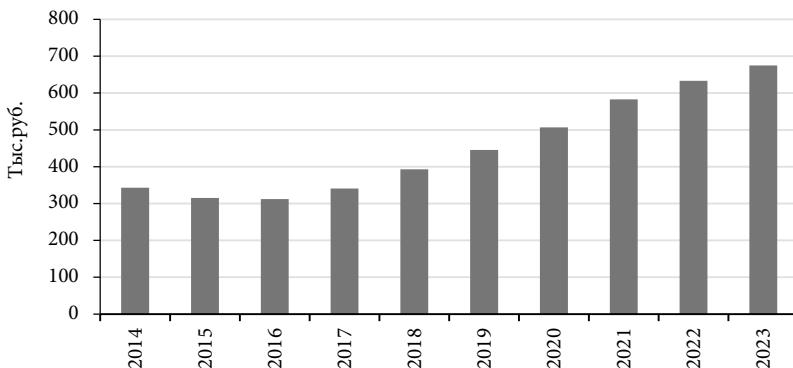

Рис. 3.9. Размер долга на одного заемщика

Источник: расчёт автора по данным Банка России.

Динамика заемствований населения, то есть ежегодно получаемых заемных денег у банков, а также накопления долга перед банками, отражена на рис. 3.10. Ежегодно совокупная задолженность населения, как и численность заемщиков, нарастает. На конец 2023 года невыплаченный долг населения банкам превысил 33 трлн руб., а свыше 26 трлн руб. граждане получили от банков за 2023 год в качестве новых кредитов. Об опривычивании финансирования потребления за счет долга в качестве

¹⁸ По данным Банка России и Росстата.

массовой практики свидетельствует и динамика заимствований (рис. 3.10). Периоды, отмеченные серьёзными кризисами в экономике (2009, 2015 годы), отмечены непродолжительным спадом заимствований и быстрым возобновлением их интенсивности. Рост кредитования на цели потребления, в том числе предметов не первой необходимости, наблюдается даже в периоды социальных и экономических потрясений типа эпидемии 2020–2021 и СВО [Kurysheva, Vernikov, 2024].

Рис. 3.10. Полученные населением России банковские кредиты и накопление задолженности перед банками

Источник: расчёт автора по данным Банка России.

В структуре заимствований, ежегодно получаемых гражданами от банков, на всём протяжении развития банковского кредитования в России преобладают необеспеченные ссуды (рис. 3.11). Это преобладание сохраняется и сегодня, хотя ипотечные кредиты постепенно начинают занимать всё большую долю. А вот структура невыплаченного долга иная (рис. 3.12). С развитием ипотечного кредитования преобладание краткосрочных необеспеченных нецелевых займов в структуре задолженности населения перед банками постепенно исчезало. Например, в 2020 году задолженность по ипотечным жилищным

кредитам составила 46 % совокупной задолженности населения по кредитам, а на конец 2024 года на их долю приходится уже до 55 % общей суммы долга.

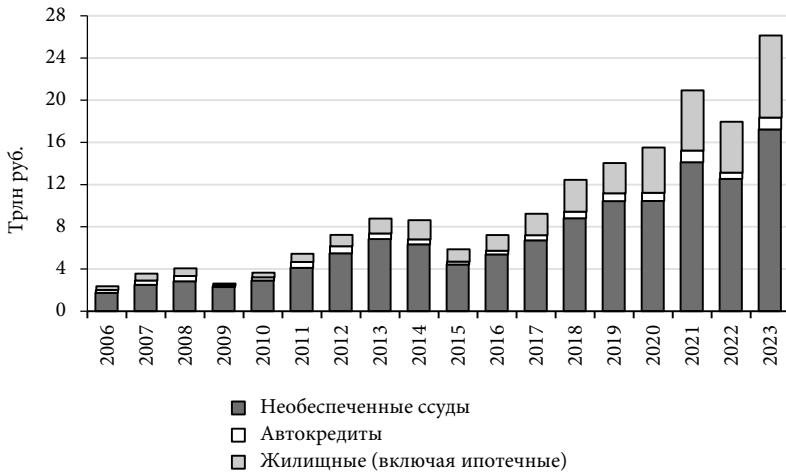

Рис. 3.11. Структура банковских займов, ежегодно получаемых домохозяйствами

Источник: расчёт автора по данным Банка России и НБКИ.

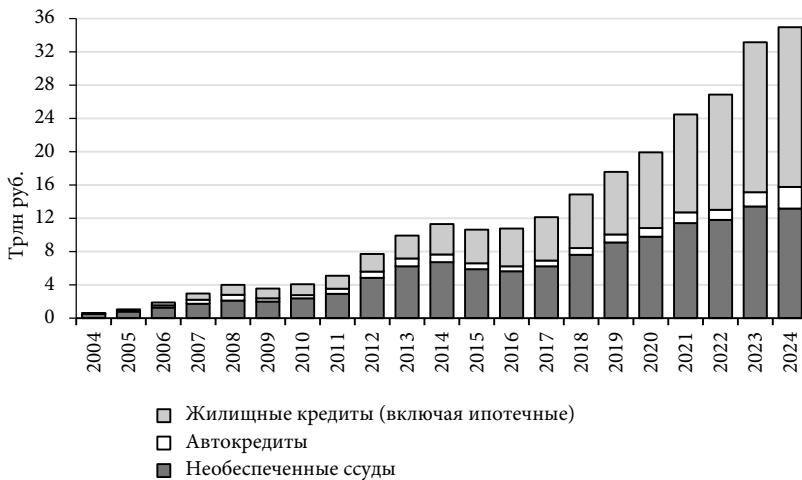

Рис. 3.12. Структура задолженности домохозяйств перед банками

Источник: расчёт автора по данным Банка России и НБКИ.

Распространённым нарративом является якобы относительная недокредитованность россиян в сравнении с жителями других стран, оцениваемая по показателю долг / годовой ВВП (рис. 3.13). В России, по мировым меркам, этот показатель пока не запределен.

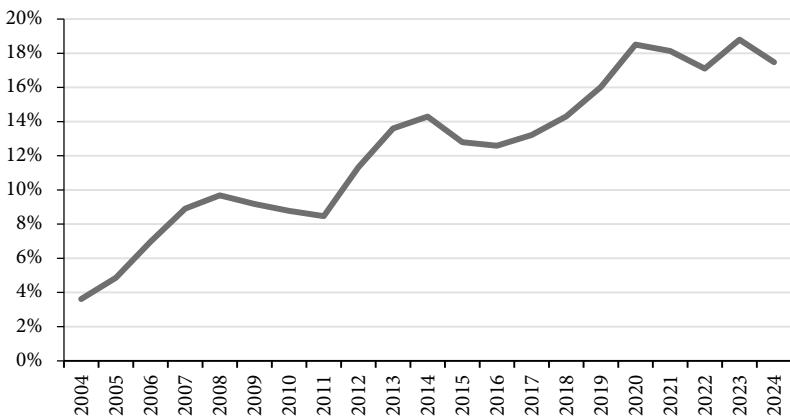

Рис. 3.13. Долг домохозяйств / годовой ВВП

Источник: расчёт автора по данным Банка России и Росстата.

Вместе с тем, рост доходов банков от кредитования физических лиц опережал не только рост процентных доходов по всем видам кредитования, как отмечено выше, но и рост располагаемых ресурсов граждан (рис. 3.14). Это помогает понять, почему банки направляют ресурсы на поддержание и развитие кредитования граждан, включая «успокоение» общественного мнения по поводу посильности долговой нагрузки на заемщиков.

Кроме того, исследователи отмечают, что в России доля проблемных розничных кредитов выше, чем в странах, в которых долговая нагрузка на население значительно; так, в 2015–2017 годах 25 % заемщиков направляли на оплату кредита более 30 % дохода [Кузина, Крупенский, 2018].

Можно рассмотреть в динамике соотношение между тем, сколько в денежном выражении граждане получили от банков в форме заимствований и сколько отдали им в счет возврата основной суммы долга и оплаты процентов (рис. 3.15).

Рис. 3.14. Доходы банков vs. доходы граждан, индексы (2004 год = 1)

Источник: расчёт автора по данным Банка России и Росстата.

Рис. 3.15. Потоки, характеризующие получение заемных денег и возврат долга

Источник: расчёт автора по данным Банка России.

Как видно из рис. 3.15, практически на каждом временном отрезке население заимствует ориентировочно столько же, сколько отдаёт в счёт обслуживания этого [накопленного] долга. После 2013 года объём выплачиваемого долга по кредитам с процентами превышает объёмы получаемых от банков кредитных денег, а совокупная задолженность продолжает накапливаться. Учитывая, что кредитные деньги тратятся заёмщиком, как правило, одномоментно на приобретение какого-то объекта, а дальнейшее погашение долга происходит в течение того или иного периода, да ещё и с процентами, — становится ясно, что финансирование потребления за счёт заимствования, повышая потребление для домохозяйства заёмщика в моменте, иногда резко (если речь о дорогостоящей покупке), в дальнейшем сопровождается понижением потребления. Это дало повод некоторым исследователям, с привлечением эмпирического материала, сделать соответствующие выводы [см., например: Garber et al., 2024; Мишурा и др., 2025]. В долгосрочном периоде кредит не способствует «сглаживанию» потребления и «поддержанию» привычного уровня потребления, а отвлекает ресурсы домохозяйства, которые вынужденно направляются на погашение долга.

Глава 4. Финансиализация домашнего хозяйства¹⁹

4.1. Жизнь в долг как общественно конструируемая привычка

Финансиализация повседневной жизни, или финансиализация домохозяйств (*financialization of everyday life, household financialization*), относится не столько к предметной области науки о финансах, сколько, прежде всего, к предметному полю социологии потребления. Исходной точкой рассуждений является то, что нормы потребления формируются и изменяются в связи с разными факторами, а не являются чем-то заданным априори, от природы заложенным и подлежащим изучению *per se*.

Представителями институционального направления экономической мысли была введена в экономическую науку проблематика относительности норм потребления и, по сути, неразрывной связи социальной идентичности и процесса потребления. С тех пор эта проблематика составляет ядро социолого-экономических исследований с учётом социальных, психологических, культурных и антропологических факторов. Джон Коммонс, горячо увлечённый проблемами социальной несправедливости, сознавал, что постоянное социальное сравнение актуализирует проблему распределения материального богатства и неравенства [Commons, 1894, р. 7], и видел призвание учёного-экономиста в том, чтобы практическими действиями способствовать снижению неравенства.

Знаменательной стала работа Торстейна Веблена конца XIX века «Теория праздного класса: экономическое исследование институтций» [Veblen, 1922]. Веблен вводит понятие так называемых непроизводительных расходов (непроизводительного расходования) и потребления [*ability to spend, to consume unproductively* — Veblen, 1894, р. 200; *to consume unproductively, unproductive consumption* — Veblen, 1922, pp. 63, 69]. Связанное с непроизводительным расходованием средств, или расточи-

¹⁹ В главе использованы материалы публикаций: Верников, Курышева, 2021; 2022; 2024b; 2024d.

тельством, явление *conspicuous consumption*, то есть показное потребление или потребление напоказ, в научной литературе нередко стали ошибочно ассоциировать со специфическими потребительскими практиками, распространёнными среди обеспеченных слоёв населения, а само слово *conspicuous* начали преимущественно переводить как «демонстративное», что тоже, в определённом смысле, помогло укоренению этой неточности [Покусаенко, 2024]. Однако Веблен делает акцент на том, что показное потребление характерно для любой общественной группы, и без него не обходится ни один класс общества, даже самый бедный:

«Нет такого класса общества, даже среди совсем обнищавших, который отказался бы полностью от общепринятых форм показного потребления. От самых последних статей расходов из данной категории отказываются разве что под давлением жесточайшей нужды. Множество тягот и неудобств будет стойко перенесено, прежде чем люди отважатся расстаться с последней безделушкой и убрать последние притязания на материальную благопристойность. И ни один общественный класс и ни одна страна не откажут себе в удовлетворении этой высшей духовной потребности и не пойдут малодушно на поводу физической нужды» [Veblen, 1922, р. 85; перевод приводится по: Покусаенко, 2024, с. 270].

Всё дело в том, что при любом уровне достатка обладание теми или иными вещами или вообще те или иные траты, расходы позволяют людям выглядеть «не хуже других» — то есть отождествлять себя с определённой социальной группой, потребляя на уровне того, «как принято». А желательно — немногого лучше. Поддержание определённого уровня расходов или пользование определёнными вещами коренится в восприятии вещей как символов статуса, покупаемых для того, чтобы произвести внешнее впечатление или не отставать от окружения. В подтверждение этому, встречаются эмпирические исследования, в которых рассуждения Веблена связываются как раз с положением среднего класса, а не самых обеспеченных групп [Kapeller, Schütz, 2015].

Потребности, которые прежде рассматривались экономической наукой в качестве априори ненасыщаемых, имеют социально конструируемую природу, то есть формируются в значительной мере под воздействием общества. Они неизбежно связаны с удовлетворением необходимых нужд и большей частью не заданы от природы, а обусловлены или опосредованы включённостью человека в те или иные сообщества. Развивая прагматическую философию Чарльза Пирса, Веблен утверждал, что желания и потребности не могут быть истолкованы лишь исходя из наблюдаемого поведения; нужно интерпретировать лежащие в их основе убеждения и мотивы, а также оценить последствия поведения. Приобретение предметов, оплата услуг или определённое времяпрепровождение часто связаны не с их способностью обслуживать ту или иную потребность саму по себе, то есть с функциональным назначением вещи (услуги) — целесообразностью траты — а с тем, что факт обладания этой вещью, оплаты соответствующей услуги или организации тем или иным образом досуга является социальным сигналом, внешним маркером принадлежности человека к тому или иному кругу общества.

Довольно подробно [Veblen, 1922, pp. 97–101] Веблен поясняет: является ли предмет объектом показного потребления, должно оценивать через призму того, насколько потребление происходит из привычки или обычая производить завистническое сопоставление, денежное сравнение. Признаком показного потребления служит свойство вещи обслуживать потребность в сочетании с показной тратой, или расточительством, причём при росте цены спрос на эту вещь не снижается, а, напротив, может вырасти. В реальном поведении мотивы тесно переплетены, функциональное назначение вещи может быть совместимо с расточительством, более того, практически каждый акт потребления в действительности в той или иной мере сочетает в себе и функциональность, и показной мотив. Например, и столовое серебро когда-то считалось непозволительной роскошью, а потом вошло в обиход. Но ведь им ещё и пользуются в качестве приборов для еды, а не только любуются и выставляют на обозрение, чтобы похвастаться. В акте потребления отдельного индивида неизбежно будут присутствовать рацио-

нализации насчёт истинной пользы предмета. По Веблену, оценивать, является ли расходование показной тратой или нет, надлежит не в плане того, приводит ли оно к удовлетворению отдельного потребителя и его психологическому комфорту, а в том, служит ли расходование непосредственно улучшению человеческой жизни в целом — способствует ли общественному развитию, рассматриваемому вне связи с отдельными лицами.

Со временем эта часть наследия Веблена укоренилась в институциональной и социологической литературе. В наши дни это распространённая теоретическая призма для изучения и оценки потребительских практик. Таким образом, институциональная и социологическая литература признаёт, что нормы потребления относительны, и рыночный выбор покупателя подлежит изучению не как данность, а требует объяснения сам по себе. Экономическая рациональность при таком подходе предстаёт сама «социально и культурно детерминированной» [Майровски, 2013b, с. 76], а значит, подлежит изучению и объяснению.

Наблюдения Веблена стали основой для концепции позиционных благ [Hirsch, 2013], смысл которой — в идеи относительной редкости. «Позиционное» благо — то, которым не могут одновременно обладать несколько человек. Становясь общедоступным, оно утрачивает ценность, а пока остаётся редким, его обладатель чувствует свою уникальность. Подобно тому, как построения Веблена распространяются на все общественные классы, и идея позиционных благ со временем стала рассматриваться в контексте разных социальных групп, людей разного уровня достатка. Сами люди могут не рефлексировать этого, но их поведение направляется неосознанной «подгонкой» собственных норм потребления под те, что характерны для окружения. Это и заставляет чувствовать себя «относительно обделённым» при виде более красивых домов или более дорогих автомобилей. Важность социального позиционирования, проявляющегося через относительный уровень потребления, увеличивается по мере роста социального неравенства [Frank, 2007]. Так, социальное позиционирование по своей сути специфично для того или иного сообщества [Lawson, 2015]. Иными словами, понятие привычного уровня жизни — понятие относительное.

Хотя простая зависть, безусловно, является мощным двигателем человеческих действий, в ней есть нечто большее. Важным мотивом денежного соперничества (по Веблену) является сигнал о своём социальном положении. Практики показного расточительства фактически служат для публичного доказательства платёжеспособности [Радаев, 2005]. Информационная функция предметов показного потребления в качестве символов социального статуса связана с соревновательностью в потреблении. Речь идёт об информации о самом себе в контексте восприятия себя другими [Шишкина, 2020]. Близок по смыслу и концепт символически нагруженного потребления. Он предполагает, что вещи, покупаемые людьми, служат социальными знаками, потребляются как «символы», связанные с определенным образом жизни, где потребление воспринимается как особый способ социализации; ценность вещей формируется в ходе социальных взаимодействий и определяется смыслами и значениями, разделяемыми людьми [Бодрийяр, 2007]. Вещи имеют значение: через обладание ими люди проявляют свою социальную идентичность. Вещи приобретают значимость как выражение образа, с которым люди хотели бы ассоциироваться в глазах своего окружения. Это толкает людей, а именно средний класс, на расточительство и потребление напоказ, то есть ради создания видимости большей материальной обеспеченности, чем на самом деле; например, автомобили, безусловно, являются одним из значимых социальных символов [Baudrillard, 1998].

Это принципиальные моменты для понимания современных тенденций финансализации повседневной жизни. Ведь общепринятая экономическая теория, будучи основана на иных философских и методологических посылках [Майровски, 2012; 2013а; 2013б], напротив, нивелирует факт социальной конструируемости потребления, изображая распространённые потребительские практики как аномалию, особый случай или отклонение от нормы, от эталонной рациональности, называя их «эффект Веблена», «эффект сноба», «эффект присоединения к большинству», «товар Гиффена» и др. Немаловажно, что особенностью методологического аппарата неоклассической теории является

редуцирование. Человек рассматривается вне связи с каждой-дневной привычной деятельностью (*cotton man*), не как гражданин, включённый с самого своего рождения в социальные отношения и определённые сообщества, а как обособленный субъект, принимающий рациональные решения, касающиеся выбора, основанного на расчёте. По выражению Веблена, даже шайка алеутских островитян с их магическими ритуалами поиска жемчуга предстала бы «рациональными максимизирующими полезность агентами» [Veblen, 1961a, p. 193].

Необходимо акцентировать и тот факт, что сегодняшняя экономическая теория не различает понятия нужды, необходимой потребности (*need*) и обязательной потребности, желания, «хотелки» (*want*) [Frank, 2007]. Чрезмерное внимание к желаниям вместо нужд порождает потребительство, когда больший спрос ассоциируется только с положительными последствиями для отдельных лиц и экономики в целом и рассматривается как двигатель экономического роста. Между тем, все более дорогие предметы покупаются не для удовлетворения основных потребностей людей, а в первую очередь для создания видимости, поддержания определённого образа в глазах других, культивирования тех или иных ценностей и стереотипов. Они, в свою очередь, навязываются людям посредством убеждения, например, продвигаются агрессивной рекламой, другими маркетинговыми средствами. В результате желания потребителей становятся практически неограниченными [Skidelsky, 2020]. В курсах магистральной экономической дисциплины этот аспект по-прежнему игнорируется, и подчёркивается, что свободный рынок лучше всего подходит для удовлетворения предпочтений каждого человека через принцип спроса и предложения. Согласно традиционным неоклассическим постулатам, удовлетворение предпочтений трактуется как неоспоримо желательный результат для общества. В соответствии с этой точкой зрения, потребление поддерживается и подпитывается финансовыми продуктами, и кредит повышает способность индивида приобретать желаемые товары и услуги, без какого-либо экономического вреда *per se*. Такая риторика позволяет вывести накопление долга сектором домохозяйств

за рамки теоретического анализа, ведь кредиты якобы для того и предназначены, чтобы позволить населению приобрести недоступные товары и услуги, тем самым реализовав личный свободный выбор.

Объяснение процесса формирования потребностей настолько важно для этой главы потому, что, хоть во времена Веблена и других первых институционалистов потребительское кредитование домохозяйств ещё не превратилось в массовую практику и социальную норму, в современной экономике потребление практически получило возможность расширяться безгранично за счёт займных денег. То есть кредитные деньги устраниют ограничение спроса. Тем самым, стереотипы, идеи, ценности, мотивы, общественные установки, побуждающие человека приобретать всё новые и новые товары, осуществлять всё новые и новые траты оказываются в центре внимания. Это позволяет перекинуть мостик от теоретизирования относительно привычек потребления, или, более широко, культуры потребления к финансииализации домохозяйств — вовлечению граждан в долговые отношения, предполагающие финансирование потребления за счёт долга, а также участие в финансовых спекуляциях и, в целом, в псевдо-инвестиционных схемах, в том числе и на займные деньги.

Институционалисты подчеркивают идею социального обеспечения [Whalen, 2022a; Waller, 2022; Almeida, 2023] среди задач экономической науки и приоритетов общественной политики. Однако эффективность банковского сектора способствует непродуктивному, показному потреблению, расточительству и тем самым ухудшает социальное обеспечение [Watkins, 2015]. Непрерывное массовое производство товаров и связанная с ним технология конкуренции по издержкам (экономии на расходах) вместе с эволюцией потребительского кредита подпитывают стремление к постоянному повышению уровня жизни [Watkins, 2019]. Макроэкономический подход Веблена к изучению финансов (*Veblen's financial macroeconomic perspective*) раскрывает сущность хищнических институтов, которые преобладают на финансовой стадии капитализма. Эти институты рутинизируют, опривычивают в массовом сознании хищниче-

ские и мошеннические практики, способствующие денежной выгодае, спекулятивным манипуляциям и чрезмерному использованию заемных средств, что в конечном итоге приводит к финансовой нестабильности [Argitis, 2016]. Тем не менее, модели показного потребления постепенно стали социальной нормой под влиянием общественного дискурса [Wrenn, 2022].

Культура массового потребления, а точнее сказать, всеобщего потребительства, и расширение финансового сектора подпитывают друг друга. Есть тесная связь между доступностью кредитов и потребительством. Культуру потребительства Жан Бодрийяр характеризует, как стремление не упустить шанс попробовать всё, что можно, «здесь и сейчас». Удовлетворение превращается в императив, и стремление к удовольствию не просто движет потребителем, а становится «принудительным» (*enforced enjoyment*) [Baudrillard, 1998, p. 80]. Так, преобладающей характеристикой существующих моделей потребления является ложная объективизация значимости товаров [Бодрийяр, 2007]. Поддерживается она стимулированием спроса, в том числе популяризацией через рекламу определённых ценностей и стереотипов потребления; люди приобретают новые или более дорогие товары уже не потому, что они им действительно необходимы. В случае если кредиторы и другие заинтересованные организации обладают значительной переговорной силой, они могут воздействовать на мотивы, связанные с социальной идентичностью потенциальных заёмщиков, со всё возрастающим энтузиазмом эксплуатируя распространённые поведенческие стереотипы. Причём лица, способные навязывать культурные и символические практики остальной части общества, по утверждению Пьера Бурдье, играют ведущую роль в воспроизведстве социальных отношений господства [Bourdieu, 1989]. На этом фоне доступность кредита влияет на жизненный цикл обладания вещами. По мере развития кредитной экономики человек всё больше привыкает приобретать то, на что у него не хватает текущего дохода; эти предметы ещё им не заработаны. Такую культурную характеристику Бодрийяр назвал опережающим потреблением [Baudrillard, 1996, p. 159]. Правила массовой культуры опережающего потребления, то есть потребления

в долг, по выражению Бодрийяра, воплощены образом до-влеющего над человеком невыплаченного долга.

Сегодня практически любой гражданин, независимо от достатка, может позволить себе изобилие вещей; кредитная экономика даёт возможность людям приобретать товары за деньги, которые они пока не заработали. Привычка жить не по средствам и покупать вещи, не соответствующие текущему доходу или имеющимся сбережениям, распространяется на товары, удовлетворяющие и основные потребности, и желания, порождаемые завистническим сопоставлением и тщеславием. Эта социальная привычка обсуждается учёными, но охотно поддерживается банками, торговыми организациями, правительством. По утверждению польского экономиста Гжегожа Колодко, кредитозависимый спрос домохозяйств все больше стимулируется социально сконструированными ненасытными желаниями, что приводит к безудержному потребительству, росту аппетитов и стремлений [Kolodko, 2014].

Как и работы институционалистов-классиков, антропологическая литература явным образом связывает с долгом категории власти, зависимости и подчинения [Гребер, 2016]. Возникновение долга означает неравноправность и зависимость [Канаев, 2007]. Подчёркивается, что моральные и материальные аспекты долговых отношений тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга [Peebles, 2010]. Это актуализирует внимание к тому, как кредиторы влияют на потребление, задавая ориентиры и приоритеты, направляя его в то или иное русло, с одной стороны, а с другой — заставляет задуматься, как в данном контексте происходит принятие на себя кредитных обязательств заёмщиком. Может показаться, что риторика индивидуальной ответственности заёмщика помогает предотвратить неконтролируемый рост долговой нагрузки. Однако существует мнение, что в современном обществе такие установки не ограничивают потребительское кредитование, а лишь подстёгивают его, потому что люди прибегают к заимствованиям в стремлении избежать морального обязательства перед родственниками и знакомыми и рассчитывать только на свои силы в обустройстве собственной жизни [Simmel, 2011]. Идут дискуссии о балансе

между обоснованным включением и правомерным исключением граждан из сферы кредитования [Meyer, 2018], о распространённости недобросовестных или безответственных кредитных практик, хищнического кредитования [Squires, 2004].

В контексте вопросов о взаимосвязи долга и власти нельзя не упомянуть о развитии современного марксистского подхода к проблеме долговой зависимости граждан. Сюзан Сёдерберг [Soederberg, 2014; 2018] в жёстких выражениях характеризует современный капиталистический строй как «людоедский» (*cannibalistic*). Она определяет его как *debtfare state*, то есть государство всеобщей задолженности (парафраз известного выражения «государство всеобщего благоденствия»), в котором усиливается социальная власть денег, позволяющая крупным банкам генерировать высокий уровень доходов через бесконтрольные процентные ставки. «Демократизация кредита», то есть обеспечение доступности кредита для бедного населения, с 1960–1970-х годов привела к социальному воспроизведству «индустрии бедности». Кредитование бедняков под вывеской «финансовой инклузии» на глобальном «Севере», равно как глобальном «Юге», стало высокодоходной и быстро развивающейся отраслью. Сёдерберг отрицает общепринятую позицию о естественности, неизбежности и взаимовыгодности финансовой доступности. Она делает акцент на том, что структурное насилие, присущее неолиберализму и росту накоплений за счёт кредита, создало и нормализовало реальность, в которой работающие бедные больше не могут себе позволить жить без дорогого кредита.

Оговорённые выше аспекты рождают тему взаимосвязи благосостояния домохозяйств, социального неравенства и долга. В следующем параграфе мы рассмотрим, как эта связь отражена в современной литературе.

4.2. Современный академический дискурс о вовлечении граждан в заемствования

Жизнь взаймы — одна из опривычиваемых общественных норм и практик и подлежит научному изучению в таковом качестве. Исторически нормой было стремление жить по средствам

и избегать состояния задолженности. Потребление в долг превращается в общественную норму не само по себе. Обществоведы давно поняли, что потребительский спрос стимулируется искусственно [Зелизер, 2004; Радаев, 2005; Skidelsky, 2020]. Стереотипы, оправдывающие и даже одобряющие заимствование на цели потребления, целенаправленно формируются заинтересованными сторонами, в особенности, если традиционная культура данного этноса осуждала житьё не по средствам, наличие долгов и вообще финансовую зависимость от посторонних лиц [Зелизер, 2004]. Банковская ссуда домашним хозяйствам — существенная часть финансализации, а, поскольку последняя понимается как возрастающая роль финансовых мотивов, финансовых рынков и финансовых организаций [Epstein, 2005], то на арену выходят усилия заинтересованных организаций, в частности, банковских и небанковских кредитных учреждений. Эти усилия направлены на то, чтобы приучить население пользоваться кредитными продуктами, закрепляя ассоциацию между заимствованием и удовлетворением любых жизненных потребностей — как фундаментальных (жилищная проблема), так и сиюминутных (импульсивное желание новой блестящей игрушки).

Массовое кредитование физических лиц — относительно новое по историческим меркам явление, в частности, в России ему чуть больше двадцати лет. Его подпитывают общественные нормы,ственные культуры потребительства и опережающего потребления, формирующиеся в немалой степени под действием выгодоприобретателей, руководствующихся корыстными интересами. В формировании, поддержании и распространении этих норм играют роль стороны, заинтересованные в расширении кредитования, кредитные организации, но не только. Каналами распространения нарративов, поддерживающих идеологию финансализации, служат СМИ, реклама и маркетинг, программные документы правительства и влиятельных организаций, культура и искусство (прежде всего, кино), литература, в том числе научная, образовательные программы. Тем самым заинтересованные стороны смещают границы допустимого дискурса, постепенно опривычивая его в массах. Для этого

воздействию подвергаются различные мотивы, свойства человеческой природы. Таким образом нарратив финансализации и нарратив потребительства подпитывают друг друга — рост потребностей в современном обществе разгоняет и заимствования.

Сильно распространён нарратив о положительной зависимости между расширением доступа домохозяйств к финансовым услугам и благосостоянием населения. Кредитование частных лиц в форме микрокредита стало принято представлять как финансы для целей развития [Green et al., 2005]. Утверждается, что неполноценный доступ граждан к банковским услугам препятствует искоренению бедности и неравенства по доходам, не позволяет малообеспеченным домохозяйствам вкладывать средства в своё образование и открывать своё дело, тем самым замедляя экономический рост [Levine, 2005]. Этот нарратив оправдывает политику, направленную на расширение охвата населения традиционным банковским кредитованием. В теории считается, что домохозяйства прибегают к заимствованиям для поддержания привычного уровня потребления, его «сглаживания», в том числе в кризисные периоды [Demirgүç-Kunt, Levine, 2009; Мамедли, Синяков, 2018, с. 69], или для снижения уровня отложенного спроса [Новорожкина, 2014].

Применительно к сектору домохозяйств соответствующий нарратив о благости финансализации продвигается под видом «финансовой инклюзии» международными организациями, такими как Всемирный банк, ФКРООН, МВФ и т. д. Суть финансовой инклюзии — в упрощении доступа широких масс, в том числе и главным образом низкохододных и малоимущих групп населения, к финансовым услугам, включая разные виды кредитования, которое, как утверждается, оказывает положительное влияние на экономический рост и развитие, способствует сокращению бедности и неравенства [Green et al., 2005; Levine, 2005; Demirgүç-Kunt, Levine, 2009]. Популярным стало понятие «финансовая грамотность». Программы ее повышения могли бы предотвратить одностороннюю зависимость граждан от финансовых учреждений и немного выровнять их рыночную власть, но этот оптимизм не оправдался. Каждый прогрессивным дискурс финансовой грамотности и инклюзии подпал под контроль заинтересованных сторон, прежде всего самих деятелей

финансового сектора. Этот дискурс перекодируется, и его содержание нацелено на усиление зависимости людей от банков и привлечение тех, кто раньше банковскими услугами не пользовался. Судя по результатам исследований, программы повышения финансовой грамотности способствовали вовлечению граждан в долговые отношения или, как минимум, не препятствовали этому [Arthur, 2012]. Не отсутствие образования в области финансов и инвестиций, а доступность кредитов стала основным фактором принятия повышенных долговых обязательств населением [Alsemgeest, 2015].

Выявляется ряд социально-психологических факторов, поддерживающих долговую модель потребления домохозяйства: приемлемость долга, его восприятие как органичной части современного общества потребления, признака «культуры закредитованности», даже одобрение и поощрение использования кредита для финансирования потребностей; терпимое отношение к кредиту в предыдущем поколении семьи и воспроизведение семьями, в которых к долгам относятся терпимо, долговой модели потребления в следующих поколениях; социальное сравнение, стремление не отставать от окружения в уровне потребления; восприятие в качестве необходимых тех вещей, которые таковыми не являются, иногда и предметов роскоши; оценка временного горизонта (те, у кого субъективная ставка дисконтирования относительно высока, обычно не откладывают удовлетворение текущих желаний); слишком высокие потребительские запросы, несоразмерные с текущими возможностями и уровнем доходов, внешний локус контроля [Lea et al., 1993; 1995].

Когда финансирование потребления за счёт заимствования воспринимается как нечто привычное, морально допустимое и этически оправданное или даже поощряемое как источник поддержания и стимулирования немного более высокого уровня потребления, эта практика всё более укореняется в социальных группах. Следовательно, восприятие долга как социальной нормы легитимирует кредитные практики. Более того, фокус на относительном потреблении запускает непрерывные «крысиные бега» — покупки, которые не приносят ни удовлетворения, ни счастья [Stiglitz, 2008]. Продолжающаяся

финансиализация подпитывает и усугубляет потребительство, предлагая рычаги тем, кто раньше мог полагаться только на свои собственные средства.

По мнению социальных психологов, одной из самых сильных мотиваций является сексуальная. Она заставляет совершать необдуманные траты в стремлении произвести впечатление на партнёра. Показное расточительство, как назвал бы это Веблен, увязывается с более высоким престижем и статусом, которые представляют собой важные элементы системы сексуальных сигналов [Sundie et al., 2011]. Как и множество других прихотей, показные траты на автомобиль — в ряду важнейших социальных сигналов [там же; Hennighausen et al., 2016]. Хотя темой сексуальности здесь мотивация не ограничивается. Автопроизводители апеллируют к более широкому кругу общественных стереотипов или даже к архетипическим образам и сюжетам инициатических мифов, причём есть разница в позиционировании мужчины и женщины в рекламе автомобиля, по меньшей мере, в коммерчески ориентированной рекламе [Медведева, 2019].

Между тем, недавние публикации авторитетных учёных заставили обратить внимание академического сообщества на противоречивые социально-экономические последствия финансализации для домохозяйств. Речь идёт как о преимущественно этических высказываниях с опорой на фактологию мировых финансово-экономических кризисов XXI века [Rajan, 2010; Стиглиц, 2019; Soederberg, 2014; 2018], так и об эмпирических исследованиях более узкой направленности [Scott, Pressman, 2013; El-Shagi et al., 2020; Garber et al., 2024; Мишуря и др., 2025], в которых представлены противоречивые данные относительно влияния растущей задолженности домохозяйств на социально-экономические показатели. Доступность потребительских кредитов имеет социально-экономические последствия. Истинные последствия финансализации могут отличаться от официально поддерживаемого нарратива, особенно в том смысле, что потребительство, поддерживаемое финансализацией, вряд ли совместимо с устойчивым развитием ввиду ограниченности ресурсов в мировом масштабе.

С макроэкономической точки зрения, рост потребления как без привлечения заимствований, так и за счёт долга, обычно расценивается как драйвер роста ВВП; следовательно, отсутствие потребительского кредита может быть представлено как фактор, сдерживающий рост ВВП. Между тем, эта проблема имеет этическое измерение. В научной литературе, подвергающей критике безудержную финансализацию, разоблачается роль привычных макроэкономических показателей в составе популистской риторики, направленной на скрытие насущных проблем. Джейкоб Асса показывает, что Система национальных счетов (СНС) — это набор показателей, намеренно разработанных в своё время для оправдания идеи производительности финансового сектора. Путём переклассификации показателей эффективности для коммерческих банков финансовые транзакции, ранее относившиеся к промежуточным операциям, стали учитываться так, как если бы они вносили вклад в ВВП, то есть в составе добавленной стоимости [Assa, 2017; 2018]. Сам показатель ВВП, как и другие привычные индикаторы роста и благосостояния, часто служат риторическими приёмами, продвигающими политические интересы и намерения заинтересованных сторон. Интересно, что тот же Шумпетер вообще выносил кредитование, стимулирующее потребление и поддерживающее инновации в финансовом секторе, за рамки полезных для экономического роста и развития [Schumpeter, 1911; Bezemer, 2014].

Доступ к кредиту может побудить домохозяйство переехать, улучшить своё образование, тем самым способствуя мобильности и увеличению предложения рабочей силы, что, в конечном счёте, приведёт к росту дохода [Aristei, Perugini, 2022]. Между тем, связь между заимствованиями домохозяйств и их благосостоянием не так однозначна [Chletsos, Sintos, 2023]. Большой пласт литературы помещает фокус на взаимосвязь между платежами по обслуживанию кредитов и ухудшением благосостояния граждан, усугублением бедности и неравенства по доходам. Потребительская активность, сопряжённая с заимствованиями и накоплением долга в секторе домашних хозяйств, становится источником финансовой хрупкости в экономической системе [Rajan, 2010; Hein, 2012]. В развитие посткейнсианской

традиции [Minsky, 1975], по аналогии с показателями деятельности фирм, проводятся и исследования на данных по домохозяйствам: в частности, соотношение между задолженностью сектора домохозяйств и их текущим доходом служит индикатором для оценки финансовой уязвимости разных стран [Karwowski et al., 2020].

Исследователи выдвигают предположение о том, что причина неоднозначности связи между финансовой глубиной и экономическим ростом кроется именно в чрезмерном кредитовании домохозяйств (особенно ипотечном). Из данных 45 стран за период 1994–2005 годов выявлено положительное воздействие кредитования предприятий на экономический рост, в то время как кредитование домохозяйств не оказывает такого эффекта [Beck et al., 2012]. В отличие от кредитования предприятий, кредитование домохозяйств может не иметь отношения к сокращению неравенства по доходам. Также обнаружено, что доля кредитов, выданных домохозяйствам, выше в урбанизированных обществах, в странах с меньшим размером производственных отраслей и финансовой системой, функционирующей по рыночному принципу. При этом связь структуры рынка и регулирующих мер со структурой кредитов не обнаружена.

В своей широко обсуждаемой книге «Линии разлома» известный индийский экономист Рагхурам Раджан описывает, как популистская политика привела к росту социального и имущественного неравенства в США [Rajan, 2010]. При росте социального неравенства у правительства есть соблазн простимулировать доступ домохозяйств с низким и средним достатком к недорогим кредитам. Это временно снимает остроту противоречий через рост потребления, однако в долгосрочном плане приводит к финансовым кризисам. Так произошло и в 2007–2008 годах. Пытаясь сдержать социальную поляризацию и заботясь о рабочих местах, правительство способствовало потоку легких кредитов для домохозяйств с низким и средним доходом. Из-за чрезмерной финансализации жилищного рынка в США, помимо увеличения непогашенной задолженности сектора домохозяйств, ипотечное кредитование подталкивало цены на жилье вверх и, таким образом, подпитывало пузырь на рынке недвижимости, что отразилось на всей мировой экономике.

Описанная зависимость получила известность как «гипотеза Раджана». Несколько эмпирических работ проверяют её в части существования положительной связи между неравенством и расширением кредитования домохозяйств. Выводы для разных стран различаются. Одни авторы не находят подтверждения тому, что неравенство — значимый фактор кредитных бумов [Bordo, Meissner, 2012; Coibion et al., 2016]. На данных стран ОЭСР отмечается, что, несмотря на подтверждённую положительную связь между растущим неравенством по доходам и долгом домохозяйств, никакой связи между этими двумя факторами и политикой, провоцирующей кредитную экспансию, не обнаружено [Perugini et al., 2015]. В других работах подтверждается ощущимое влияние неравенства по доходам на расширение кредитования [El Herradi, Leroy, 2020]. Утверждается, что в странах с развитым финансовым рынком большей частью финансовый цикл обусловлен завышенным, по сравнению с ожидаемым, уровнем потребления среднего класса, что влечёт активные заимствования — более интенсивные, чем у домохозяйств с самым низким уровнем дохода [Bazillier et al., 2021].

Расчёты на региональных данных показали, что в России, в подтверждение гипотезы Раджана, рост неравенства по доходам между регионами сопровождался беспрецедентным ростом кредитования [El-Shagi et al., 2020]. В постсоветских странах выявлена хоть и более слабая статистически, но имеющая важный экономический смысл взаимосвязь между неравенством по доходам и корпоративным кредитованием [Latinovic, Milosevic, 2019].

Есть и обратная связь. Зависимость домохозяйств от выплат по кредитам усугубляет проблему бедности и неравенства [Новорожкина, 2014; Pressman, Scott, 2009]. Так, по мере роста доступности кредитов для малообеспеченных домохозяйств прирост бедности вследствие кредитной нагрузки ускоряется. Например, исследование по материалам 2007–2012 годов обнаружило, что более 1,5 млн российских домохозяйств оказались фактически бедными из-за выплат процентов по кредитам, хотя официально таковыми не считались [Новорожкина, 2014]. На данных ряда стран показано, что задолженность сектора домохозяйств, а именно кредиты для финансирования потреб-

ления товаров и услуг, включая здравоохранение, долги по кредитным картам и займы до зарплаты, усиливает неравенство [De Vita, Luo, 2021]. Таким образом, зависимость работает в две стороны: неравенство и бедность могут обуславливать повышение долговой нагрузки на домохозяйства, а имеющиеся кредиты, в свою очередь, не позволяют преодолеть бедность и неравенство и лишь усугубляют их, заставляя людей вновь и вновь прибегать к рефинансированию старых кредитов новыми [Hembruff, Soederberg, 2019]. На заимствование граждан могут толкать временная нетрудоспособность, рождение ребёнка, проблемы со здоровьем, однако необходимость погашения долга в дальнейшем будет отрицательно сказываться на возможности поддерживать привычный уровень жизни [Scott, Pressman, 2013]. Тревожным эмпирическим результатом стало то, что российские домохозяйства тратят на погашение долгов средства, предназначавшиеся для оплаты обучения детей [Ниворожкина, 2015]. Также на данных российских домохозяйств эмпирически подтверждено, что падение доходов и рост неравенства ведёт к росту долговой нагрузки, и в регионах с высоким социальным неравенством повышение долговой нагрузки угрожает снижением уровня жизни, а не наоборот [Мельников, 2024].

Анализируется взаимосвязь между показным потреблением, социальным неравенством и долгом домохозяйств. В экономических системах, где основным мотивом служит извлечение прибыли, желаемая цель достигается главным образом стимулированием потребительского спроса [Capeller, Schütz, 2015]. Деньги, создаваемые коммерческими банками как долг, представляют собой достаточно значимый поток, который вливается в экономику и становится драйвером потребления, но в значительной степени кредитозависимый спрос связан с показными мотивами. Рост предложения кредитов и потребления, финансируемого за счёт долга, служит предвестником финансовых кризисов.

Помимо показного мотива, мощным фактором финансализации является восприятие объекта, покупаемого в счёт кредита, как потенциального актива, а вернее, средства потенциального обогащения при последующей планируемой перепродаже этого объекта. Популярностью в этом плане пользуются жилые

помещения и автомобили. Такое псевдо-инвестирование в недвижимость и возрастающая финансализация рынка жилья (*financialization of housing*) вызывает инфляцию цен на жильё, рост ипотечной ставки и, как вариант, способно спровоцировать финансовый кризис [Kohl, 2021]. Стремление к обогащению через покупку и продажу активов — условно называется инвестиционным мотивом, а по сути является спекулятивным [Радаев, 2002; Стребков, 2007а]. Люди покупают ценные бумаги, квартиры, автомобили и другие вещи в надежде перепродать их в будущем с выгодой для себя за счёт повышения цены или «скачки» валютного курса. Поведение домохозяйства, берущего в банке кредит с целью заработать на скорой перепродаже приобретаемого объекта, тоже можно характеризовать как спекулятивное, даже если перед продажей будет частичное потребление объекта. Расчёт на прибыль может не оправдаться. Часто это и происходит, и, как правило, непрофессионалу трудно предвидеть, почему. То же касается и получения дохода от коммерческого использования актива в том случае, если он приобретён на привлечённые средства. Инвестирование, не принесшее ожидаемого эффекта, австрийская экономическая школа назвала «ошибочное инвестирование» (в оригинале — *malinvestment*). При низкой ставке по кредиту убыточные проекты могут показаться предпринимателю прибыльными [Наук, 1939]. Понятие ошибочного инвестирования, или псевдоинвестирования, вполне уместно использовать и для описания определённого поведения домохозяйств, а не только предприятий [Верников, Курышева, 2022; Верников и др., 2025].

Периоды экономического спада, непредвиденных внешних потрясений, включая кризисы в области здравоохранения, могут сопровождаться, что ожидаемо, ростом спроса граждан на предметы первой необходимости [Loxton et al., 2020; Vázquez-Martínez et al., 2021]. Одни домохозяйства в ответ на финансовые трудности экономят, сокращая расходы и потребление, погашая имеющиеся долги, а другие реагируют ростом заимствований. Реакция домохозяйств на экономические проблемы, финансовые затруднения разнится в зависимости от множества факторов, таких как исторический опыт, институты, политика правительства. Например, после финансового кризиса

2008 года в США просрочки стабилизировались, наблюдалось устойчивое снижение непогашенной задолженности домохозяйств, сопровождавшееся тенденцией перехода домохозяйств от заимствования к погашению [Brown et al., 2013]. Распространённый нарратив оправдывает финансирование потребления за счёт долга в периоды трудностей и потрясений, ведь у потребителей может не найтись иного способа решения проблемы, кроме как взять взаймы для покрытия основных потребностей или рефинансировать уже имеющиеся долги. Порой заёмщик с низким доходом и в отсутствие сбережений, действительно, находится буквально на грани выживания (*survival borrowers*²⁰), изо всех сил пытаясь справиться с растущими долгами путём новых заимствований. Чрезмерную задолженность может спровоцировать внезапное происшествие [D'Alessio, Iezzi, 2013]. Как на российских [Мамедли, Синяков, 2018; Мишурा и др., 2025], так и на зарубежных [Garber et al., 2024] данных опровергнуто предположение о том, что в действительности домохозяйства якобы сглаживали потребление за счёт кредита. Одномоментный всплеск потребительских расходов, сопровождающий покупку в долг, ведёт, скорее, к значительному снижению потребления впоследствии, так как теперь определённая сумма отрывается от потребления и направляется на выплату долга.

Особой темой является покупка в непростые периоды внешних потрясений товаров далеко не первой необходимости в долг [Kurysheva, Vernikov, 2024]. Одним из определяющих факторов, объясняющих поведение потребителей в отношении таких товаров, выступает восприятие экономической стабильности [Di Crosta et al., 2021]. Решение о покупке зависит от восприятия домохозяйствами своего экономического положения, что является частью процесса социального сравнения. Те, кто считает, что его финансовые ресурсы ограничены, сокращают расходы на товары длительного пользования; при принятии решения о покупке этой категории товаров социальное сравнение может влиять даже значительнее, чем фактическое экономическое

²⁰ Financial Conduct Authority (2014). Consumer credit and consumers in vulnerable circumstances. April. <https://www.fca.org.uk/publication/research/consumer-credit-customers-vulnerable-circumstances.pdf> (accessed on November 26, 2022).

положение человека [Karlsson et al., 2005]. В то же время, привычка, приверженность сложившимся в прошлом образцам поведения — тоже значимый фактор [Schmid, 2004]. Гедонистические установки в духе «может, я завтра умру», «один раз живём» [Zwanka, Buff, 2021] во время кризиса не исчезают, а способны даже усилиться ввиду неуверенности в завтрашнем дне и обречённости, что спровоцирует расточительность, выражается в росте спроса на кредиты на вещи не первой необходимости.

Учитывая неоднозначные выводы о связи между заимствованиями домохозяйств и ростом неравенства, бедности, усугублением социально-экономического положения домохозяйств, есть основания утверждать, что потребление, основанное на долгах, является социально-экономической моделью с сомнительной долгосрочной устойчивостью. Потребительское кредитование перекладывает на следующие поколения проблемы чрезмерного потребления, непроизводительных расходов и истощения ресурсов, а это именно то, о чем предупреждал Торстейн Веблен, рассуждая о расточительстве [Veblen, 1918а, pp. 26–27]. Рост потребления, финансируемый за счет долга и вызванный доступностью кредитов, может быть затратным для общества [Starr, 2010]. В свою очередь, позиция, согласно которой деньги рассматриваются как средство фиксации долга [Commons, 1934, p. 278], поднимает тему власти финансовых организаций, в основе которой — долговая зависимость граждан. С опорой на изученную литературу в последующих главах мы проанализируем тенденции, сопровождающие накопление долга сектором домохозяйств в России, используя сочетание количественного и качественного метода.

Глава 5. Опережающее потребление и жизнь взаймы²¹

Эту эмпирическую по направленности главу мы посвятили конкретным статистически наблюдаемым эффектам финансализации домашних хозяйств и их (домохозяйств) долгового поведения. Как мы отметили ранее, активное вовлечение граждан в потребительское кредитование в российском обществе стало происходить с 2000-х годов. Доступность потребительских кредитов и поддерживаемые ими новые стереотипы в поведении людей воспроизводят долговую зависимость домохозяйств. Ключевым конструктом и единицей анализа стала институция. Под этим понимается опривыченная, взаимно типизированная членами определённого сообщества социально-экономическая практика, в основе которой — укоренённые ценности, убеждения и стереотипы [Berger, Luckman, 1991; Курышева, 2022; Верников, Курышева, 2023b]²². Иначе, институциональное устройство составляет порядок функционирования общества (сообщества), который служит целям его членов [Schmoller, 1920, p. 61].

Для оценки последствий опривычивания в российском обществе практики финансирования потребления за счёт заемствований мы операционализируем такие теоретические концепты, как опережающее потребление, показное потребление и инвестиционно-спекулятивное поведение. Мы поставили задачу измерить институцию опережающего потребления, финансируемого банковским кредитом. Эмпирическое проявление опережающего потребления — это получение человеком кредита, причём не для развития бизнеса. Эмпирическим следствием опережающего потребления мы считаем долговую зависимость сектора домохозяйств и рынков от банков.

Проведён анализ общероссийских тенденций для разных видов кредитов, а также для специфического вида кредитования

²¹ Текст основан на материалах статей: Верников, Курышева, 2022; 2021.

²² Роль прошлого опыта в укоренении и устойчивости предпочтений передаётся в экономической социологии понятием «институционализированных и инкорпорированных практик потребительского поведения» [Радаев, 2005, с. 11].

на региональном уровне — на примере практики приобретения автомобилей в долг в Ростовской области. Материалом послужила социально-экономическая статистика, включая динамику заимствования населением у банков и параметры кредитов, показатели, характеризующие доходы и расходы населения, цены на жильё и легковые автомобили, розничный товарооборот. Чтобы изучить динамику и результаты кредитных сделок в обоих направлениях, то есть получение кредитов, накопление задолженности в секторе домохозяйств и платежи по обслуживанию этих кредитов, используются показатели как запаса, так и потока. Источником данных стали ресурсы Банка России, включая данные отделения Южного ГУ Банка России по Ростовской области, Росстата, в том числе территориального отделения — Ростовстата, Высшей школы экономики (РМЭЗ НИУ ВШЭ), Национального бюро кредитных историй (НБКИ), Аналитического агентства «Автостат», ГИБДД, портала Banki.ru, Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ), Маркетингового агентства НАПИ (Russian Automotive Market Research), компании Ernst & Young (EY). Период наблюдений варьируется для того или иного показателя, в зависимости от доступности данных.

Опора на литературу, проанализированную в предыдущих главах этой книги, сделала возможным совмещение концептов из сферы институциональной экономики, социологии потребления, частично — социальной психологии и антропологии с изучением последствий финансализации домашних хозяйств, критическим осмыслением этих последствий. Такая теоретическая основа позволяет не выводить накопление долга сектором домохозяйств за рамки теоретического анализа, а также не оправдывать его естественным стремлением граждан удовлетворять естественную же нужду. Теоретической предпосылкой для анализа эмпирического материала послужило предположение о взаимосвязи между доступностью кредитов, культурой потребительства и опережающим потреблением, которое обирается долговой зависимостью, без попыток завуалировать отношения между должником и кредитором как равноправные. Вклад нашей работы в теоретическую литературу состоит в сочетании теоретических положений из указанных областей знания, а в эмпирическую литературу — в операционализации

соответствующих теоретических положений на фактическом материале по кредитованию физических лиц.

Суть нашего подхода заключается в том, что мы рассматриваем статистические тенденции как прокси для институционализированных привычек мышления и действий, движимых общепринятыми и разделяемыми убеждениями и стереотипами. Мы анализируем статистические данные с целью выявления изменений в социальных привычках. Мы считаем, что такой анализ может выявить укоренившиеся практики потребления и заимствования, а также стереотипы, стоящие за ними. Эти стереотипы формируются, поддерживаются и продвигаются финансовыми организациями, хотя люди склонны полагать, что именно они самостоятельно принимают все решения и делают выбор.

Для анализа статистических тенденций, сопровождающих накопление долга сектором домохозяйств в России, мы сконструировали свой набор метрик. Они рассчитываются как относительные показатели, что объясняется необходимостью нейтрализовать влияние инфляции и колебаний курса рубля. Эти метрики дают представление об укоренении жизни в долг как социальной нормы, о динамике зависимости домохозяйств и рынков от кредитных денег, об отдельных проявлениях культуры опережающего потребления, включая показной мотив, то есть статусно-ориентированное потребление, и псевдоинвестирование — спекуляцию с использованием заимствований. Метрики сгруппированы согласно тому, какой аспект интересующего нас явления мы аппроксимируем с их помощью. Подробная характеристика данных и описательная статистика приводятся в *Приложении* (табл. 2).

5.1. Оценка институции опережающего потребления, показного мотива и спекулятивного мотива

5.1.1. Метод, данные, показатели

Заимствование может использоваться для финансирования текущего потребления товаров или услуг первой необходимости, покупки товаров длительного пользования, особенно

автомобиля или недвижимости, приобретения других товаров, оплаты разных услуг. Подтолкнуть к заимствованию может показной мотив, пусть и не обязательно заёмщик отдаёт себе в этом отчёт, или даже желание последующей перепродажи. Нас интересуют такие аспекты опережающего потребления, как показной и псевдоинвестиционный, или спекулятивный, мотив. Статусное потребление и спекуляции, осуществляемые без привлечения заимствований, находятся за рамками нашего анализа.

Потоки денег, полученных российскими домохозяйствами от коммерческих банков в виде оформленных кредитов, а также данные о накопленной задолженности домохозяйств и процентной ставке по жилищным кредитам взяты из отчётности Банка России. Средние значения заимствуемых сумм в разбивке по видам кредитов рассчитаны на основе данных о выдаче всех кредитов и жилищных (включая ипотечные) кредитов в денежном и натуральном выражении. Для расчёта динамики погашений по основному долгу и процентных платежей по кредитам обработаны формы Банка России 101 и 102. Численность заёмщиков взята из исследований Банка России по данным крупнейших бюро кредитных историй²³. Доходы, расходы населения, объём розничного товарооборота, цены на жильё взяты из баз Росстата. Достоверность сведений о потоках автокредитов обеспечили данные НБКИ. База RLMS HSE использована для оценки долговой нагрузки на домохозяйства заёмщиков с разным уровнем дохода по всем имеющимся кредитам, а также по заимствованиям для покупки автомобиля.

Одним из ограничений стало отсутствие статистики достаточного качества по займам, полученным гражданами от микрофинансовых организаций, и разным формам рассрочки; из материалов Банка России, а также НБКИ нами использована только статистика по коммерческим банкам. Опросник RLMS

²³ Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015–2019 годах на основе данных бюро кредитных историй. М.: Департамент финансовой стабильности Банка России, 2019. http://www.cbr.ru/collection/collection/file/31947/20191101_dfs.pdf; Анализ динамики долговой нагрузки населения России в II–III кварталах 2020 года на основе данных бюро кредитных историй. М.: Департамент финансовой стабильности Банка России, 2021. http://cbr.ru/Collection/Collection/File/31945/review_03022021.pdf

HSE, в свою очередь, не разграничивает кредиты на банковские и не банковские, а, кроме того, учитывает кредиты, оформленные лишь в течение последнего года или последнего месяца, хотя имеющее кредитную задолженность домохозяйство могло оформить эти кредиты и раньше. Возможное использование приобретаемых в долг предметов в коммерческих целях нами не учитывается, и невозможность посчитать дополнительный доход заёмщика несколько смещает оценку последствий для его бюджета.

Для оценки долгового поведения домашних хозяйств мы рассчитали несколько метрик. Описание показателей содержится в табл. 5.1.

Таблица 5.1

Показатели долговой зависимости

№	Показатель	Формула расчёта	Источник данных
1	2	3	4
Опережающее потребление			
1	Долг, потенциально стимулирующий потребление	Полученные населением кредиты Располагаемые доходы	Банк России, Росстат
2	Совокупная долговая нагрузка	Задолженность по кредитам Располагаемые доходы	Банк России, Росстат
3	Плата за опережающее потребление	Платежи по кредитам Располагаемые доходы	Банк России, Росстат
4	Зависимость рынков товаров и услуг от кредитных денег	Полученные необеспеченные ссуды и автокредиты Розничный товарооборот	Банк России, Росстат, НБКИ
5	Зависимость жилищного рынка от кредитных денег	Полученные жилищные кредиты Расходы на приобретение жилья	Банк России, Росстат
6	Вовлечение граждан в заимствования	Кол-во заёмщиков, имеющих хотя бы один кредит Число домохозяйств	Банк России, Росстат
7	Кол-во заёмщиков, имеющих хотя бы один кредит	-	Банк России
Показное потребление			
8	Зависимость домохозяйств от заёмных денег	Ежемесячные платежи по кредитам Ежемесячный доход	RLMS HSE
9	Зависимость от заимствований на покупку автомобиля	Ежемесячные платежи по кредиту на автомобиль Ежемесячный доход	RLMS HSE

Окончание табл. 5.1

1	2	3	4
Инвестиционно-спекулятивное поведение			
10	Размер жилищного кредита	Полученные жилищные кредиты Кол-во полученных жилищных кредитов	Банк России
11	Процентная ставка по жилищным кредитам	-	Банк России
12	Полученные жилищные кредиты	Индекс	Банк России
13	Процентные платежи по жилищным кредитам	Задолженность по жилищным кредитам × проц. ставка, индекс	Банк России
14	Располагаемые доходы	Индекс	Росстат

Источник: составлено автором; Верников, Курышева, 2022, с. 145.

Индексная форма (то есть соотнесение каждого последующего значения к значению года, принятого за базисный) использована для нескольких показателей для сопоставления скорости их изменения относительно друг друга в сравнении со значением базисного года.

Опережающее потребление

Показатели данной группы дают представление об укоренении схемы жизни взаймы. Индикатор долга, потенциально стимулирующего потребление, свидетельствует о том, в какой мере граждане полагаются на внешнее финансирование. Название показателя отражает тот факт, что заемные суммы добавляются к величине собственных средств, в моменте увеличивая платежеспособность заемщика, и сразу же превращаются в долг для него. Мы предполагаем, что весь поток заемных денег домохозяйство одномоментно (без временного лага) направляет на потребление, включая и покупку жилой недвижимости. Такое допущение не приводит к влияющим на выводы искажениям по всему периоду наблюдений, хотя статистически за каждый отдельный год расхождения могут возникать. Часть заемных денег может идти на сбережение, например, формирование подушки безопасности, или направляться на собственное развитие и образование, поэтому в название показателя включено слово «потенциально».

Совокупная долговая нагрузка отражает обязательства домохозяйств по накапливаемым долгам в масштабе всей экономики. Плата за опережающее потребление показывает пропорцию между фактически совершамыми текущими платежами в погашение совокупной долговой нагрузки и доходами. Сопоставление полученных кредитов, фактических выплат по ним и накопленной задолженности с текущими доходами позволяет выделить периоды, когда жизнь взаймы как черта массового поведения приводит к оттоку финансовых ресурсов из сектора домохозяйств и их передаче в банковский сектор.

Оценить явление опережающего потребления можно и через расчёт того, в какой мере фактические расходы граждан покрываются заимствованиями. Для этого соотнесены значения полученных населением необеспеченных ссуд и автокредитов с розничным товарооборотом, а также жилищных кредитов — с расходами на приобретение жилья. Эти метрики также служат мерой финансализации соответствующих рынков.

Вовлечение граждан в заимствования служит вспомогательной метрикой, показывающей, вследствие чего произошло расширение кредитования — за счёт роста числа заёмщиков либо получения новых кредитов, рефинансирования существующих долгов теми же заёмщиками. Достоверно определить долю домохозяйств, вовлечённых в заимствования, трудно, поскольку ряд заёмщиков имеют несколько кредитов, а домохозяйства могут включать двух или более заёмщиков. Поэтому мы формулируем этот показатель как отношение количества заёмщиков к числу домохозяйств.

Показное потребление

Мотив показного потребления сам по себе идентифицировать сложно, равно как и установить фактическое направление траты средств, полученных в форме необеспеченных ссуд (займы по кредитным картам, POS-кредиты, овердрафты). Сравнение зависимости домохозяйств от заёмных денег для групп заёмщиков с разными доходами даёт возможность оценить, в каких группах стремление социализироваться за счёт заимствований выше. Если при среднем или выше среднего

уровнях дохода домохозяйство отдаёт значимую часть денег за обслуживание кредитов, это говорит о том, что чужие деньги используются на текущее потребление вместо накоплений. Зависимость домохозяйств оценивается с помощью медианных значений ежемесячных выплат по имеющимся кредитам в сопоставлении с медианными ежемесячными доходами. Индикатор рассчитан для пяти категорий заёмщиков с разным уровнем дохода домохозяйства.

Поскольку автомобиль традиционно рассматривается как символ социального статуса [Baudrillard, 1998], а его покупка с меньшей вероятностью покрывает неотложные нужды человека, то мы фокусируемся на этом товаре и рассчитываем долговую нагрузку по обслуживанию кредита на покупку автомобиля.

Инвестиционно-спекулятивное поведение

Значимая часть заёмщиков приобретают актив (жилая недвижимость, автомобиль и др.) с намерением заработать на его последующей перепродаже. Это часто называют инвестициями, но по сути это спекуляция. При низкой процентной ставке ипотечные кредиты рассматриваются населением как выгодный источник «инвестиций». По оценкам экспертов, доля квартир, приобретаемых в ипотеку с коммерческими целями, составляла в 2020 году от 15 % до 20 %²⁴. Чтобы проверить распространённость инвестиционно-спекулятивного мотива при приобретении жилья в кредит, мы проанализировали статистику жилищного кредитования. Сопоставление изменений размера займа, процентной ставки, величины полученных кредитов и процентных платежей показывает, происходит ли «раскручивание» спирали спекулятивного спроса на данном рынке.

²⁴ Трубилина М. Съёмные детали. Российская газета, 18.01.2021. <https://rg.ru/2021/01/18/opravdana-li-sejchas-pokupka-kvartiry-dlia-sdachi-v-arendu.html>. В ноябре 2021 года стали появляться сообщения о том, что граждане, покупавшие столичные новостройки в 2020 году на этапе котлована, начали перепродавать эти квартиры, не дождавшись окончания строительства (Андреанова Д. Деньги забетонировались. Дом. Приложение к газете «Коммерсантъ», 25.11.2021, № 214, с. 22. <https://www.kommersant.ru/doc/5089451>).

5.1.2. Эмпирические результаты

Опережающее потребление

Если в 2004 году отношение объёма кредитных денег, полученных домашними хозяйствами, к текущему располагаемому доходу составило лишь 6,5 %, то в 2005 году — уже почти 10 %, а в 2020 году — 26,7 % (рис. 5.1). Для нивелирования эффекта низкой базы мы рассмотрели изменение данного показателя за период интенсивного развития потребительского кредитования — с начала XXI века. Отношение платежей по кредитам к доходу составило на конец 2020 года 28,4 %. С 2013 года объём выплачиваемого долга по кредитам с процентами превышает объёмы получаемых от банков кредитных денег, а совокупная задолженность продолжает накапливаться.

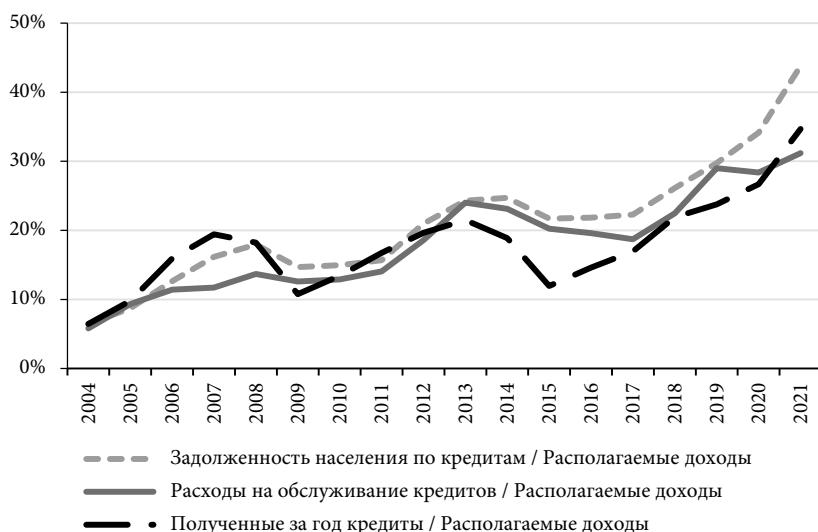
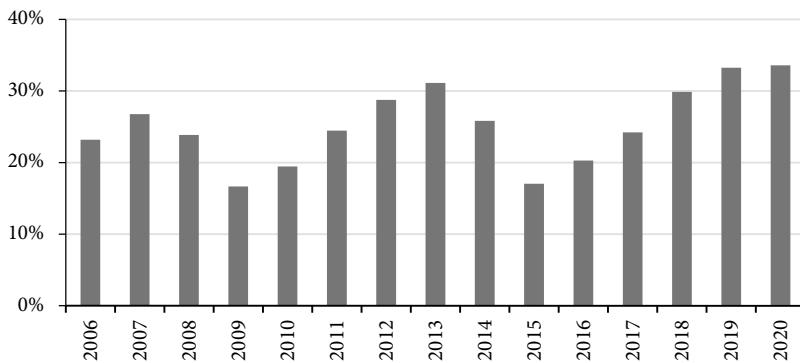

Рис. 5.1. Долг, потенциально стимулирующий потребление, совокупная долговая нагрузка и плата за опережающее потребление

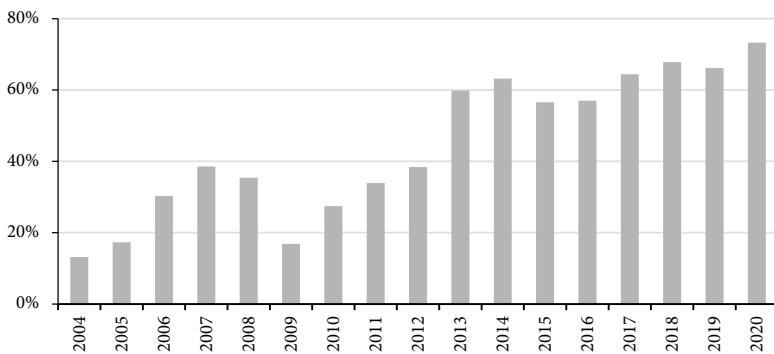
Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 148.

В 2020 году 34 % розничного товарооборота страны обеспечивалось кредитными деньгами, что весьма значительный показатель (рис. 5.2а). После временных спадов в кризисные

периоды 2008–2009 и 2014–2015 годов рост этого показателя возобновлялся. Похожие тенденции характеризуют и развитие жилищного кредитования (рис. 5.2б). В кризисный 2014 год объём заимствований даже вырос на 30 % в сравнении с предыдущим годом, а соотношение между полученными жилищными кредитами и расходами на приобретение жилья увеличилось на 3,4 п.

а) отношение полученных населением необеспеченных ссуд и автокредитов к розничному товарообороту

б) отношение полученных населением жилищных кредитов к расходам на приобретение жилья

Рис. 5.2. Зависимость рынков товаров, услуг и жилья от кредитных денег

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 148.

Вовлечение граждан в заимствования постепенно росло на протяжении последних лет как в абсолютном, так и в относительном выражении (рис. 5.3). По данным на 2020 год, 39,3 млн чел., или 52 % от численности экономически активного населения, имели хотя бы один кредит. Отношение этого числа к числу домохозяйств выросло с 2014 года по 2020 год на 10 пп. — до 69,6 %.

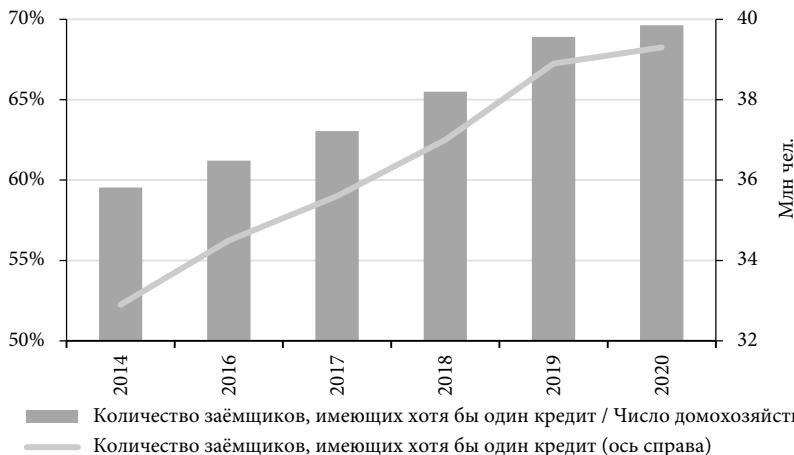

Рис. 5.3. Вовлечение граждан в заимствования

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 149.

Показное потребление

Оценка долговой зависимости домохозяйств с разным уровнем дохода представлена на рис. 5.4. Выделены группы заемщиков с месячным доходом домохозяйства (в тыс. руб.): менее 20, от 20 до 49, от 50 до 69, от 70 до 99 и свыше 100. Самая высокая кредитная нагрузка — у наименее обеспеченных граждан. Более половины заемщиков в группе с самым низким доходом отдают свыше пятой части дохода на обслуживание кредитов. Половина граждан из двух следующих категорий заемщиков (20–49 и 50–69 тыс. руб.) в 2019 году тратили на обслуживание кредитов 15,6 % и 16,9 % дохода домохозяйства соответственно. Для групп заемщиков оставшихся двух категорий медианная кредитная нагрузка была практически одинакова (около 15 % дохода).

Выраженность показного мотива проиллюстрирована степенью зависимости от заимствований на покупку автомобиля (рис. 5.5). Отношение ежемесячных платежей к доходу снизилось в кризисный 2014 год из-за временной неспособности домохозяйств платить по долгам, затем возобновило рост и вышло на уровень одной пятой части бюджета.

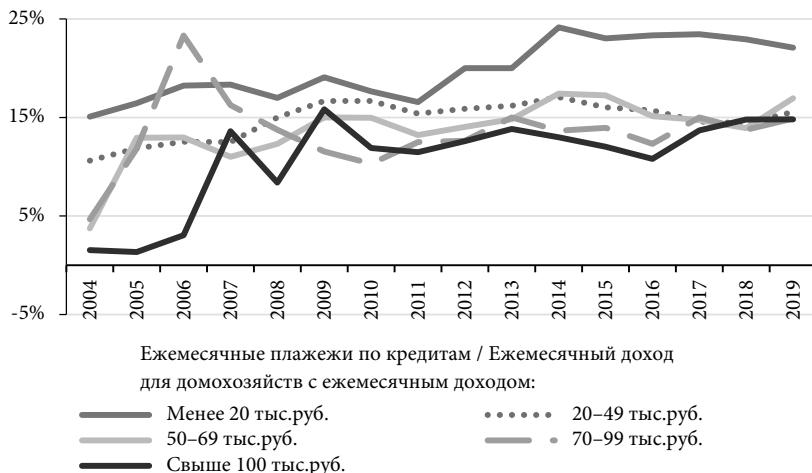

Рис. 5.4. Зависимость домохозяйства от заёмных денег

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 149.

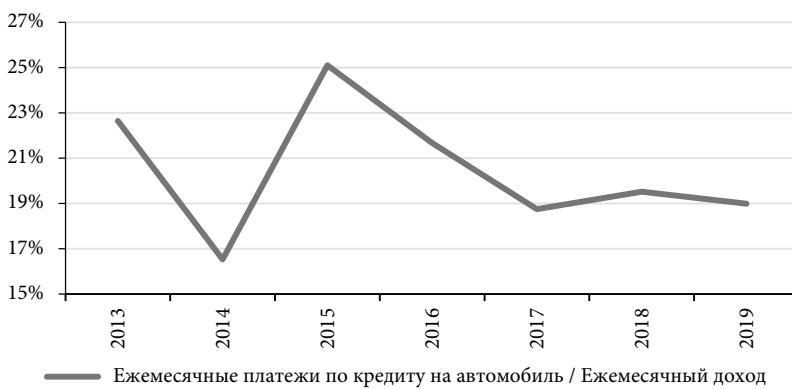

Рис. 5.5. Зависимость домохозяйства от заимствований на покупку автомобиля

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 149.

Ошибочное инвестирование

В посткризисных 2009 и 2015 годах ставка по жилищным кредитам составляла 14,6 % и 13,3 % соответственно. Начиная с 2015 года, ставка снижалась и в 2020 году дошла до 7,8 %. Одновременно с 2009 года рос средний размер займов (рис. 5.6).

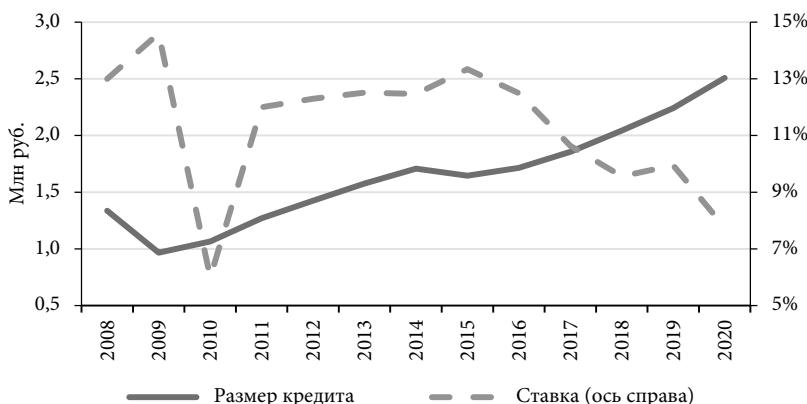

Рис. 5.6. Размер жилищного кредита и процентная ставка

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 150.

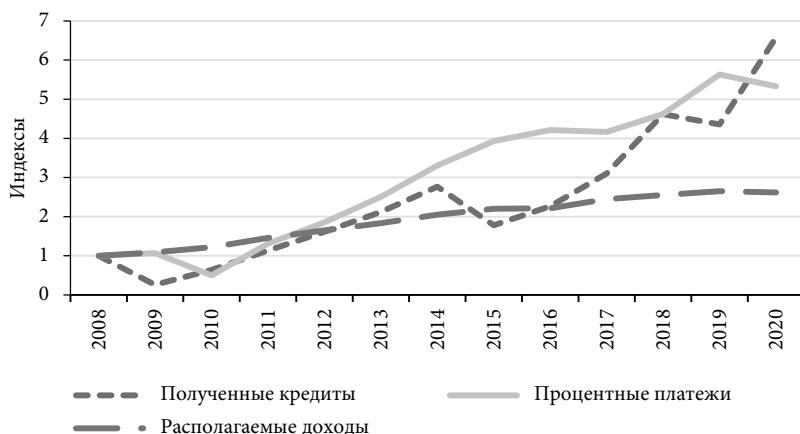

Рис. 5.7. Полученные жилищные кредиты, процентные платежи и доходы домохозяйств, индексы (2008 год = 1)

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2022, с. 150.

Динамично рос индикатор опережающего потребления жилья, то есть объёмы заимствований, и процентные платежи по ним (*рис. 5.7*). Доходы граждан выросли за тот же период гораздо меньше.

5.1.3. Обсуждение результатов

За последние 20 лет долг фактически превратился в новую социальную привычку (*рис. 5.1, 5.2 и 5.3*). Объёмы заимствований для финансирования расходов населения во время кризисов 2008 и 2014 годов снижались, а затем их рост восстанавливался, причём каждый раз ещё более интенсивно. Схожие тенденции показывают в этом отношении и рынки товаров и услуг, и рынок жилой недвижимости (*рис. 5.2а и 5.2б*). Возрастало и количество заёмщиков, и их доля в численности населения (*рис. 5.3*). В год пандемии люди продолжали брать кредиты в ещё больших масштабах. Тренд очевиден: на макроуровне население во всё большей мере полагается на внешний источник средств, а не на свой собственный доход. Это полностью совпадает со смыслом концепта опережающего потребления, о котором писал Бодрийяр [Baudrillard, 1996]. Помимо сумм, ежемесячно отдаваемых заёмщиками банку в счёт обслуживания долга, сохраняется остаток долга. Этот долг по величине давно превысил поток ежегодных платежей домохозяйств банкам и продолжает расти (*рис. 5.1*).

Наиболее высокая долговая зависимость характерна для наименее обеспеченных граждан (*рис. 5.4*). Причины этому могут быть разные. Заёмщики с самыми низкими доходами, вероятно, перекредитовываются раз за разом, поскольку денег едва хватает на самое необходимое. Вместе с тем, первоначальной причиной возникновения «долговой ямы» нередко становится как раз показной мотив, стремление к некоему приемлемому для окружения уровню расходов. Пытаясь «не ударить в грязь лицом», люди залезают в долги, выбираться из которых трудно или невозможно. Размер распространённых займов на проведение торжеств, похорон и свадеб нередко сопоставим со стоимостью автомобиля среднего класса. Для граждан с более высокими доходами обслуживание долга тоже ощущимо. Доход заёмщиков во всех рассмотренных группах рос медленнее принимаемых долговых обязательств.

Рассмотренный нами пример с выплатами по кредиту на автомобиль (*рис. 5.5*) показывает, что среднее домохозяйство регулярно выплачивает примерно пятую часть дохода в погашение долга. Можно предположить, что стремление к показному потреблению в долг характерно в большей степени для среднего класса, что согласуется с результатами ряда исследований. Как правило, обслуживание долгов, появляющихся под воздействием показного мотива, отвлекает ресурсы домохозяйства от таких статей расходов, которые могли бы быть связаны с развитием человеческого капитала и приобретением реальных активов. Когда покупатель товара полагается на чужие деньги, эластичность спроса по цене падает. Согласие заемщиков на постоянное повышение верхнего порога цены приобретаемого в кредит товара приводит к росту этой цены, что иллюстрируется ситуацией на рынке легковых машин [Верников, Курышева, 2021].

Анализ расходов населения на покупку недвижимости и параметров жилищных кредитов показал как значительную зависимость рынка жилья от кредитных денег (*рис. 5.2б*), так и сомнительность использования соответствующих займов в качестве популярной схемы «инвестирования» (*рис. 5.6 и 5.7*). Распространению таких схем помогла государственная поддержка ипотечного рынка, которая изначально мотивировалась в основном задачами семейной политики. Снижение процентной ставки (*рис. 5.6*) подстегивало спекулятивный спрос: взять кредит и оплачивать связанные с ним расходы представлялось более выгодным, чем откладывать деньги в течение долгого времени.

Наши расчёты настраивают, скорее, на алармистский лад, что диссонирует с тем, в какой тональности до сих пор обсуждалась тема долговой зависимости населения в большинстве научных и экспертных статей. В них предлагаются аргументы такого рода: «по мировым меркам российский показатель охвата населения кредитами относительно невысок» [Кузина, Крупенский, 2018, с. 92,102]; «население, как и прежде, является чистым сберегателем» [там же, с. 87, 102]; «данные официальной статистики свидетельствуют скорее об отсутствии проблемы перекредитованности населения, чем о ее наличии» [там же, с. 89]. Сама проблема долгового бремени позиционируется рядом авторов как сомнительная, и читателя подталкивают к положительному

ответу на риторический вопрос, а не является ли закредитованность или перекредитованность россиян мифом. Однако руководители целого ряда регионов и некоторые официальные лица на федеральном уровне уже осознали эту проблему.

Меры, инициированные Банком России с 2013 года по регулированию кредитования граждан, не способствовали снижению интенсивности заимствований и накопления долга (рис. 5.1, 5.2 и 5.3). Объяснить это можно тем, что такие меры не затронули укоренившихся стереотипов потребительского и заёмного поведения, а именно уже сложившуюся к тому времени привычку к жизни в долг. Традиционных «неоклассических» рецептов — снижения асимметрии информации между кредитором и заёмщиком, а также повышения «финансовой грамотности» — оказалось недостаточно для коррекции динамики кредитования.

5.2. Приобретение автомобилей в долг (на примере Ростовской области)²⁵

5.2.1. Метод, данные, показатели

Для более наглядного анализа тенденции опережающего потребления предметов не первой необходимости, на примере которой можно яснее проиллюстрировать показной мотив покупки в долг, выбран сегмент автокредитования граждан. Выше мы отмечали, что автомобиль — значимый социальный символ, и его приобретение в современном обществе нередко происходит с использованием заимствований.

Общие тенденции развития автокредитования в России таковы. Динамика этого сегмента целевого кредитования достаточно интенсивна и чуть опережает активы банковского сектора в целом, с перерывами на два кризисных периода (рис. 5.8). Первоначально за счёт автокредитов приобретались только новые машины; со временем в кредит стали оформляться и подержанные. Расчёты на выборке крупнейших банков, занимающихся автокредитованием (источник: портал Banki.ru), на которые приходилось 66–82 % совокупных банковских портфелей автокреди-

²⁵ На основе материалов статьи: Верников, Курышева, 2021.

тов за период наблюдений, показал, что в 2013–2020 годах граждане чаще брали кредит для покупки новых ($\frac{3}{4}$ всех машин, или около 85 % в среднем в стоимостном выражении), а не подержанных машин (рис. 5.9). Со временем доля подержанных автомобилей увеличивается, что может быть следствием стагнирующих реальных доходов населения.

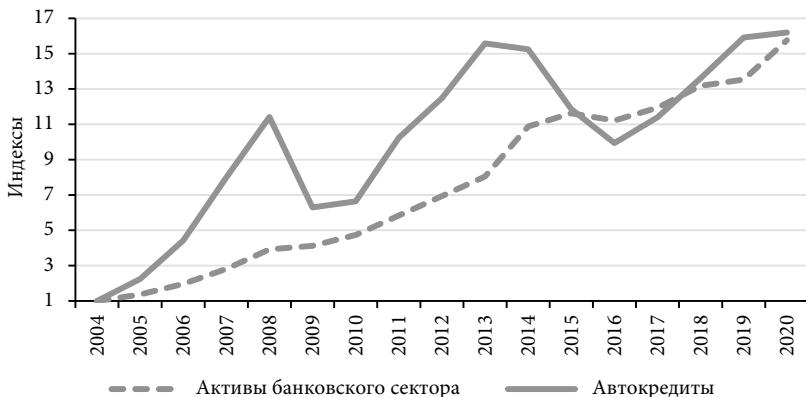

Рис. 5.8. Активы банков и автокредитование, индексы (2004 год = 1)

Источник: расчёт автора по данным Банка России; Верников, Курышева, 2021, с. 17.

а) в денежном выражении

б) в натуральном выражении

Рис. 5.9. Соотношение новых и подержанных автомобилей
в структуре кредитных продаж, Россия в целом

Источник: расчёт автора по данным портала Banki.ru;
Верников, Курышева, 2021, с. 17.

Средневзвешенная цена на приобретаемые в кредит новые автомобили (с 2013 года) и средний размер автокредита (с 2015 года) росли быстрее доходов населения (рис. 5.10).

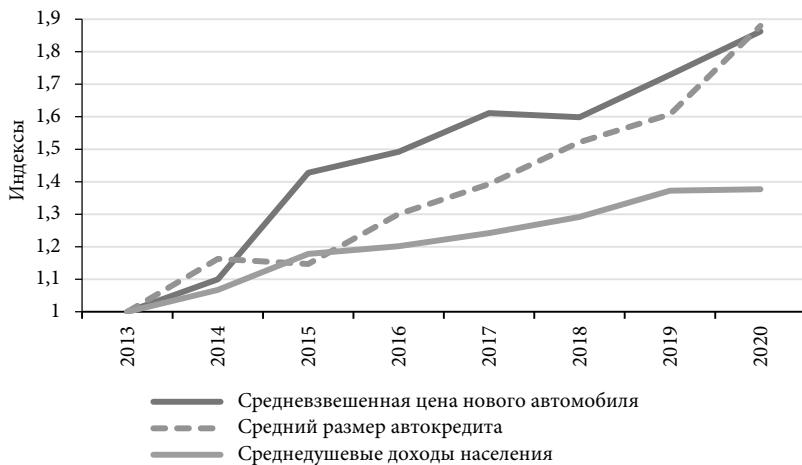

Рис. 5.10. Цена на новые автомобили, автокредит и доходы населения, Россия в целом, индексы (2013 год = 1)

Источник: расчёт автора по данным Банка России, Росстата, НБКИ, Автостата; Верников, Курышева, 2021, с. 18.

Значительную роль в стимулировании кредитных продаж автомобилей за рассматриваемый период сыграли государственные программы поддержки (2009–2011 и 2015–2020 годы), а также деятельность кэптивных банков, принадлежащих крупным автопроизводителям, доля которых в общем портфеле автокредитов возросла с 15 % в 2014 году до 25 % в 2019 году²⁶.

Выбор Ростовской области в качестве территории исследования обусловлен наличием эмпирического «задела» по смежной проблематике [Оганесян, Шафиров, 2013]. По социально-экономическим показателям область можно считать вполне репрезентативной. Население составляет около 3 % численности

²⁶ Ernst & Young. The Russian and CIS Automotive Industry: Current Trends and Outlook. 2020, March. https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/topics/automotive-and-transportation/ey_auto_survey_30032020_en.pdf?download (accessed on October 15, 2020).

населения России и четверть от населения Южного федерального округа (ЮФО). Доходы и расходы на душу населения незначительно отстают от среднероссийских значений. На момент проведения исследования, то есть в 2020 году, доход на душу населения составлял для России в целом 36 240 руб., для Ростовской области — 31 519 руб. в месяц, потребительские расходы на душу населения — 18 579 руб. и 16 654 руб. в месяц соответственно. Область отличается этническим разнообразием (157 этнических групп), что добавляет дополнительное измерение для дальнейшего социологического и антропологического анализа. В 2020 году регион занял пятое место по миграционному приросту, который составил 11,6 тыс. чел. (9,6 % от общего числа по России). По данным Росстата, на начало 2020 года 33 % жителей имели в собственности легковой автомобиль, а область занимала седьмое место среди всех субъектов Российской Федерации по количеству зарегистрированных легковых автомобилей. Обеспеченность легковых автомобилями на тысячу жителей превышает среднероссийский показатель с 2012 года (рис. 5.11). Достаточно высокая обеспеченность населения области легковыми автомобилями означает, что первичная автомобилизация уже произошла. При покупке машины теперь растущую роль начинают играть мотивы, не связанные с автомобилем как техническим средством передвижения, то есть комфорт, престиж и т. д.

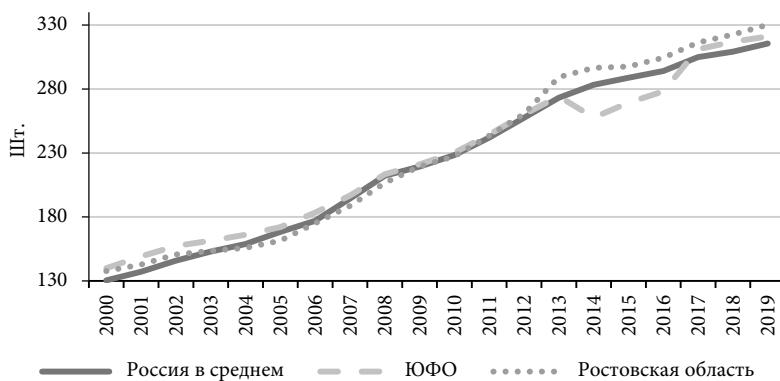

Рис. 5.11. Количество легковых автомобилей на 1000 чел.

Источник: построено автором по данным Росстата, Ростовстата, ГИБДД.

Приобретение гражданами автомобилей в долг в Ростовской области интенсивно развивалось с 2002 года (рис. 5.12). После временных спадов, связанных с социально-экономическими трудностями для всего общества, население возобновляло заимствования как в отношении количества кредитов, так и, особенно, объёма заимствований. В 2020 году полученные населением автокредиты в регионе составили 2,4 % от общероссийского показателя.

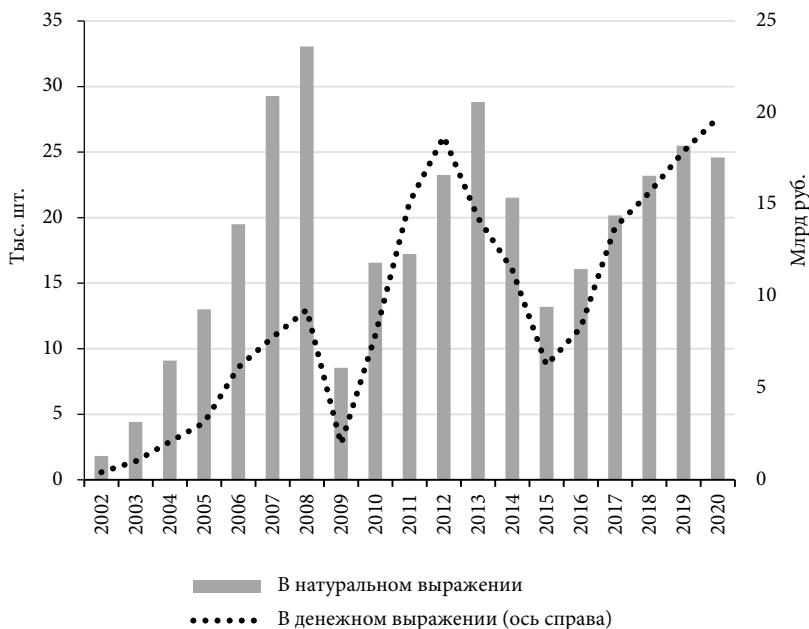

Рис. 5.12. Динамика полученных населением автокредитов, Ростовская область

Источник: расчёт автора по данным Банка России, Росстата, НБКИ, Автостата; Верников, Курышева, 2021, с. 19.

В качестве индикаторов взаимосвязи между развитием автокредитования и привычанием опережающего и показного потребления мы используем как первичные данные, приведённые в *Приложении* (табл. 3), так и сконструированные на их основе показатели из табл. 5.2 ниже.

Таблица 5.2

**Сконструированные показатели укоренения
опережающего потребления и показного характера
приобретения автомобилей в долг**

№	Показатель	Формула расчёта	Источник данных
1	Финансиализация рынка легковых автомобилей	$\frac{\text{Полученные населением автокредиты}}{\text{Расходы населения на покупку легковых автомобилей}}$	Банк России, Росстат, Ростовстат, НБКИ, Автостат, RAMR
2	Вовлечение населения в заемствование	$\frac{\text{Кол-во полученных населением автокредитов}}{\text{Количество домохозяйств}}$	НБКИ, Автостат, Росстат, Ростовстат
3	Размер автокредита на новый автомобиль	$\frac{\text{Полученные населением автокредиты} \times \text{Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж в денежном выражении}}{\text{Кол-во полученных населением автокредитов} \times \text{Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж в натуральном выражении}}$	НБКИ, Автостат
4	Размер автокредита на подержанный автомобиль	$\frac{\text{Полученные населением автокредиты} \times \text{Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж в денежном выражении}}{\text{Кол-во полученных населением автокредитов} \times \text{Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж в натуральном выражении}}$	НБКИ, Автостат
5	Годовой доход домохозяйств	$\text{Среднедушевой доход} \times \text{Численность населения} \times 12$	Росстат, Ростовстат
6	Годовой доход одного домохозяйства	$\text{Среднедушевой доход} \times \text{Размер домохозяйства} \times 12$	Росстат, Ростовстат

Источник: составлено автором; Верников, Курышева, 2021, с. 21.

5.2.2. Эмпирические результаты

Ещё 25 лет назад автокредитования в качестве отдельного сегмента потребительского кредитования фактически не существовало. На рис. 5.13 показано, что уже с 2005 года для жителей Ростовской области кредиты превратились в привычный источник финансирования покупки автомобиля. Доля кредитных денег в расходах населения на легковые автомобили была максимальной в периоды, непосредственно предшествовавшие банковским и финансовым кризисам: в 2006 году она достигла

половины розничных продаж автомобилей, в 2011–2012 годах приблизилась к 60 %. Восстановление динамики заимствований и пропорции кредитных машин в общей структуре продаж автомобилей (рис. 5.12 и 5.13) после кризисных периодов говорит о довольно сильном укоренении привычки к заимствованиям. К концу 2020 года этот показатель составил 47,9 %. Наши расчёты не включают полученные гражданами беззалоговые потребительские кредиты, часть которых тоже направлялась на покупку машин, что означает, что в действительности степень финансализации рынка легковых автомобилей Ростовской области ещё выше. Всего в 2002–2020 годах жителями Ростовской области было получено в форме автокредитов 180,7 млрд руб., что составило 39,9 % расходов граждан на легковые автомобили.

Рис. 5.13. Финансализация рынка легковых автомобилей, Ростовская область

Источник: расчёт автора.

Рис. 5.14 иллюстрирует вовлечение населения региона в заимствования. Количество выданных автокредитов за 2002–2020 годы накопительным итогом составило 348 875 ед., то есть 10,1 % от числа жителей трудоспособного и старше трудоспособного возраста Ростовской области на 1 января 2021 года. Количество полученных за период автокредитов мы принимаем за ориентир для расчёта числа заемщиков. Количество домохо-

зяйств, имеющих непосредственный личный опыт заимствования для финансирования покупки машины, относительно значения 2002 года выросло в 2020 году в 192 раза, а доля домохозяйств области, имеющих опыт заимствований, к концу 2020 года достигла 21,7 % от числа домохозяйств. Здесь возможен двойной счёт, когда члены одного домохозяйства покупают за период наблюдений машину в кредит больше одного раза. Точных данных об этом не имеется из-за отсутствия кредитного регистра. После устранения двойного счёта доля домохозяйств, привлекавших автокредит, несколько снизилась бы — с ½ до, возможно, ¼, что тоже немало.

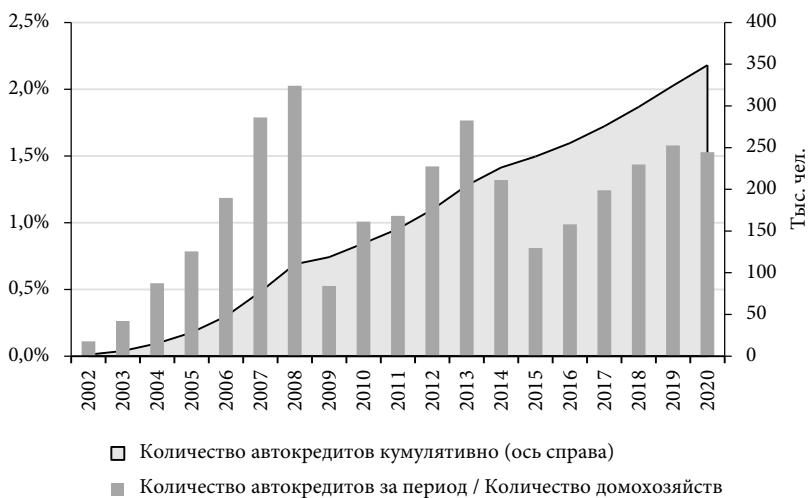

Рис. 5.14. Опыт заимствования домохозяйствами на цели покупки автомобилей в кредит, Ростовская область

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2021, с. 24.

Объём полученных домохозяйствами средств в форме автокредитов и совокупная задолженность домохозяйств по автокредитам перед банками демонстрировали односторонние тенденции (рис. 5.15). Это интенсивное развитие автокредитования в периоды, предшествующие кризисам, и устойчивость к финансовым потрясениям, то есть быстрое восстановление после кризисов. В то время как годовой доход домохозяйств

вырос к концу 2020 года относительно уровня 2004 года лишь примерно в 6 раз, объём полученных автокредитов в денежном выражении увеличился почти в 10 раз, а накопленная задолженность — в 16 раз. Относительная динамика этих показателей свидетельствует об укоренённости привычки к заимствованиям, то есть к финансированию покупки машины за счёт автокредита. Разрыв между стоимостью машины, обладать которой стремится заёмщик, и стоимостью той, которую он в действительности способен приобрести, ограничившись собственными доходами и не прибегая к заимствованиям, преодолевается с помощью кредита. Особенно заметным этот разрыв становился в периоды, предшествовавшие кризисам. Характерно, что в 2020 году, во время пандемии коронавирусной инфекции, доходы домохозяйств упали, но наряду с увеличением объёма непогашенной задолженности, что можно было бы связать с ростом доли просроченных займов, наблюдалось и увеличение выдачи новых автокредитов.

Рис. 5.15. Задолженность по автокредитам, объёмы полученных автокредитов и доходы домохозяйств, индексы (2004 год = 1), Ростовская область

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2021, с. 24.

Такие показатели, как цена нового автомобиля, приобретаемого за счёт автокредита, а также средний размер автокредита на новую и поддержанную машину, отражают рост относительно уровня дохода отдельного домохозяйства с 2016 по 2020 год (рис. 5.16).

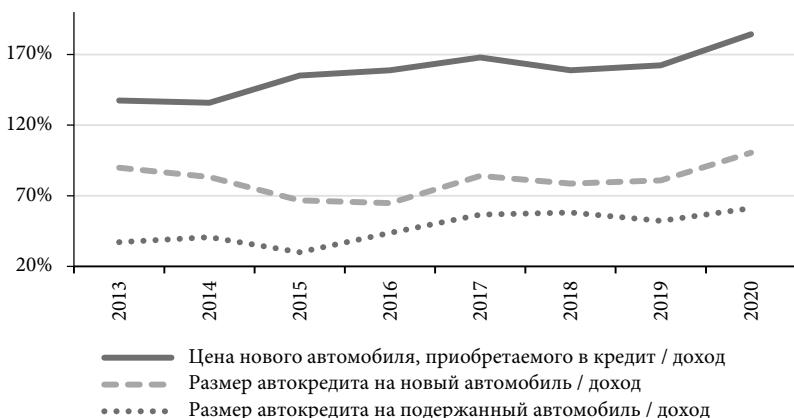

Рис. 5.16. Цена нового легкового автомобиля, приобретаемого в кредит, и размер автокредита по отношению к годовому доходу домохозяйства в Ростовской области

Источник: расчёт автора; Верников, Курышева, 2021, с. 25.

По материалам Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ) и компании Ernst & Young (EY), в общей структуре российского авторынка лидирует недорогой отечественный автомобиль [см. подробнее: Верников, Курышева, 2021, с. 26]. В свою очередь, в структуре кредитных продаж преобладают более дорогостоящие машины. Это важный момент, подтверждающий наши предположения. Подобный эффект возник, даже невзирая на массовые правительственные программы стимулирования, часть которых («Первый автомобиль») была задумана как способ расширить сбыт продукции российской автомобильной промышленности. За 2013–2018 годы в структуре продаж новых автомобилей происходил более интенсивный рост иностранных марок местной сборки (на 12 пп.), в связи с тем, что программы льготного автокредитования, реализуемые государством, были

направлены на целевую поддержку этого сегмента. Продажи российских брендов, хотя и являлись также объектом программ автокредитования, выросли за тот же период гораздо меньше — на 5 пп. Возможно, из-за того, что они воспринимаются покупателями как менее «престижные». Доля импортных иностранных машин, стимулирование которых не предполагалось программами поддержки автокредитования, упала на 17 пп.

Удорожание автомобилей ведёт к расширению круга марок, облагаемых транспортным налогом по повышенной ставке, то есть фактически признаваемых государством как предметы роскоши. Министерство промышленности и торговли в 2021 году включило в этот список автомобилей²⁷ ряд марок и моделей, отсутствовавших в аналогичном перечне предыдущего года (Skoda Kodiaq SportLine, Toyota Fortuner 2.8 Elegance, Citroen SpaceTourer Business Lounge XL, Peugeot Traveller Business VIP Long) и не рассматривавшихся как престижные.

5.2.3. Обсуждение результатов

Приведённые факты о финансировании населением покупки автомобилей за счёт кредитов подтверждают актуальность изучения темы показного потребления в долг для выбранного региона. Есть основания говорить и о распространении результатов исследования на другие схожие по характеристикам регионы или страну в целом.

Анализ статистического материала показывает, что институция опережающего потребления автомобилей, эмпирически проявляющаяся в устойчивой привычке заимствовать у банков деньги на покупку машины, укоренилась среди домохозяйств в достаточной мере для того, чтобы динамика заимствований не просто прослеживалась на более-менее длительных отрезках времени, но и стремительно восстановливалась в периоды финансовых трудностей (рис. 5.12, 5.13 и 5.14).

²⁷ Перечень легковых автомобилей средней стоимостью от 3 миллионов рублей, подлежащий применению в очередном налоговом периоде. https://minpromtorg.gov.ru/docs/#!perechen_legkovyh_automobiley_sredneye_stoimostyu_ot_3_millionov_rubley_podlezhashhiy_primeneniyu_v_ocherednom_nalogovom_periode_2021_god (дата обращения: 16.09.2021).

Мы связываем интенсивную финансализацию автомобильного рынка (рис. 5.13) с активной ролью банков и прочих стейкхолдеров автомобильной отрасли, а также с влиянием социальных факторов, а именно с одобрением кредита как способа сохранить видимость статуса или повысить его в глазах окружения. Детальное изучение этих процессов — интересное и актуальное направление будущих исследований. В описанных тенденциях мы видим указание на то, что автомобили приобретаются населением в значительной степени под воздействием мотивов, связанных со стремлением социализироваться за счёт приобретения новой машины, приобрести автомобиль не хуже, а желательно, и немного дороже того, который приобрёл знакомый. Это вполне сопоставимо с наблюдениями и объяснением аналогичных проявлений социальной идентичности в форме относительного социального позиционирования через приобретение вещей [Frank, 2007].

Поскольку драйвером кредитных продаж стала именно реализация новых, а не подержанных автомобилей (рис. 5.9), небезосновательно предположить, что стимулирование институции показного потребления, или, попросту говоря, «раскручивание» потребления напоказ происходит в большей степени в сегменте новых автомобилей. Строго говоря, уже сам факт обращения за кредитом на новую машину при вполне исправной имеющейся свидетельствует о том, что люди не избегают возможности заимствования для этой цели, и это превратилось в массовую, социально одобряемую черту поведения. Аналогично сам факт применения при сделке схемы «трейд-ин» может также рассматриваться как один из критериев показного потребления: предполагается, что у покупателя уже есть своя машина, причём относительно «молодая» и находящаяся в хорошем состоянии, исправная, иначе дилер не принял бы её в частичную оплату новой машины. Эту машину вполне можно было бы эксплуатировать дальше. По данным агентства «Автостат», по итогам 2020 года доля сделок по схеме «трейд-ин» в продажах новых автомобилей составила 31 %.

Опережающее накопление задолженности и интенсивность заимствований для финансирования покупки автомобилей

в сравнении с ростом доходов домохозяйств (рис. 5.15) указывают на то, что использование чужих денег для покупки автомобиля получило общественное одобрение и, став частью социальной идентичности, не истолковывается как предосудительное. Фактически кредит стал восприниматься как средство преодоления ощущения относительного дискомфорта, который позволяет людям почувствовать себя «не хуже других» через обладание вещами определённой стоимости и потребительских характеристик. Распространённый нарратив, способствующий этому, утверждает необходимость обращения за кредитом для расширения своего потребления и чуть ли не повышения финансовой устойчивости, вместо того чтобы опираться на свой, пусть и скромный, текущий доход.

Институция потребления напоказ поддерживается и поощряется кредиторами, поскольку она стимулирует рост средней цены автомобиля, продаваемого в кредит (рис. 5.16). За 2013–2020 годы соотношение между суммой кредита на поддержанную машину и доходом домохозяйства выросло сильнее, чем в случае с новым автомобилем. В 2020 году средняя величина кредита на поддержанную машину составила 556 587 руб., что довольно много. Рост приведённых на рис. 5.10 показателей продолжался даже в период пандемии коронавирусной инфекции, на протяжении 2020 года. То есть на фоне финансовых трудностей, связанных с падением доходов, спрос на автомобили по-прежнему поддерживался за счёт кредитования. Косвенно это подтверждает тенденцию убеждения потенциальных заёмщиков в необходимости приобретения автомобилей, которые люди воспринимают как более «престижные» или «статусные». А такое восприятие относительно и определяется действительным уровнем дохода, ценностью актива и социальным положением заёмщика.

На наш взгляд, тот факт, что средневзвешенная цена на приобретаемые в кредит новые автомобили (с 2013 года) и средний размер автокредита (с 2015 года) росли быстрее доходов населения (рис. 5.16), отражает связь между финансированием покупки машин кредитными деньгами и показным потреблением. Эта связь проявляется в тенденции принятия

гражданами на себя долговых обязательств в объёме, опережающем рост их собственных доходов, либо даже тогда, когда доходы вообще не растут или падают. Финансирование покупки машины за счёт заимствований продолжает воспроизводиться и в том случае, если люди уже и не очень могут себе позволить обслуживать долг, что опять свидетельствует об укоренении этой практики.

Так, долговая модель поведения и показуха подпитывают друг друга, а показное владение автомобилем в долг повышает финансовую уязвимость данного домохозяйства. Банковский сектор же, ввиду высокой прибыльности бизнеса, имеет мощную мотивацию продолжать развивать автокредитование.

Существует целый ряд альтернативных объяснений опережающего роста цен на автомобили: уменьшение числа автомобилестроителей и ослабление конкуренции, ценовой сговор между крупными автодилерами, банальная нехватка машин (как в 2021 году), повышение издержек отрасли. Рост средней цены кредитной машины может быть вызван не только запросами покупателя и его возможностью взять кредит, но и предложением в кредит лишь «богато» оснащённых выгодными дилеру опциями машин и невозможностью приобрести автомобиль в базовой комплектации, особенно в условиях дефицита. Мы считаем, что эти контраргументы не опровергают в целом наши логические построения, хотя и заставляют отказаться от абсолютизации показного мотива при интерпретации эмпирических данных. Ключевой идеей концептов, описывающих суть показного потребления, является относительность [Veblen, 1922; Frank, 2007; Hirsch, 2013], а значит, в качестве статусного, или престижного, может рассматриваться автомобиль практически любого класса, а не только так называемых люксовых марок или моделей. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по Ростовской области в январе — марте 2021 года, согласно данным Росстата, составила 37 568 руб., а средневзвешенная цена новой легковой машины, приобретаемой в России, за тот же период, по оценке агентства «Автостат», достигла 1,803 млн руб., то есть эквивалентна двухлетнему среднедушевому заработку. По итогам августа 2021 года, этот

показатель возрос уже до 2,140 млн руб. Средняя цена подержанного автомобиля возросла за тот же период на 20,5 % и составила в августе 2021 года 800 тыс. руб. (на Юге России — 840 тыс. руб.). На любую машину, даже скромную, средний работник должен был бы долго откладывать средства, и обладание ею тоже символизирует для кого-то повышение социального статуса. Здесь-то и появляется банк-кредитор. Основные нарративы, которыми граждане сопровождают приобретение автомобиля в долг, будут проанализированы в главе 6.

Общественно значимы сегодня региональные исследования долговой зависимости домохозяйств. Важным направлением видится разработка на уровне регионов композитных индексов опережающего и показного потребления — в контексте социально-демографической специфики, этнического состава территорий. Ёмкой темой является сомнительный и рискованный приём стимулирования потребления в долг в политических целях, в особенности в периоды социально-экономических потрясений. Эту тему мы также затронем в главе 6.

Глава 6. Чем поддерживается институт потребительского кредитования²⁸

6.1. Жизнь в долг и связанные с ней нарративы

Продвижение финансализации связано с определёнными нарративами [Epstein, 2005; Sawyer, 2013; Assa, 2017]. Существует взаимосвязь между расширением кредитования домашних хозяйств и поощряемыми этим кредитованием институциями, такими как потребительство, опережающее потребление, потребление напоказ и т. д. В данном параграфе мы постараемся проследить такой важный для нас аспект: в российском обществе, начиная с 1990-х годов, происходило целенаправленное опривычивание жизни взаймы. Экспертный и академический дискурс на эту тему активно формировал отношение общества к потребительскому кредитованию, оттоку финансовых ресурсов из сектора домохозяйств к банкам, долговой зависимости домашних хозяйств. В качестве иллюстрации мы используем узкий пример дискурса, посвящённого финансализации домашних хозяйств, в российских научных статьях.

Социологическая литература показывает, что практика финансирования потребления за счёт кредитных денег не является имманентной характеристикой обществ, а умело насаждается выгодоприобретателями и постепенно опривычивается среди тех или иных групп населения [Baudrillard, 1996; 1998; Зелизер, 2004]. Опривычивание социальной практики, как правило, сопровождается и соответствующим общественным дискурсом, легитимирующим её [Berger, Luckman, 1991]. Как отмечает Эрик Райнерт, «экономическая наука в некоторых вопросах тесно перемешана с властью и идеологией» [Райнерт, 2017, с. 70]. Целенаправленное конструирование дискурса для популяризации тех или иных ценностей — инструмент социальных

²⁸ В главе использованы материалы публикаций: Верников, Курышева, 2021; 2024b; Kurysheva, Vernikov, 2024.

преобразований [Galbraith, 1974]. Поведение масс формируется во многом через «рассказывание историй» или культивирование мифов [Wrenn, 2022]. Создание крупных корпораций разрушило идеализированное представление о свободе воли покупателя и продавца, характерное для экономического мейнстрима, и ознаменовало эпоху навязывания и продвижения этими корпорациями определённых поведенческих стереотипов [Commons, 1936; Galbraith, 1974; 1977].

Среди российских домохозяйств практика потребления в долг, как и во многих других обществах, насаждалась искусственно в качестве массовой схемы поведения. Исконно русские сказки, пословицы и поговорки [Даль, 1862] отражают установки осуждения потребительства и показного расточительства, долговой зависимости, порицания тех, кто нажил состояние за счёт бедняков. Социально-экономические преобразования 1990-х годов фактически повлекли перекодирование ценностей населения. Социально-культурные проявления показного потребления в результате насаждения стереотипов потребительства в российском обществе связывают с переходом к рыночной экономике [Ростовцева, Мирошина, 2012], а значит, с развитием финансиизации и потребительского кредитования как части этого процесса. Агрессивно навязывались новые жизненные ориентиры: экономить на желаемом, пусть и недоступном, больше не нужно. Соответствующие практики быстро опривычились на фоне предшествовавшего тотального дефицита советской эпохи — дефицитная экономика буквально сменилась безудержным потребительством. Товар стал применяться как средство самовыражения [Хархордин, 2016, с. 453–454]. Сегодня распространены исследования показного потребления среди молодых людей [Радина и др., 2013; Стрижак, 2024].

Приобретение товара или услуги за счёт долга стало считаться этически приемлемым и, начиная с 2000-х годов, постепенно упрочилось в российском обществе как социальная норма. Произошло раздвижение границ общественного дискурса: население буквально приучили пользоваться кредитом. В массовом сознании упрочилось убеждение о том, что житьё в долг не просто приемлемо этически, а даже выгодно эконо-

мически. Культура опережающего потребления, то есть систематическая привычка жить за счёт заимствования [Baudrillard, 1996], частично поддерживается показным мотивом [Veblen, 1922; 1894], частично — спекулятивными соображениями, а также другими представлениями в пользу стремления приобретать сверх того, что доступно на текущий момент [Верников, Курышева, 2021; 2022].

Поощрение псевдо-инвестиционного, а по сути, спекулятивного мотива в качестве массовой схемы «гарантированного заработка» уходит корнями в 1990-е годы. Расчёт на «лёгкие деньги» прививался гражданам, не являющимся профессиональными инвесторами, всё так же — путём активного продвижения соответствующего дискурса через средства массовой информации [Радаев, 2002]. Ругательные коннотации слова «спекулянт» вытеснялись, а их носители высмеивались. Когда финансовые пирамиды были разоблачены, на сцену вышел новый, «цивилизованный» механизм — кредитование частных лиц. Теперь способы лёгких заработков стали ассоциироваться с вложением не только своих денег, к чему с телеэкранов призывал пресловутый Лёня Голубков, но и чужих, взятых в долг у банка. К сегодняшнему дню развитие интернета и дистанционных технологий породило целую индустрию по вовлечению граждан в финансовые спекуляции за счёт «эксплуатации не самых лучших сторон человеческой натуры» [Верников и др., 2025, с. 67], игры на таких чувствах, как зависть, корысть, алчность, стремление к праздности и лёгкой выгоде. Высмеиваются трудовые профессии, зато манипулятивными техниками создаётся иллюзия гарантированной сверхприбыли.

Дискурсивный подход позволяет изучить, как продвигался нарратив финансализации и связанный с ним нарратив потребительства. Идеология потребления неотделима от социальной реальности [Schmitt et al., 2021], поэтому рассматриваемые нами процессы уместнее описывать не на языке свободной конкуренции идей и непредвзятого выбора индивидов (потребителей, покупателей, заёмщиков), а с учётом того, кто обладал властью расширять границы общественного дискурса, как этот дискурс укоренялся и как население буквально приучили пользоваться

кредитом. Отечественные исследователи-обществоведы давно указывали на обременительность статусно-ориентированного потребления с экономической точки зрения [Радаев, 2005]. Однако со временем в социолого-экономическом дискурсе победили адепты «финансовой инклузии» домохозяйств. Межстрановые сопоставления индикаторов охвата населения кредитными отношениями, как правило, преуменьшают остроту социальных проблем. Долговая нагрузка на бюджеты граждан изучается без рефлексии относительно того, нужно ли вообще стимулировать расширение банковского кредитования, кому именно оно выгодно и полезно и каковы его долгосрочные последствия для общества.

Институциональная и социологическая литература даёт возможность позиционировать нашу работу в контексте трудов важнейших мыслителей XX века и отрефлексировать роль научного сообщества в формировании общественного отношения к обсуждаемой теме. Так, проникновение денежно ориентированной культуры в систему высшего образования занимало мысли Веблена [Veblen, 1918b]. Отмечал он следствия этого процесса: «...Экономисты и комиссии по проведению экономических исследований, вовлечённые в обслуживание правящих кругов, не способствуют достижению никакой иной цели и направляют свои усилия не на что иное, как на служение банкирам и торговцам своей страны», и к тому же сводятся теперь собственно патриотические устремления современных ему граждан [Веблен, 2009, с. 118]. Джон Кеннет Гэлбрейт утверждал, что общепринятая экономическая теория и университетское образование XX века превратились в систему убеждений, оправдывающих и поддерживающих в массовом сознании финансовый капитализм как естественное, наиболее удачное, справедливое общественное устройство [Galbraith, 1974].

А что же произошло в постсоветской России? Социально-экономические реформы 1990-х годов провозглашали отказ от идеологизированности советского общества и ориентировали массовое мышление на западные ценности как абсолютное благо. На практике же на смену одной идеологии пришла другая: населению стали насыщаться привычки потребительства

и жизни в долг. Активное продвижение культуры опережающего потребления поддерживалось средствами массовой информации, киноиндустрией и другими видами искусства, маркетинговыми схемами, в том числе недобросовестной рекламой, а также магистральными курсами экономической дисциплины. Джозеф Стиглиц сказал в своей книге 2010 года: «Экономическая теория утратила характер научной дисциплины и перешла на сторону свободного рыночного капитализма» [Stiglitz, 2010, р. 243]. А ведь экономическое образование российских вузов опиралось на западную общепринятую теорию. Так что есть все основания провести параллель.

Статьи отечественных экономистов идеологически не нейтральны, а содержат типичные элементы дискурса, которые мы расценили как апологетику потребительского кредитования. В них содержатся элементы риторики, поддерживающей теоретическими аргументами кредитную экспансию банков и рост потребительского кредитования (а значит, и усиление долговой зависимости сектора домашних хозяйств от банков). Потребительское кредитование ассоциируется, в целом, не с инструментом создания зависимости, а с достаточно нейтральным «механизмом преодоления разрыва между желаемым уровнем жизни людей и их текущими доходами», который «снижает уровень отложенного спроса, удовлетворяет насущные нужды» [Новорожкина, Полякова, 2019, с. 238], с «довольно удобной формой семейного финансирования» [Козырева, 2012, с. 65].

Отсутствуют отрицательные этические оценки жизни взаймы и долговой зависимости человека. Во-первых, «потребителю не приходится ждать будущих доходов» [Старостина, 2016, с. 18], а, к тому же, кредит даже «способствует повышению текущего (?! — А. К.) дохода домашних хозяйств» [там же]. Более того, по работам начала 2000-х годов подчас складывается впечатление, что авторы зачем-то планируют прилагать усилия не просто, как заявлено, для того чтобы «сделать кредит доступным массовому потребителю» [Стребков, 2004, с. 58], но и вовлечь в долги тех граждан, которые этого действительно не хотят или избегают. Об этом свидетельствует своеобразная интерпретация результатов соцопросов, когда, например, причины

нежелания респондента брать кредит группируются в категорию «отсутствие мотивации», что расшифровывается как заявленные респондентами «отсутствие необходимости в кредите, принципиальное нежелание брать деньги в долг, возможность занять средства у кого-то из родственников или знакомых» [Стребков, 2004, с. 58]. При этом «активная региональная политика, расширение спектра кредитных услуг, повышение уровня информированности населения», как ожидалось, помогут «привлечь новых людей, которые пока еще не задумывались о получении кредита» [там же]. И, конечно, недостаточная вовлечённость соотечественников в долговые отношения нередко объяснялась «недоверием россиян к банкам» [Козырева, 2012, с. 65], «осторожностью» [Стребков, 2007b, с. 62], которую обязательно нужно преодолеть.

Экономисты склонны переносить акцент с жизни взаймы как социальной проблемы на субъективные, индивидуальные факторы принятия решений, недальновидность, низкую «финансовую грамотность», «нерациональность», неумение должника выстроить финансовую стратегию и управлять финансами, неразвитость навыков планирования и расчёта [Петренко, Петренко, 2022]... Для преуменьшения масштабов проблемы применяется агрегированный подход и особенно межстрановые сопоставления. С вопросов оттока ресурсов от домашнего хозяйства к кредиторам внимание переключается на показатели функционирования банковского сектора [Кузина, Крупенский, 2018], что означает фактически подмену понятий.

Прослеживается контраст работ экономистов с трудами по истории, социологии, социальной антропологии, социальной психологии. Экономисты, как правило, избегают критики в адрес банков, их алчности, хищничества, манипулятивности их рекламной политики и маркетинга, структурного и системного характера долговой кабалы, в которую попадают заёмщики. Умалчивается о том, что кредитование населения — главный драйвер банковских доходов, избегаются сюжеты, выявляющие, что потребности конструируются социально, в том числе самими кредиторами и продавцами товаров и услуг.

В такой направленности дискурса российских экономистов мы усматриваем диссонанс с традицией институционали-

стов критически оценивать кредитную экономику и навязывание стереотипов потребления финансовым сектором и крупными корпорациями [Commons, 1936; Galbraith, 1974; 1977] с помощью мифов, поддерживаемых риторическими техниками [Wrenn, 2022]. Возможно, наши авторы попали под действие «эффекта присоединения к большинству», когда в отсутствие особой рефлексии академическим сообществом экономистов транслировались «истины» мейнстрима, заместившего марксистскую политическую экономию. Соображения научной карьеры, темы государственных заданий и грантовых проектов стали факторами, которые работали в том же направлении. На практике это означало, правда, следование «церемониальному» [Veblen, 1898] или абстрактно-ориентированному [Райнерт, 2017] канону знания в не меньшей степени, чем в случае с марксистской политэкономией.

6.2. Нarrативы граждан для рационализации потребления в долг

Предметом нашего исследовательского интереса первоначально было приобретение автомобилей на заемные деньги [Верников, Курышева, 2021]. Постепенно предмет расширился. Сюжеты частично пересекались, в разговоре всплывали дополнительные темы. Поэтому мы постарались вычленить нарративы, описывающие также мотивы для заимствования на другие цели.

Для выявления распространённых нарративов, относящихся к мотивам покупки машины в кредит, нами были проведены неструктурированные интервью с 16 владельцами машин. Попутно круг информантов расширился, добавились ещё пятеро, у которых автомобиля нет, но есть опыт заимствований. Среди проинтервьюированных — мужчины и женщины от 23 до 53 лет. Выборка охватила 15 жителей Ростова-на-Дону, 3 жителей Москвы, 1 жителя Красноярска, 1 жителя Томска, 1 жителя Новороссийска. В рамках данного исследования сегментация владельцев автомобилей и заемщиков в зависимости от мотивов, которыми они руководствуются, не проводилась. В связи с этим социальные характеристики респондентов не указаны. У 14 респондентов имелся опыт приобретения автомобиля

в кредит для личного (некоммерческого) использования в течение последних трёх лет, у остальных такого опыта не было, но родственники или близкие знакомые оформляли автокредит. Дополнительным источником нарративов стала речь участников обсуждений нашего исследовательского материала в академических аудиториях (на научных семинарах, конференциях, круглых столах) разных городов. Таким образом было выявлено два дополнительных нарратива. Это стало своеобразным способом перекрёстной проверки (*cross-check*) результата. Опыт кредитования на иные цели, связанные с потреблением, имеется у всех информантов. Беседы проводились до достижения теоретического насыщения, то есть до тех пор, пока в дискурсах очередных информантов выявлялось новое объяснение интересующих нас мотивов.

Сбор информации по такой деликатной теме имеет свои особенности. Люди могут рационализировать свое собственное поведение и его результаты с точки зрения индивидуальных предпочтений или свободного выбора; однако согласно институциональной теории, люди обычно считают свой выбор осознанным, тогда как на самом деле он является результатом привычек [Hodgson, 2019]. Иногда к формированию привычки со временем приводит даже простое повторяющееся воспроизведение действий [Hodgson, 2003]. Эмоциональная приверженность и самоидентификация могут заставить людей придерживаться знакомых моделей поведения, даже если это оказывается дорогостоящим, невыгодным, убыточным [Schmid, 2004]. Применительно к предмету нашего исследования не столь важно, как потребитель первоначально рационализировал для себя мотивы, которыми руководствовался при обращении за кредитом. Люди могут не признавать своего стремления «не отставать от окружения» (выглядеть не хуже других, пустить пыль в глаза, купить из зависти, etc.) и даже не осознавать его в достаточной степени; вместо этого они аргументируют покупки такого рода самыми невероятными причинами: «Зачастую статусные соображения не распознаются или маскируются утилитаристскими суждениями о практической эффективности (например, покупка более дорогих товаров часто оправдывается тем, что они лучше — вкуснее, безопаснее, полезнее для

здоровья») [Радаев, 2005, с. 9]. Иными словами, свой спрос на пафосные дорогие — статусные — вещи люди могут не рефлектировать и тем более не признавать открыто. Поэтому наша задача состояла в том, чтобы ненавязчиво и аккуратно ограничить факты от интерпретаций. То, что в научной литературе называется полуструктурированным, а местами и неструктурированным, интервью, представляло собой, скорее, неформальную беседу.

6.2.1. Кредит на покупку автомобиля

Нarrативы, которые воспроизвели проинтервьюированные, были разбиты нами на две группы.

1. Рационализация приобретения автомобиля в кредит как привычного поведения, социальной нормы:

«Занимать нормально, все сейчас берут кредит»;

«Мы же живём в кредитной экономике»;

«Ждать зачем? Можно и сейчас себе позволить»;

«Если денег не хватает, то кредит — это как раз не страшно»;

«По-моему, если сейчас в кредит ничего никогда не брал, на тебя косо смотрят»;

«Оформил кредит, потому что так выгоднее, а через месяц погасил».

2. Мотивы приобретения автомобиля, который не по карману, в кредит (независимо от того, происходила ли покупка первого автомобиля или замена имеющейся машины на очередную):

«Уже такой возраст, что думаешь: вроде как уже пора, и ты что, один такой, этого не достоин?»;

«Живём один раз»;

«Зауважают... Девушек привлекает больше, знакомиться проще»;

«Ну, как почему? Это круто. А то, что в кредит, ну и что... Тем более что потом перепродать такую очень легко»;

«Хорошее вложение денег»;

«Скоро подорожает, постоянно дорожают... точно так же перепродам года через два»;

«Пора менять уже»;
«Машине три года, морально устарела»;
«Новая машина безопаснее»;
«Базовой комплектации совершенно недостаточно»;
«...люди покупают машины в максимальной комплектации от безвыходности».

6.2.2. Кредиты на прочие цели

Затем были вычленены некоторые дополнительные нарративы, касающиеся других потребительских товаров или жилья.

О дорогостоящем ювелирном украшении:
«...если не хочешь просто так (подарить), ну, пусть тогда будет инвестиция».

О банковском кредите вообще:
«...(кредит) — очень хорошая форма для интенсификации трудовых усилий»;

«Понимаешь, я знаю, что эти деньги (ежемесячный платёж по кредиту) просто бы спустила... на кафешки там... на туфли. А тут цель есть, ограничиваешь себя».

Об использовании кредитной карты с лимитом как образе жизни:

«Но это вопрос привычки; выгодная стратегия: возникает беспокойство, а потом раз такой вспоминаешь — у меня же ещё есть лимит! ...нас приучают жизнь в долг»;

«А что, последнее время так и делаю, это очень удобно, закидываю... перекидываю на кредитку со своего счёта и погашаю»;

«У меня на карте уже два года минус сто тысяч».

Соответствующие нарративы, склоняющие покупателя к оформлению кредита, апеллируют к определённым стереотипам. Например, рационализация такой покупки происходит с помощью сочетания самых разнообразных, часто убедительно выглядящих аргументов. Так, вполне исправный имеющийся автомобиль продаётся, а новый покупается только потому, что «пора менять» или это «крутко», и этим надо кому-то что-то продемонстрировать. Популярны утверждения о прямой зависимости качества и безопасности машины от её цены со ссылкой на якобы авторитетные «независимые» источники, на самом

деле имеющие сильный конфликт интересов. Нередки апелляции к результатам так называемых краш-тестов, экологических и прочих исследований, где рейтинг марки обычно предопределяется лишь размером маркетингового бюджета данного автопроизводителя или дилера. Покупка автомобилей с заведомо завышенными характеристиками, напичканных разнообразными опциями, мотивируется тем, что без этого машина не была бы качественной и безопасной, не выполняла бы своего предназначения (перевозить из точки А в точку Б).

Тезис о том, что «люди покупают машины в максимальной комплектации от безвыходности», хотя и звучит несколько гротескно, недвусмысленно показывает, что в данном случае предложение формирует спрос, а не наоборот. Имеется в виду, что дилеры отказываются продавать в кредит машины без опций и дополнительного оборудования, что в ряде случаев оказывается уловкой продавца или дилера. То же относится к навязыванию «опции» оформления в кредит, когда для выполнения плана продаж сотрудник уговаривает покупателя оформить автомобиль в кредит, даже если объективной необходимости в таковом у покупателя нет, — предоставляемые дополнительные плюсы покупателю.

Один из интервьюируемых вполне всерьёз утверждал, что «Лексус» дешевле, чем «Рено-Дастер». Отвечая на уточняющий вопрос, он привёл два аргумента: (а) ежемесячный платёж по кредиту на покупку «Лексуса» лишь на пару десятков тысяч рублей выше; (б) в пересчёте на каждую лишнюю звезду Мишлена (экспертная оценка безопасности машины через так называемый крэш-тест. — А. К.) — поскольку у «Лексуса» их якобы больше, — «Лексус» получается «дешевле». Такая парадоксальная аргументация призвана была рационализировать выбор данной молодой семьи в пользу «Лексуса», хотя своих средств не хватало на покупку ни одной из машин, даже заведомо более дешёвого «Рено». Респондент вербально отвергал статусный мотив, однако подобное «неузнавание [misrecognition] не должно скрывать от нас важность статусных мотивов» [Радаев, 2005, с. 9].

Ещё один широко распространённый нарратив транслирует мысль об «инвестиционном» мотиве покупки автомобиля (машина якобы позволяет уберечь деньги от обесценения) или

даже о спекулятивном мотиве (упеть купить по старой цене, чтобы потом перепродать с выгодой). Однако обычная серийная машина не может являться средством сохранения стоимости (*store of value*), то есть защитным активом. Даже самые удачные марки нереально перепродать с выгодой, если корректно учесть все расходы владения, упущенную выгоду, движение валютного курса и т. д. Спрос со стороны частного потребителя на машины часто подогревается «понтами» — желанием выделиться, обратить на себя внимание. Покупка автомобиля классом выше, пусть и подержанного, приносит ощущение причастности к более обеспеченной социальной группе: факт получения кредита под приобретение машины известен мало кому, зато видимость относительно высокого уровня потребления создана. И автопроизводители, и автодилеры отлично понимают эти психологические особенности, умело эксплуатируют их, используя рекламу, а также другие средства убеждения. К этой же категории можно отнести распространённый нарратив о том, что автомобиль является неотъемлемым атрибутом успешного молодого человека, в частности, для привлечения женского внимания.

Тот же мотив псевдо-инвестирования, как видно, актуален для других вещей, как минимум, для тех, которые считаются товарами не первой необходимости или предметами роскоши, например, драгоценностей. Неожиданным стал нарратив о восприятии кредитных обязательств как дисциплинирующего фактора. Это указывает на сильный психологический момент: казалось бы, логично предположить, что, раз появляется возможность направлять довольно ощущимую для бюджета сумму для оплаты ежемесячного платежа по кредиту, то объективно эта возможность есть, а значит, можно попробовать накопить на желаемую покупку без посредничества банка. Парадоксальна подмена понятий: то, что названо «сбережением», вовсе не сберегается, а отдаётся банку.

Согласно исследованиям, в семье с низким уровнем среднедушевого дохода семейными финансами чаще распоряжается женщина [Ибрагимова, 2012]. Поэтому можно предположить, что адресатом апологетического нарратива в пользу взятия кредита на покупку более дорогой машины часто является

другой член домохозяйства, прежде всего — жена покупателя. Супругу(-е) «продают» убедительно звучащую историю, чтобы избежать осуждения своих действий, получить согласие на радикальную смену приоритетов семейного бюджета, а порой и на поручительство перед банком. Аргумент о «небезопасности» бюджетных машин действует сильно, хотя при спокойной езде с разрешённой скоростью в городе разница между марками машин нивелируется.

6.3. Нarrативы агентов, аffилированных с автокредитованием

Для исследования использована целенаправленная (или «намеренная», *purposive sample*) выборка субъектов сферы автокредитования, — автопроизводителей и банков, — транслирующих нарративы или иные элементы дискурса, посредством которых происходит формирование у клиента образа продукта (легкового автомобиля) и услуги (автокредитования).

Источниками нарративов послужили текстовые, видео-, аудиоматериалы, размещаемые на сайтах этих действующих субъектов в сети Интернет.

Для определения круга действующих субъектов — авторов этих нарративов использованы:

1) выборка коммерческих банков, используемая порталом Banki.ru для составления полугодовых и годовых отчётов «Рейтинг российских автокредитных банков» (с 2011 по 2021 год). Банки в составе выборки предоставляют услугу автокредитования граждан-физлиц, характеризуются наибольшим размером портфеля автокредитов в каждом отчётном году (в соответствии с отчётностью, направляемой Банку России). Совокупная величина автокредитного портфеля данных банков в составе всего автокредитного портфеля коммерческих банков, действующих в России, варьируется диапазоне между 66 % и 82 % в зависимости от года;

2) выборка крупнейших автопроизводителей на основе статистики продаж новых легковых автомобилей по данным Ассоциации европейского бизнеса (с 2011 по 2021 год) — рейтинг наиболее популярных марок и моделей;

3) выборка автопроизводителей, принимающих участие в программах льготного автокредитования, субсидируемых правительством России.

При отборе нарративов мы руководствовались принципом максимальной вариативности / неоднородности (*maxim variation / heteroge-neous purposive sample*). Это означает, что формирование целевой выборки проходило путём отбора всех нарративов, которые содержат смысловую ссылку к тому, как обращается к потенциальному клиенту автопроизводитель или банк-кредитор, какой формирует у клиента образ своего продукта (автомобиля) или услуги (автокредитования). Работа с материалом и его классификация в смысле достижения теоретического насыщения продолжались до тех пор, пока не исчерпывались варианты отнесения по тем или иным классифицирующим признакам к соответствующим категориям. Иными словами, задача выборки состояла в охвате наиболее широкого спектра возможных «случаев», с тем чтобы составить чёткое представление о том, какой образ своего продукта/услуги формирует у клиента действующий субъект посредством определённых нарративов.

Сбор данных проходил путём последовательной работы с сайтами автопроизводителей и автокредитных банков, вошедших в выборку. Составленная нами база данных рубрифицирована на два основных блока: автомобили и автокредитные программы. Данные по автомобилям категоризированы дополнительно на марки и модельный ряд. Анализировались материалы, содержащиеся на веб-страницах конкретных моделей автомобилей на сайтах автопроизводителей и автокредитных программ на сайтах банков. Размещённый доступный текстовый материал копировался в базу данных, дополняющий его аудиоряд и видеоролик переводился в текстовую форму в случае присутствия в нём дополнительной информации, не дублирующей уже имеющуюся в текстовой форме.

Процесс анализа собранных данных включал:

1) определение ключевых слов и словосочетаний, отражающих транслируемые посредством ассоциативного ряда ценности, стереотипы, привычки мышления, связанные с характеристиками, владением, использованием автомобиля, характеристиками, оформлением, пользованием автокредита;

2) кодирование: присвоение ключевым словам и слово-сочетаниям с одинаковым смысловым содержанием (посылом) одинаковых кодов (*“in vivo” coding*, при котором коды берутся непосредственно из текста, живой речи и т. д., а не придумываются или формулируются самим исследователем);

3) категоризацию: объединение родственных, схожих кодов в более широкие смысловые категории и темы;

4) итоговую группировку: формулирование обобщающих нарративов или категорий, которые отражают основной посыл каждой из проанализированных групп нарративов.

Двумя основными темами стали «Условия кредитования» (источники соответствующих нарративов — банки, кредитные программы) и «Ассоциации, выстраиваемые вокруг автомобиля» (источники нарративов — банки и автопром). Наш анализ позволил построить группировку категорий внутри каждой темы.

1. Условия кредитования

1) лёгкость, простота условий, удобство, доступность:
«программа работает легко и просто»;
«комфортные платежи»;
«удобство»;
«доступно»;
«Kia Легко»;
«кредит “Комфорт”»;
«услуга “Лёгкий обмен”»;
«вносить платежи теперь намного удобнее»;
«оплачивайте в два клика» (по системе быстрых платежей);

2) иллюзия контроля, разумности, самостоятельности в управлении сделкой:

«назначьте свою ставку»;
«предложение для тех, кто умеет считать»;
«рационально»;
«настройте удобный кредит»;
«широкий выбор опций по истечении трёх лет»;
«гарантия банка партнёра по выкупу автомобиля по окончании кредита»;
«остаточная стоимость гарантирована банком-партнёром»;

«Что можно сделать по окончании кредита? Оставить себе. Обменять на новый. Продать самостоятельно»;

3) иллюзия выгоды:

«ставка по автокредиту легче»;

«снижаем ставку автоматически и на весь срок»;

«предложение для тех, кто умеет считать свою выгоду»;

«отменяем платежи»;

«выгодно»;

«сервис, позволяющий пропустить первый платёж»;

«первоначальный взнос от 0 % от стоимости автомобиля»;

«платёж до двух раз ниже, чем по программе “Kia Стандарт”»;

4) иллюзия удачи, везения, исполнения мечты:

«сервис “Удачное начало”»;

«поможем осуществить Вашу мечту — купить автомобиль»;

«возможность приобрести автомобиль классом выше»;

«возможность легко обменять автомобиль на новый»;

«новая Toyota каждые три года»;

«программа предоставляет возможность клиенту обновлять автомобиль каждые три года»;

«кредит “Легенда”» (стимулирование продажи подержанных машин).

2. Ассоциации, выстраиваемые вокруг автомобиля

1) развитие, динамика, движение, современность, «в ногу со временем», ценности и технологии будущего:

«динамический потенциал»;

«новые функции»;

«обновление приложения»;

«впервые в автомобильной индустрии»;

«технология цифровой диагностики»;

«искусственный интеллект»;

«курс на экологичность, разнообразие, инновации»;

«уверенно прокладывает новый курс в будущее, основываясь на этих ценностях и аспектах»;

«легендарный успех в гонках»;

«выдающаяся динамика»;
«воплощение полной трансформации»;
«Двигайся. Расширяй горизонты. Вдохновляйся»;
«для тех, кто продолжает двигаться, продолжает ис-
кать»;
«жизнь просто открывает бесконечное множество воз-
можностей»;
«за каждым поворотом нас ждёт новое открытие»;
«вернуться совсем другими»;
«движение, которое вдохновляет»;
«эволюция человечества»;
«открывали новые континенты»;
«желание и потребность в движении заложены в ДНК
всего человечества»;
«когда мы в движении»;
«помогает открывать места»;
«устанавливать новые связи»;
«открываем новые миры»;
«получаем новые впечатления»;
«знакомимся с новыми людьми»;
«открываем новые перспективы»;
«Движение связано с концепцией постоянных изменений»;
«Движение стимулирует мышление, творчество, новые
идеи и прогресс»;
«люди с прогрессивным мировоззрением»;
«впечатляющий современный стиль»;
«продвинутый интерьер»;
«технологии и инновации помогают установить связь
с автомобилем и окружающим миром»;
«полностью цифровая приборная панель»;
«сенсорный дисплей»;
«интеллектуальные инновации в области безопасно-
сти»;

2) история бренда, традиции прошлого как ценность:
«легендарный автомобиль»;
«легендарный автоспортивный инженер»;
«на протяжении 60 лет»;

«традиционный спортивный дух»;
«уже более 60 лет бренд MINI и семью Купер объединяет»;
«легендарный успех в гонках»;
«мы стали забывать простую истину»;

3) мастерство и умение его передать:
«школа водительского мастерства»;

4) психологическое удовлетворение, удовольствие, радость от использования:

«синоним удовольствия от вождения»;
«стремление к максимальному удовольствию от вождения»;

«курс на успех и оптимизм»;
«значимые и удобные услуги»;

«вождение — нечто большее, чем просто удовольствие»;

«наслаждайтесь лучшим»;

«ощущение простора»;

5) этика:

«основываясь на этих ценностях»;
«совместное стремление»;

«верим в то, что эти ценности находят отклик в наших потребителях»;

«Людях, оптимистичных и позитивных, готовых меняться и адаптироваться к будущему, которые движимы новыми идеями и во всем видят возможности»;

«на первом месте — люди»;

«если это зозвучно Вашим представлениям»;

6) эстетика, творчество, самовыражение:

«элегантный дизайн»;

«источник вдохновения»;

«вдохновение никогда не заканчивается»;

«движение, которое вдохновляет»;

«получаем новые впечатления»;

«прославляем совершенство и простоту природы»;

«единение, вдохновляющее чувства»;

«мыслить иначе, быть креативнее»;

«яркие эмоции с первого взгляда»;

«впечатляющий современный стиль»;

«спортивный акцент»;

- «дерзкая форма» (фонарь);
 - «узнаваемый световой рисунок»;
 - «улыбка тигра»;
 - «выделяется в городском потоке»;
 - «притягивает внимание»;
 - «время блеснуть»;
 - 7) физическое удовольствие, удобство, машина как друг:
 - «упростить знакомство» (с моделью машины);
 - «интуитивно понятный» (интерьер);
 - «больше внимания к деталям» (в интерьере);
 - «весь интерьер построен вокруг водителя»;
 - «технологии помогут установить связь»;
 - «на страже безопасности»;
 - «абсолютный комфорт»;
 - «значимые и удобные услуги»;
 - «технологии для жизни»;
 - «мягкий свет обеспечивает комфортное и безопасное вождение»;
 - «мягкие на ощупь материалы»;
 - «высокое качество исполнения салона»;
 - «комфортно расположившись»;
 - «комфортабельный салон»;
 - 8) уникальность:
 - «новая лимитированная серия»;
 - «специальная серия»;
 - 9) условия сделки, её удобство:
 - «моментальная оценка текущего автомобиля в trade-in»;
 - «выбрать и купить понравившийся автомобиль Renault, не выходя из дома»;
 - «поддерживается полная оплата автомобиля на сайте и доставка на дом»;
 - «все представленные автомобили находятся в наличии в дилерских центрах».
- Итак, подавляющая часть нарративов апеллирует к откровенно гедонистическим мотивам, с несколько различающимися акцентами. Изыщность формулировок, красота видеоряда это усиливают. Упор делается не просто на формирование образа

автомобиля как необходимого атрибута, без которого современный человек неполноценен. Выбор даже не между роскошью и средством передвижения, как в знаменитом тезисе, — теперь это, скорее, средство самовыражения, которое буквально открывает новый мир впечатлений и чувств, а реклама является концентрированным выражением обещания новой интересной жизни. Ассоциативный ряд, выстраиваемый в связи с концепцией подталкивания к оформлению кредита на автомобиль, в чём-то схож: самостоятельность, ответственность и прозорливость потенциального заёмщика видятся как дополнение или приложение к удачной кредитной опции, а вовсе не в контексте того, что человек сам заработает, накопит и купит «на свои».

Результаты позволяют предположить, что меры воздействия по обеим темам прорабатываются соответствующими сторонами, вероятнее всего, с учётом понимания, на какие группы убеждений потенциального покупателя (и заёмщика) следует направлять воздействие. Так, чётко выделяются группы убеждений, изучаемых как предпосылка к совершению действия в рамках поведенческих моделей, учитывающих особенности социальной психологии: убеждения по поводу ожидаемых результатов от потенциального действия, убеждения относительно реакции социального окружения и убеждения относительно контроля, связанного с соответствующим поведением [см.: Fishbein, Ajzen, 2010]. Открываются перспективы для изучения манипулятивности такой рекламы.

6.4. Отражение в кинематографе культуры потребительства и жизни в долг

Эксплуатируя образы, ориентирующие зрителя на рост потребления, свою роль играет киноиндустрия [Morin, 1956]. Продвижению и опривычиванию новых потребительских стандартов, толкающих на заимствования у банков, в постсоветскую эпоху способствовал кинематограф. Произошло сближение коммерции и культуры в отечественном кино [Земко, 2010]. На протяжении последних лет постепенно начинает популяризоваться альтернативный дискурс, направленный на осуждение жизни в долг, высвечивающий проблему людей, попавших

в долговую зависимость. Мы проанализировали содержание и дискурс рейтинговых российских кинокартин, в постсоветский период транслировавших идеи потребительства (21 картина), а также фильмов, которые противостоят дискурсу жизни в долг (13 картин). Таким образом, выборку составили 34 фильма различных жанров (*Приложение, табл. 4*). Анализ материала затрагивал посылы, транслируемые через элементы дискурса, художественные образы, сюжет, картинку в кадре. Мы разграничили два типа дискурса и попытались соотнести между собой ключевые темы внутри каждой группировки.

Анализ кинокартин, вошедших в первую выборку, выявил ценности, стереотипы, поведенческие установки, явным образом или косвенно содействовавшие превращению потребительства в массовую схему поведения. Соответствующие обобщающие темы таковы: установка на то, что жить нужно «здесь и сейчас»; «лучшая жизнь» ассоциируется с внешними атрибутами, с ростом потребления; «нarrатив вынужденности», обнаруживающий материальную зависимость от обеспеченных людей как нелицеприятную, но всё же допустимую оборотную сторону стремления «жить не хуже других»; этическая приемлемость, социальное одобрение, даже поощрение кредита для расширения потребления и ощущения роста качества жизни, потому что «так живут все»; идеологическая поляризация общества: превосходство в социальной иерархии обеспечивается безнравственным поведением.

В работах из второй выборки содержится посыл для разрушения стереотипа о том, что заёмные деньги — это способ обеспечения достойной жизни. С помощью элементов дискурса и художественных приёмов опровергается этическая приемлемость и показывается пагубность институций, поощряющих потребительство и долговую зависимость. Прослеживается линия аргументирования, перекликающаяся со многими художественными произведениями (например, Т. Драйзера) и работами учёных — например, с сарказмом Веблена насчёт профессии финансиста, который делает деньги из ничего, в том числе зарабатывая на несчастьях людей и не чураясь плохой с точки зрения морали истории [Veblen, 1904; 1961b].

Результаты анализа представлены в сравнительной *табл. 6.1*.

Таблица 6.1

**Выявленные в дискурсе кинокартин темы,
связанные с культурой потребительства и жизни в долг**

Выборка 1 (n = 21)	Выборка 2 (n = 13)
Стереотип о том, что заёмные деньги — это способ лучшей жизни «здесь и сейчас»	Развенчание «финансово-ориентированной» смекалки: как правило, за ней стоит сознательный обман доверчивых и малообеспеченных граждан Подчёркивается общественная пагубность установки на то, что все способы разбогатеть хороши, включая агрессивное торгашество и мошенничество, делание денег из ничего
Этическая приемлемость поведенческих схем потребительства в кредит и соответствующих институций	Десакрализация бизнеса кредиторов и коллекторов с морально-этической позиции: долг — торгуемый «товар» Работа коллектора: тема искупления и возмездия (принцип «долг платежом красен», доведённый до абсурда как художественный приём)
Замалчивание проблемы людей, попавших в долговую зависимость	Подчеркивание случаев, когда люди попадают в долговую ловушку, яму как общественно значимой проблемы
Поляризация общества на идеином уровне: – если богатый, то обязательно нечестный, но это нормально, потому что иного, добродетельного, способа заработка нет; честный = бедный и жалкий: ○ насмешка над поведением, считавшимся олицетворением добродетели, хорошего воспитания — вежливостью, скромностью, достоинством, верностью; ○ положительные, интеллигентные, скромные, вызывающие сочувствие и симпатию герои — обречены на нищету, страдание, вымирание; – выпячивание денежных возможностей, секулярная распущенность, наглость, хамоватость как черты успешности в социуме, признаки состоявшегося человека, бравирование этими качествами: ○ дорогой аксессуар или предмет потребления — атрибут, добавляющий маскулинности, храбрости, уверенности в себе; ○ выхолащивание сюжетов, в которых без материальных атрибутов героям жилось бы хорошо; они отошли в нишу артхауса, некассового, популярного в узких кругах рафинированных эстетов;	Опора на себя и самоуважение vs. преклонение (пресмыкание) перед деньгами и долговая зависимость. Морально-этический конфликт: – обесценение и неуважение к тому, что имеешь; – не поступаться самоуважением, не разменивать талант; – «продавство хуже воровства». Проблематика не рефлексируемых трат

Окончание табл. 6.1

Выборка 1 (n = 21)	Выборка 2 (n = 13)
<ul style="list-style-type: none"> – страх материальной несостоятельности, зависимость как норма, готовность терпеть плохое отношение супруга, опекуна, партнёра ради денег (не только среди женских героинь) <p>Долговая зависимость тяжка и неприятна, но всё же нормальна, потому что так живут все</p>	<p>Гипертрофированная кредитная зависимость как портрет социума</p> <p>Кредит как приоритетная идея, заполоняющая сознание:</p> <ul style="list-style-type: none"> – собственная смерть как способ отдать долг; – перед лицом смерти первая мысль — как отдать долг; – гибель супруга — тоже удачный способ отдать долг

Источник: составлено автором.

Анализ кинокартин, причём из обеих выборок, ещё раз подтверждает, что потребительство и финансализация — вредные нарративы, кем-то сформированные и навязанные, поддерживаемые сетью организаций. И что не следует рассматривать банковскую сферу как некоего «посредника», этически нейтрального в отношении формирования и навязывания потребностей, а кредит — лишь как «техническое средство», «инструмент слаживания потребления». Банковскую деятельность, как и деятельность других кредиторов, следует изучать как любой другой бизнес [Vernikov, 2024], на повестке которого — заработать деньги. Отсюда необходимость финансового регулирования этой деятельности: ведь «заработать» часто перерастает в — «заработать любой ценой», а наживаться на несчастье граждан помогает уверение в том, что заемщик сам поступил неэтично, не вернув долг, а чужие деньги надо возвращать.

Несмотря на явное преобладание в общественном дискурсе ценностей и поведенческих схем, соответствующих первой выборке картин, в последнее десятилетие всё же начали появляться фильмы, поднимающие проблему граждан, попавших в долговую зависимость и этически осуждающие потребительство и финансализацию как хищнический нарратив, поддерживаемый сетью организаций. Социальным трендом

такие фильмы пока ещё не стали, но начали продвигать повестку против потребительства и жизни в долг.

Возможно, в то время как на уровне массового проката (зарубежного и отечественного), высоких рейтингов и кассовых сборов долговое потребление и стремление к «роскоши» навязывалось, на уровне немассового отечественного кинопроизводства режиссёры пытались показать цинизм этого нового дискурса, пренебрежения к традиционным ценностям, якобы уходящим в прошлое. В этом контексте хочется отметить лишь одну дополнительную деталь. Основной художественный приём, используемый режиссёрами для предотвращения попадания в долговую ловушку — «негативный кейс», то есть формирование отрицательной ассоциации с образом организаций, выбивающих долги: запугивание, отвращение, страх, тема сопротивления экономическому насилию. А вот «позитивных кейсов» пока недостаёт.

6.5. Социально-экономическая политика в отношении финансализации (на примере поощрения автокредитования)

Государство — значимый участник социально-экономической системы, обладающий властью менять существующие правила социально-экономических взаимодействий, устанавливать новые, препятствовать или помогать институционализации определённых практик путём организации коллективного действия. Одной из форм стимулирования совокупного («эффективного») спроса в современных государствах является поддержка расширения кредитования домохозяйств, зачастую проводимая как часть социально-экономической политики.

Не становятся исключением времена, сопряжённые с вызванными разными причинами финансово-экономическими трудностями, кризисным состоянием экономики и общества. Как мы уже отмечали, во время кризиса правительство нередко старается облегчить населению доступ к кредитам. Это стимулирует спрос, а с психологической точки зрения становится

«опиумом для народа», средством поддержания видимости меньшего социального неравенства, чем в действительности. Рейтинги такого правительства растут. Но в долгосрочной перспективе эта политика может привести к краху: дешёвые кредиты не решают проблему неравенства, а, наоборот, усугубляют её. Так было и в кризис 2008 года в США, что отразилось на всей мировой экономике [Rajan, 2010]. Не менее значимой становится и тема поддержания тех или иных мифов в основании государственной политики [Waller, 2014].

Для нас внимание к этой закономерности особенно важно, потому что регионы в составе России неоднородны. Это отражается и на структуре кредитования: есть территории, где граждане отдают до половины текущего дохода на обслуживание долга перед банками и другими кредиторами. Действительно, судя по тенденциям, проанализированным в главах 3 и 5, есть некоторая зависимость: восстановление экономики после кризисов 2008 и 2014 годов сопровождалось расширением кредитования домохозяйств. Но, что ещё интереснее, — именно годы эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, — 2020 и, в особенности, 2021, отмечены небывалым всплеском кредитования (рис. 6.1).

Рис. 6.1. Всплеск кредитования населения в 2020–2021 годах

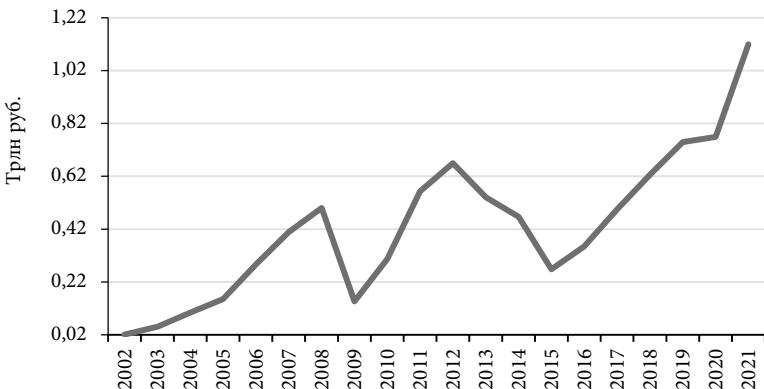
Источник: Банк России, Росстат, расчёты автора.

Если в прежние эпизоды «кредитные буны» непосредственно предшествовали кризисным периодам, то этап всемирной пандемии и жёстких ограничений, рисков оставаться без работы и умереть парадоксальным образом ознаменовался беспрецедентным принятием долговых обязательств населением. Подтверждается это не только абсолютным показателем выдачи кредитов населению в рублях, но и соотношением между полученными населением кредитами и текущим доходом (рис. 6.1).

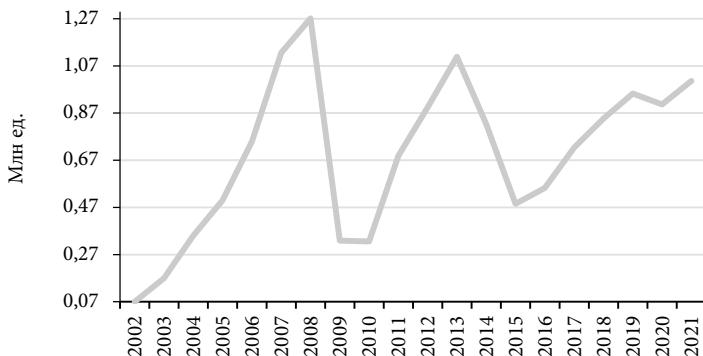
Удалось выявить и выгодоприобретателей кредитования домохозяйств. Доходы банковских организаций тоже стремительно взлетели, несмотря на все ограничения пандемии, и этот показатель рос намного лучше, чем ВВП и доходы граждан (см. гл. 3, рис. 3.7).

Конечно же, распространённый нарратив убеждает в том, что простым людям в условиях кризисов (работодатель закрылся, работы лишились, заболели) и не остаётся ничего иного, кроме как влезть в долги — чтобы купить самое необходимое, оплатить медикаменты и лечение, образование, в конце концов, рефинансируировать уже имеющийся кредит.

Но удивительным образом, пандемия 2020–2021 годов спровоцировала небывалый скачок автокредитования (рис. 6.2а, 6.2б), особенно в денежном выражении (рис. 6.2б). Автомобиль не относится к товарам первой необходимости, и сложно представить, что в условиях потери работы и угрозы здоровью потребители массово почувствовали необходимость поменять машину. Количество заёмщиков автокредитов в 2020–2021 годах не является рекордным за всю историю наблюдений (рис. 6.2б). И всё же оно вовсе не падало стремительно в течение всего этого периода, как это имело место вслед за финансово-экономическими потрясениями 2008 и 2014 годов. Незначительное снижение числа заёмщиков в 2020 году объясняется отложенным спросом, возникшим вследствие временного дефицита полупроводниковых элементов. Когда дефицит исчез, заимствования восстановились.

а) в денежном выражении

б) в натуральном выражении

Рис. 6.2. Автокредиты, полученные домохозяйствами

Источник: построено автором по данным НБКИ, Автостата.

В дополнение к исследованиям, показывающим, что во времена массовых заболеваний общее состояние стресса и депрессивность ведёт к расширению спроса на дорогостоящие покупки [Di Crosta et al., 2021; Zwanka, Buff, 2021], мы предполагаем также действие особенного для наблюдаемой в стране ситуации фактора. В 2020–2021 годах специфическим драйвером роста покупок машин в кредит стало общее состояние социальной напряжённости и незащищённости, которое на протяжении предыдущих восьми лет нагнеталось международным

сообществом, а в начале 2022 года воплотилось в реальность нападками на русскую культуру и общество.

Не менее значимым фактором для объяснения парадокса покупок автомобилей в кредит в контексте «гипотезы Раджана» служат программы поддержки автокредитования. Финансиализация российского авторынка активно поддерживалась государственной политикой в течение последних 20 лет и, особенно, с 2009 года, когда правительство, руководствуясь задачей повышения благосостояния молодых семей, запустило программы, условия которых предполагали упрощение условий автокредитования для граждан. Поддержка включает в себя субсидирование первоначальных взносов и процентных ставок, ориентированных в первую очередь на российские бренды и иностранные автомобили местной сборки. Первый пик средней суммы автокредита (943 тыс. руб.) был отмечен в период посткризисного восстановления в 2010 году, сразу после начала государственной поддержки. Программы субсидированного автокредитования сыграли важную роль в увеличении продаж новых автомобилей. Соотношение между новыми и подержанными автомобилями составило примерно 3 к 1 среди кредитов, выданных в 2021 году²⁹. Программы с той или иной периодичностью возобновлялись. 1 июня 2020 года в условиях уже действующих жёстких ограничений, связанных с пандемией, правительство объявило о дальнейшем упрощении доступа к автокредитам в рамках субсидированных программ. Новые требования сняли ограничения по сроку кредита, первоначальному взносу и процентной ставке, а также увеличили предельную цену автомобиля, приобретаемого за счёт льготного кредита, с 1 млн до 1,5 млн руб. Дополнительные субсидии составили 7 млрд руб. Согласно официальным данным, в 2020 году на реализацию программ автокредитования была выделена рекордная сумма финансовой поддержки в размере 22,5 млрд руб. В 2021 году программы были приостановлены из-за того, что выделенные средства закончились вследствие

²⁹ В денежном выражении; на основе выборки банков с крупнейшим портфелем автокредитов по данным ЦБ РФ за 2013–2021 годы. Расчёт проведён на основе материалов портала Banki.ru.

ажиотажного спроса на автомобили в первом квартале года. В середине 2022 года Министерство промышленности и торговли объявило о выделении дополнительных средств (20,7 млрд руб.).

Эти факты подтверждают аргумент о том, что власти готовы ослабить финансовое регулирование по всем направлениям, чтобы расширить доступ к кредитам для домохозяйств с низким и средним уровнем дохода и сохранить поддержку населения [Rajan, 2010].

С 2011 по 2020 год два из пяти крупнейших автокредитных банков напрямую или косвенно контролировались государством. В первой половине 2021 года их число увеличилось до трех банков. На государственные банки приходилось не менее 28 % автокредитов, выданных домохозяйствам. Таким образом, при правильной мотивации государство могло бы ввести правила, ограничивающие поток автокредитов домохозяйствам; однако правительство продолжает субсидировать как ипотечные, так и автокредитные программы на фоне снисходительности банковских регуляторов к высокой интенсивности и прибыльности потребительского кредитования. Государственные программы автокредитования преследуют макроэкономические цели (инвестиции, рост ВВП, импортозамещение и т. д.).

В свою очередь, спекулятивный мотив потребления в долг [Верников, Курышева, 2022] может в значительной степени стимулироваться такими льготными программами. Например, спекуляции на рынке недвижимости в США в очередной раз резко возросли во время пандемии COVID-19, чему в значительной степени способствовали спонсируемые правительством программы кредитования под залог недвижимости³⁰.

³⁰ Weber R. Financial astrology: Real estate speculation during a pandemic. FinGeo. Posted on 30 March 2022. http://www.fingeo.net/2022-04-05-rachel-n-weber-financial-astrology-real-estate-speculation-during-a-pandemic/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=2022-04-05-rachel-n-weber-financial-astrology-real-estate-speculation-during-a-pandemic2022/04/05 (accessed on April 5 2022).

6.5.1. Данные и показатели

Используемые нами количественные данные собраны из нескольких источников, включая материалы Банка России, Национального бюро кредитных историй (НБКИ), Аналитического агентства «Автостат» и Росстата. Эти данные включают статистику по розничным продажам легковых автомобилей, автокредитам, выданным домохозяйствам, обслуживанию автокредитов и доходам домохозяйств. Описательная статистика первичных данных и некоторых предварительно рассчитанных показателей содержится в **таблице 5 Приложения**. На их основе мы построили шесть показателей, которые измеряют покупку автомобилей с использованием заемных средств. В дополнение к расчётом, проведённым в предшествующих главах, здесь мы делаем акцент на периоде пандемии 2020–2021 годов. Набор рассчитываемых показателей приведён ниже³¹:

$$L1 = \frac{\text{Полученные кредиты} \times \text{Доля кредитов (руб.)}}{\text{Кол-во кредитов} \times \text{Доля кредитов(ед.)}}$$

$$L2 = \frac{L1}{\text{Доход домохозяйства}}$$

$$L3 = \frac{L1 \times \text{Процентная ставка} \times \text{Срок кредита}}{\text{Доход домохозяйства}}$$

$$L4 = \frac{\text{Цена автомобиля}}{\text{Доход домохозяйства}}$$

$$L5 = \frac{L1}{\text{Цена автомобиля}}$$

$$L6 = \frac{\text{Полученные кредиты}}{\text{Продажи легковых автомобилей}}$$

³¹ Для показателя $L1$ значение доли кредитов берётся отдельно для новых и отдельно для подержанных автомобилей. Соответственно, остальные показатели, в расчёте которых фигурирует $L1$, также рассчитываются как для новых, так и для подержанных автомобилей.

Рассчитанные метрики, как и прежде, представляют собой относительные показатели. Это сделано для того, чтобы нивелировать колебания курса рубля и влияние инфляции. Показатели обозначены нами латинской буквой L от англ. слова *leverage*. Показатели рассчитаны отдельно для автокредитов на покупку новых и подержанных автомобилей (с 2014 года к тому же доступны данные о цене подержанных автомобилей в сегменте «до семи лет»). В качестве контрольного показателя для метрик L_2 , L_3 и L_4 использовано значение процентной ставки по автокредиту (официально публикуемой Банком России на регулярной основе с 2014 года раздельно для новых автомобилей и автомобилей с пробегом).

6.5.2. Эмпирические результаты и их обсуждение

L1. Средний размер автокредита демонстрировал рост в случае с приобретением как новой, так и подержанной машины. В 2021 году произошёл резкий скачок среднего размера заимствований в обоих сегментах (рис. 6.3).

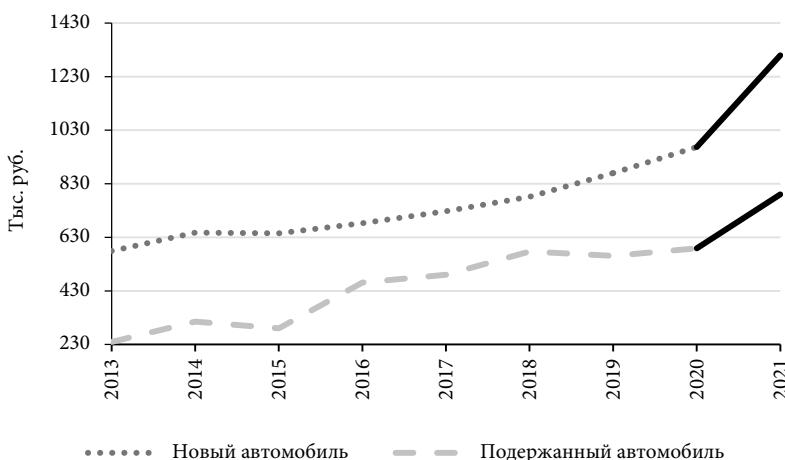

Рис. 6.3. Средний размер автокредита

Источник: расчёты авторов.

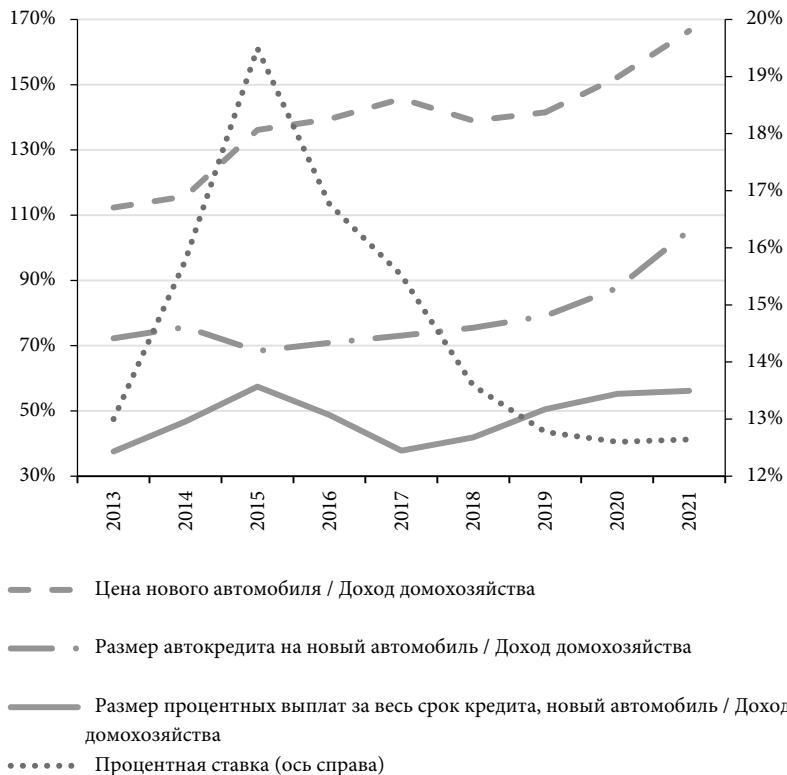

Рис. 6.4. Изменение в параметрах заимствований, новые автомобили
 Источник: расчёты авторов.

L2, L3, L4. Цена на автомобиль, средний размер кредита и величина процентных выплат по кредиту на новый автомобиль показали рост относительно дохода домохозяйства за период пандемии (рис. 6.4).

В случае с кредитом на подержанный автомобиль тенденция изменения соотношения цена / доход и размер кредита / доход аналогична, а соотношение между процентными выплатами, наоборот, незначительно снизилось (рис. 6.5).

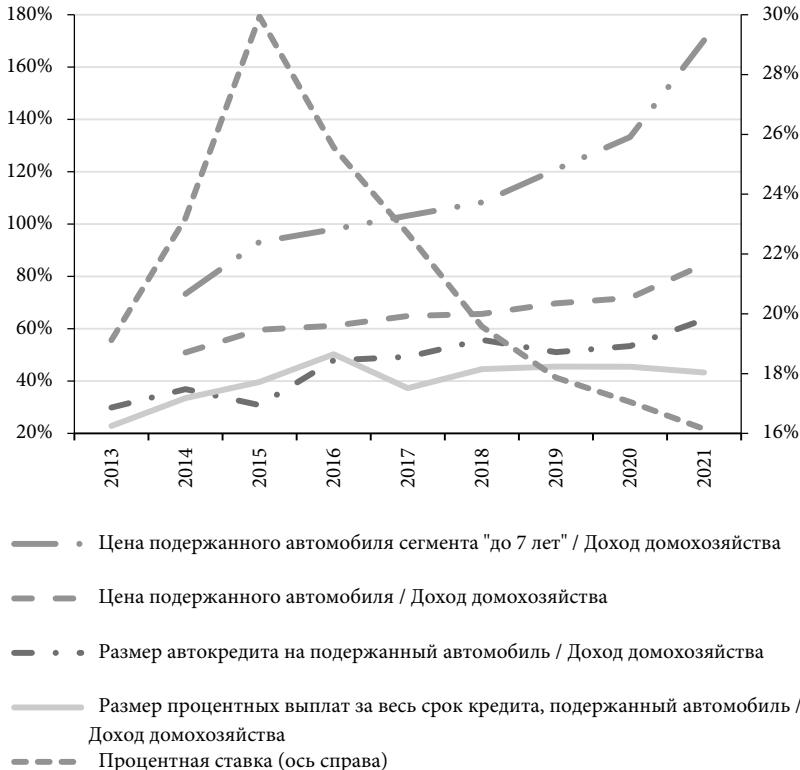
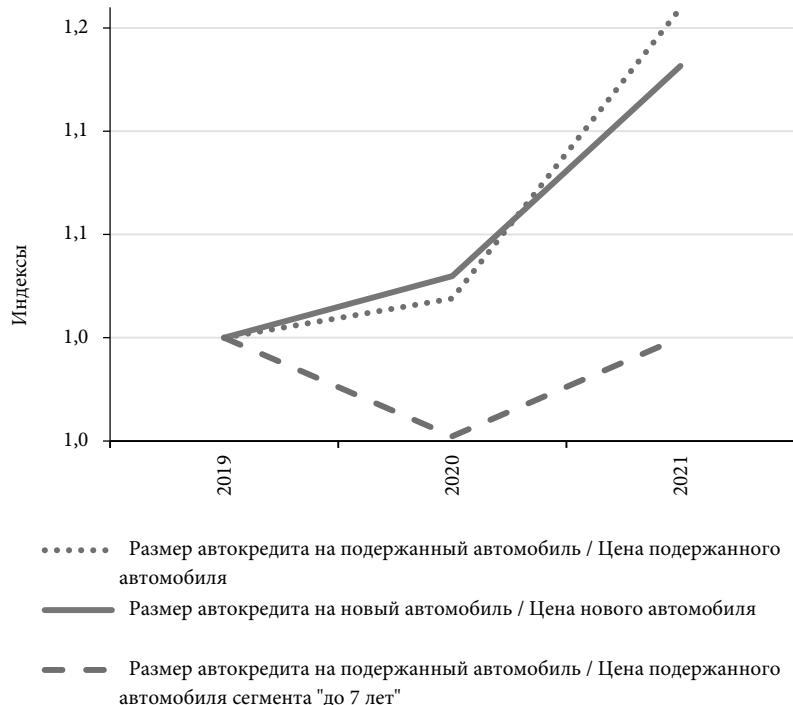

Рис. 6.5. Изменение в параметрах заемствований, подержанные автомобили
Источник: расчёты авторов.

Расчёты свидетельствуют о том, что нередко встречающийся в оправдание стимулирования автокредитования нарратив о постепенном переориентировании спроса на подержанные машины, снижении важности показного мотива или утраты его актуальности — пока что миф.

Л5. Относительно допандемийного периода соотношения между величиной автокредита и ценой автомобиля выросли во всех трёх сегментах: новых, подержанных автомобилей, а также автомобилей сегмента «до семи лет» (рис. 6.6).

*Рис. 6.6. Изменение в параметрах заимствований,
подержанные автомобили*

Источник: расчёты авторов.

Размеры автокредитов и на новые, и на подержанные автомобили растут быстрее их цен с 2015 года. Это означает, что граждане всё в большей степени покрывают разницу между доступным автомобилем и тем, который желаем, но недоступен. Объяснение этой тенденции косвенно подтверждает и показной мотив покупки, и спекулятивный. Раскручивание спирали спекулятивного спроса на автомобили подтверждается ростом заимствований относительно доходов (рис. 6.4, 6.5) и цен (рис. 6.6) на фоне снижающихся процентных ставок, создающих иллюзию ожидаемой выгоды за счёт будущего роста цен. Более чёткое разграничение этих мотивов, возможно, станет предметом будущих качественных исследований.

L6. Соотношение между полученными домохозяйствами автокредитами и розничными продажами легковых автомобилей (рис. 6.7) показывает постепенно развивающуюся зависимость рынка автомобилей от кредитных денег. Для периода 2020–2021 годов указанная пропорция не является самой высокой за весь период интенсивного развития автокредитования. И всё же резкого спада показателя, как это было вслед за кризисами 2008 и 2014 годов, не произошло, более того, значение 2021 года (40,7 %) даже превышает значение докризисного 2013 года (37,4 %), отмеченного максимальным количеством заёмщиков автокредитов за время с 2009 по 2021 год (1,11 млн чел.). Это говорит о том, что мотивация потребителей, поддерживающая финансирование покупки автомобиля в долг, укоренилась достаточно для того, чтобы «противостоять» макроэкономической нестабильности.

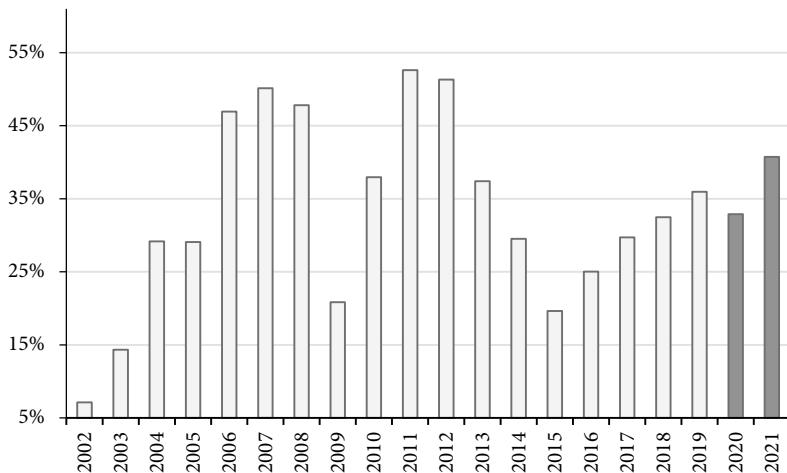

Рис. 6.7. Соотношение между полученными домохозяйствами автокредитами и розничными продажами легковых автомобилей

Источник: расчёты автора.

Мы расцениваем показатель *L6* как меру финансализации рынка автомобилей. Этот параметр достаточно высок, даже учитывая то, что показатель розничных продаж может отражать

приобретение машин не только для личного использования домохозяйством, но и для служебных целей или коммерческого использования. С другой стороны, наши расчёты не включают данные по необеспеченным потребительским ссудам, значительная часть которых также используется для приобретения автомобилей (по оценкам социологических опросов, до 60 % респондентов, профинансируемых приобретение автомобиля за счёт кредита в 2013–2018 годах, оформили для этих целей беззалоговый кредит³²).

Автомобильная промышленность обладает одним из самых высоких мультипликаторов, что означает, что государство и далее будет сохранять заинтересованность в поддержании и развитии отрасли, в том числе за счёт интенсивного стимулирования автокредитования. Прибыльность автокредитования косвенно подтверждает, что выгодоприобретатели, то есть автопроизводители, автодилеры, банки-кредиторы будут прикладывать усилия для сохранения своего *status quo*. Обратная сторона этих процессов — рост долговой зависимости домохозяйств.

Вместо того, чтобы сократить потребление и увеличить сбережения, как обычно делают домохозяйства в кризис, российские домохозяйства отреагировали ростом дорогих покупок в кредит. Результаты позволяют предположить, что расширение доступа граждан к кредитам в качестве популярной меры и «анальгетика» (обезболивающего средства), действие которого направлено на отвлечение общественного внимания от острых социальных вопросов и финансовых трудностей, а также на сглаживание ощущения неравенства [Rajan, 2010], имеет отношение и к российской действительности. По меньшей мере, отмеченные тенденции развития автокредитования указывают на это. Двумя специфическими движущими факторами несвое-

³² Согласно результатам исследования, проведённому «Демоскопом» (в опросе принимали участие 12 650 респондентов, или 6000 домохозяйств) в рамках проекта «Исследование финансового поведения и сберегательных привычек населения Российской Федерации», 2013–2018 годы, проекта повышения финансовой грамотности и финансового образования россиян Министерством финансов (Россия) совместно с МБРР. <https://conf.hse.ru/2019/news/259706895.html>

временного всплеска расходов на автомобильном рынке во время недавней пандемии 2020–2021 годов предположительно выступают: (1) хеджирование и спекуляция, к которым прибегают домохозяйства в условиях финансовой нестабильности, и (2) государственное регулирование автокредитов. Причём небезосновательно утверждение, что эти факторы взаимосвязаны, и интенсивность поддержки автокредитования разгоняет рост цен на автомобили. Публично высказывая озабоченность нарастанием долгового бремени населения, правительство при этом поощряет спрос на кредиты и даже расширяет их предложение, прежде всего через каналы кредитной эмиссии, проводимой банками с государственным участием. Такая экономическая политика представляется довольно сомнительной, ввиду её потенциальных последствий.

Глава 7. Есть ли альтернатива дальнейшей финансииализации?³³

7.1. Производительные и непроизводительные поведенческие установки

Прежде в этой книге мы уже делали отсылку к продуктивным и непродуктивным, или церемониальным, практикам или характеристикам поведения. В основе такого противопоставления лежит аналитический приём Веблена, заключающийся в разграничении черт человеческой природы, или упрочившихся на инстинктивном уровне склонностей, предрасположенностей, поведенческих установок. Производительные установки и практики содействуют материальному благополучию общества и продолжению рода [Veblen, 1918a, pp. 25, 49], непроизводительные — мешают движению к этой цели. Производительные установки включают:

1) предрасположенность к родительству, то есть бескорыстную заботу о благополучии подрастающего поколения, о благе своей социальной группы и человечества в целом, антиэгоизм, умеренность в потреблении и тратах, рачительное расходование ресурсов для пользы сыновнего поколения;

2) склонность к труду, мастерству, созиданию, развитию ремесла, эффективному использованию подручных средств (*material means at hand*) [Veblen, 1918a, pp. 31, 36] для достижения жизненно важных целей;

3) любознательность, бескорыстное стремление к полезному, прагматичному знанию.

Непроизводительные, или церемониальные, практики коренятся в склонности к себялюбию, эгоистических устремлениях и препятствуют хозяйственному развитию, ведут к культурной деградации. Эта склонность включает самодовольство и стремление к самовозвеличиванию за счёт других, стяжательство, примитивную погоню за материальной эффективностью

³³ Текст главы основан на публикациях: Верников, Курышева, 2023а; 2024а; 2024б; 2024с; 2024д.

(*naive pursuit of material efficiency*) [Veblen, 1918a, p. 43], зависть, жадность, корысть, агрессию, желание прославиться, денежное соперничество, показные траты и расточительство, желание что-то получить, ничего не давая взамен.

Веблен непосредственно противопоставляет своеокрытие — предрасположенности к родительству [Veblen, 1918a, pp. 46–47], отмечая, что в реальном поведении разные склонности переплетаются. Так, анти-расточительство тесно связано с использованием предметов с наибольшей эффективностью, что составляет содержание склонности к мастерству. Веблен считал отвратительно бесчеловечным со стороны нынешнего поколения умышленно усложнять жизнь следующему поколению. Речь идёт не только о недостаточном содержании и ненадлежащем обучении потомства, но и о недальновидном использовании ресурсного наследия и возможностей из-за жадности и лени. Дальновидность, предусмотрительность (*providence*) являются добродетелями в силу того, что направлены на заботу о потомстве [p. 26]. Следовательно, предрасположенность к родительству в широком смысле предполагает одобрение экономии, разумного использования ресурсов для общего блага и неодобрение расточительной и бесполезной жизни. Иными словами, бережливость и эффективность являются непосредственным выражением родительской склонности. В то же время, такая разумная бережливость сопровождает и склонность к мастерству, которая и поддерживается в данном случае родительской заботой об общем благе [p. 27].

Корыстные мотивы, связанные со стремлением выделиться на фоне других (соревновательность в потреблении, показное потребление и сопряжённые с ними непроизводительные расходы, расточительство), Веблен воспринимает как пагубные, препятствующие технологической эффективности, росту профессионализма и развитию общества [Veblen, 1918a; 1922]. Веблен подчёркивал, что привычные потребительские расходы надлежит оценивать на предмет того, происходит ли, и насколько, мотив приобретения вещи из привычки завистнического денежного сопоставления. Экономическое и культурное развитие связывалось с общей пользой. Критерием отсутствия расточительности служит то, способствует ли расходование общественному

развитию, рассматриваемому вне связи с отдельными лицами, служит ли непосредственно улучшению человеческой жизни в целом [Veblen, 1922, pp. 97–101]. Веблен критиковал подмену этого принципа нарративом об удовлетворении отдельного потребителя и его субъективном психологическом комфорте, превратившемся в максиму общепринятой экономической теории.

В работе «Теория делового предприятия» [Veblen, 1904] Веблен раскрывает негативные общественные последствия движущего бизнесменом стремления к наживе, погони за прибылью в ущерб развитию технологической эффективности. Демонстрация денежной состоятельности описывается как церемониальная практика [р. 583]. В капиталистической культуре, основанной на частной собственности, инстинкт мастерства вырождается в денежное соперничество. Основным мотивом, которому подчинена деятельность, становятся деньги, а подлинная цель работы сводится к накоплению богатства и распоряжению им (*pecuniary dispensation*) [Veblen, 1918а, pp. 173–174]. У Веблена встречаются и другие парные категории (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Парные категории в дискурсе Торстейна Веблена

Категории, характеризующие	
производительные установки и практики	непроизводительные установки и практики
1	2
институции, поощряющие производство	институции, поощряющие стяжательство
институции, служащие промышленной культуре	институции, служащие денежной культуре
институции, обслуживающие нехищнические / бескорыстные (<i>non-invidious</i>) экономические интересы	институции, обслуживающие хищнические / корыстные (<i>invidious</i>) экономические интересы
развитие мастерства	торговое дело
обычный человек	групповые интересы (<i>vested interest</i>)
интересы промышленности	интересы бизнеса
технологическое производственная деятельность	церемониальное собственность

1	2
материально-вещественные показатели работы	доход
служение интересам сообщества занятость в промышленности технологическая эффективность информация, обладающая ценностью	саботаж (подрыв этих интересов) занятость в денежной сфере завистническая соревновательность конкурентная реклама
эффективность производства (промышленности)	процветание бизнеса

Источник: Waller, 2022, р. 23; Верников, Курышева, 2024а, с. 11.

Таким образом, по Веблену [Veblen, 1918а; 1922], побуждения связаны с определёнными поведенческими установками (*features of human conduct*) и выражаются в социально-экономической деятельности — производительного (продуктивного, технологичного — *productive, technological*) характера либо непроизводительного (непродуктивного, обрядового, церемониального — *unproductive, ceremonial*). Из совокупности опривычиваемых практик и лежащих в их основе установок рождается институциональное устройство сообщества. Эту идею мы применили в качестве концептуальной основы для анализа общественных институций, характеризующих хозяйствственные практики, и разработали для этого свою аналитическую технику.

Для операционализации смысловых категорий мы провели качественный анализ работ Веблена, используя стратегию индуктивного тематического анализа (*inductive thematic analysis*) [Guest et al., 2013] — общий случай традиции теоретизирования, основывающегося на фактах, или обоснованной теории (*grounded theory*) [Glaser, Strauss, 1967]. Технику кодирования, разработанную в рамках традиции обоснованной теории, мы применили к анализу текстов авторства Веблена. Эта техника подразумевает выявление категорий и концептов, содержащихся в текстовом материале, и последующее сведение их в определённую теоретическую модель [Corbin, Strauss, 2008]. Фрагменты текста изучаются, как правило, построчно. Единицами анализа могут быть слова, параграфы или более крупные

разделы. Интересующим фрагментам присваиваются коды, возникающие по мере работы с текстом [Charmaz, 2006; Guest et al., 2013]. Схожие по смыслу места кодируются одинаково. Тематический анализ выходит за рамки подсчёта частоты встречаемости слов или фраз в тексте, а сосредоточен на выявлении и описании содержащейся в нём скрытой или явной идеи, то есть «темы» [Guest et al., 2013]. Роль объединяющего, или обобщающего, концепта в нашем случае выполняет «предрасположенность» (термин Веблена), а «темой» выступает одна из четырёх предрасположенностей, описанных Вебленом. Три предрасположенности (родительство, любознательность и созидательность) соотносятся с производительными характеристиками поведения, четвёртая (себялюбие) — с непроизводительными. Процедура кодирования включает, по мере проработки текста, несколько этапов [Corbin, Strauss, 2008]. Первичное прочтение сопровождалось открытым (*open*) кодированием, в ходе которого выявлялись нужные нам фрагменты текста (поскольку у Веблена отсутствует структурирование глав и параграфов в соответствии с нужными нам предрасположенностями). В процессе осевого (*axial*) кодирования текстовый материал был пройден повторно, с тем чтобы установить взаимосвязи между присвоенными кодами и остальным материалом. Выборочное (*selective*) кодирование в данном случае протекало как «нанизывание» на объединяющий концепт («предрасположенность») четырёх тем (родительство, любознательность, созидательность, себялюбие) и сопоставление каждой из тем с рядом категорий, отнесённых к ней.

Мы проработали таким образом тексты Веблена и выписали характеристики продуктивных и непродуктивных практик и поведенческих установок, которые сгруппировали по предрасположенностям. Анализ продолжался до теоретического насыщения. Всего кодов *in-vivo*, то есть слов, фраз, выражений, словосочетаний, описывающих поведенческие установки, получилось более восьмидесяти. Затем мы объединили близкие понятия в 11 смысловых категорий. Работа по образованию категорий проходила следующим образом. В тексте выделялись фрагменты, относящиеся к описанию одной из предрасполо-

женностей, например, родительской (*parental bent*). Эти фрагменты копировались в отдельную графу файла Excel, предназначенного для сбора текстовых данных, и помечались особым образом (русской буквой «Р»). Среди встречавшихся в тексте эпитетов — дальновидность, предусмотрительность (*providence*), бережливость (*parsimony, thrift*), запасливость (*hoarding*), неодобрение, предотвращение пустой траты ресурсов (*disapproval of wasteful living*). Перевод некоторых словосочетаний и выражений упрощался или корректировался с тем, чтобы обеспечить учёт контекста. Это касается таких установок, как экономность, рачительность (*animus for economy and efficiency*), неэгоистичное расходование (*economy and efficiency for the common good*). Перечисленные слова объединяют ориентацию на умеренное расходование ресурсов, предусмотрительность в тратах и потреблении. Этим способом образована одна из категорий, составляющих содержание родительской предрасположенности: «Предусмотрительность, умеренность, забота о завтрашнем дне».

Похожим образом сконструированы остальные смысловые категории. Результаты этой работы приведены в табл. 6 *Приложения*. Перечень английских выражений не исчерпывающий; отражать здесь все синонимичные или схожие по смыслу обороты нет необходимости. Таким образом, техники открытого, осевого и выборочного кодирования позволили выявить концепты и категории, описывающие «продуктивные» и «непродуктивные» (синонимично мы используем эпитеты «производительные» и «непроизводительные», соответственно), в вебленовском понимании, поведенческие установки и практики. Полученные категории мы применили для анализа **элементов традиционной русской экономической культуры и институций, характеризующих долговое поведение, чему посвящён следующий параграф**.

7.2. Элементы традиционной русской экономической культуры и институции, характеризующие долговое поведение

7.2.1. Постановка исследовательской задачи

Мы попробуем использовать теоретико-методологическое наследие институциональной школы, чтобы определить направление, которое могло бы составить жизнеспособную альтернативу современной модели долгового финансирования потребления. Для этого будут проанализированы элементы традиционной русской экономической культуры и хозяйственной этики XIX века, а конкретнее — нормативный посыл, передаваемый пословицами и поговорками. Источником данных послужили 935 изречений из Сборника Владимира Ивановича Даля 1862 года, касающихся установок по поводу распоряжения личными финансами (расходование, заимствование и одолживание), потребления, ведения домашнего хозяйства, трудовой деятельности. Теоретико-методологической основой для оценки этого материала стала эволюционная теория Торстейна Веблена [Veblen, 1904, 1918a, 1922, 1961b].

Нас привлекла тема обозначения институций в книжной речи и народной лексике, отражения народных институций, ценностей того или иного общества в фольклоре [Иншаков, Фролов, 2005; 2010; Ashliman, 2004; Khesali et al., 2023]. Частным случаем исследовательской проблематики стало искажение идей социологов, институционалистов-классиков, других мыслителей. В теоретических и эмпирических исследованиях стало тиражироваться представление о том, что любые технологические изменения априорно прогрессивны, морально оправданы и полезны для общества, а традиционные уклады, нормы и ценности — архаичные, отсталые, отжившие, препятствуют «модернизации» и «прогрессу» [Верников, Курышева, 2024а].

В свою очередь, в рамках этой проблемной области выявилась другая: в работах российских обществоведов последних десятилетий сложилась определённая тенденциозность в отношении ценностных установок, характерных для традицион-

ной — особенно русской — экономической культуры [Верников, Курышева, 2024e]. Укоренилось представление о традиционных ценностях как о «непродуктивных» и исключительно «цереминальных». Продвигался тезис о том, что «социокультурные коды» и «социально-экономический генотип» российского общества якобы тормозит научно-технический прогресс и экономическое развитие. В научной среде сложился стереотип об оппортунизме финансового поведения русских людей, их исконной склонности жить не по средствам и несклонности отдавать долги. Как нетрудно догадаться, содействовать «прогрессу» были призваны ценности, называемые ценностями современной западной культуры, что, в основном, предполагало ориентацию на те качества человеческой природы, которые в нашей книге как раз ассоциируются с институциями, стимулирующие потребительство и жизнь в долг. Таким образом, проблематика уже выходит за рамки финансализации как таковой; своей работой мы попутно ставим вопрос о «смене знака» в распространённых оценках русской экономической культуры, зачастую предвзятых и идеологически окрашенных.

Идея посмотреть на экономическую культуру страны сквозь призму взглядов учёного, жившего в другой стране и в другую эпоху, может показаться слишком смелой. Мы считаем это, пусть и с оговорками, но допустимым: появляется шанс более разносторонне и взвешенно рассмотреть материал в свете определённой этической системы. Довольно широкое распространение получили исследования, основанные на идеях Макса Вебера, изложенных им в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Можно привести в пример применение подхода Вебера к анализу хозяйственной этики русского православия [Забаев, 2012]. Повсеместны работы, эмпирически тестирующие методики Р. Инглхарта, Г. Хофтеде и Ш. Шварца для межкультурного сравнения разных обществ [Верников, Курышева, 2024e]. Мы, в свою очередь, обнаружили, что для схожей задачи можно плодотворно применять эволюционную теорию Веблена [Верников, Курышева, 2024c].

Для анализа пословичного материала использованы смысловые категории, полученные в ходе предыдущего этапа работы. Их перечень содержится в *Приложении (табл. 6)*.

При анализе мы воспользовались абдуктивным методом, предусматривающим поочерёдное движение от частного к общему и наоборот. Единицей нашего анализа стало отдельное изречение — пословица или поговорка целиком, а не обособленные слова или словосочетания в их составе и не их буквальное значение. Это помогает учесть аллегоричность изречений и понять их скрытый смысл. Распределение поведенческих установок по категориям в ряде случаев предполагало смысловое соотнесение с теми или иными кодами, а не поиск дословного совпадения. Постоянная самопроверка в процессе отбора и анализа материала, переоценка смысла изречений, пересмотр категорий для их группировки позволили минимизировать смещение оценок. Каждое изречение оказалось включенным только в одну категорию без задвоения.

7.2.2. Результаты

В табл. 7.2 попавшие в нашу выборку русские народные изречения распределены по своей направленности.

Таблица 7.2

Распределение пословиц и поговорок по направленности изречения

Предрасположенность	Количество изречений	Доля изречений в выборке, %
Себялюбие	468	50,1
Мастерство	291	31,1
Родительство	135	14,4
Знание	41	4,4
Всего	935	100

Источник: составлено автором; Верников, Курышева, 2024с, с. 122.

Соотнесение вебленовских предрасположенностей с русскими изречениями представлено ниже. Каждая категория проиллюстрирована одним или двумя примерами пословиц.

Родительство (n = 135³⁴)

- Забота о благосостоянии сыновнего поколения:
*Долгъ первый наследникъ. Долгъ не ждетъ завѣщенія.
И сыну отдавай, и себѣ на смерть оставляй!*
- Предусмотрительность, умеренность, забота о завтрашнем дне:
*Бережь — половина спасенья. Бережь спорѣе барышей.
Запасливыи лучше богатаго. Запасливыи нужды не терпить (не знаетъ).*

Любознательность, стремление к овладению полезным знанием (n = 41)

- Ценность полезного знания, умения, навыка:
Мастерства (ремесла) за плечами не носять, а съ нимъ добро.
Не проситъ ремесло хлѣба, а само кормить.

Созидательность, производительный труд, развитие мастерства в профессии, ремесленничество (n = 291)

- Трудолюбие, честный труд, достижение мастерства:
*Гдѣ работно, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ дому пусто.
Не то дорого, что краснаго золота, а дорого, что
доброго мастерства.*
- Рассудительность, рачительность в ведении хозяйства:
*Всякій домъ хозяиномъ держится.
Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.
Не хозяинъ, кто своего хозяйства не знаетъ.*

Себялюбие (n = 468)

- Беспечность в тратах, недальновидность, жизнь не по средствам («опережающее потребление», если использовать более современную терминологию):
*Въ рукахъ было, да по пальцамъ сплыло.
Рубль наживаетъ, а два проживаетъ.*

³⁴ Здесь и далее в скобках — количество найденных изречений на данную тему.

Чъмъ живешь? Долгами (приб.: а что ъшь? Щи съ пирогами).

Шире себя (не смѣя себя) жить, не добра нажить.

- Стяжательство, скаредность; алчность, жажда наживы, корыстолюбие:

Въ гробъ смотрить, а деньги копить.

Копиль, копилъ, да черта и купилъ.

- Самодовольство, эгоцентричность:

Для чего намъ умъ, были бъ деньги да спесь.

- Хищнический мотив:

Чужой бѣдой сыть не будешь.

Чужая обида (бѣда, нагота) не расжива.

- Зависть и жадность:

Сосѣдъ спать не даетъ: хорошо живеть.

Чему позавидуешь, тому поработаешь.

- Показной мотив:

Дуракъ деньги напоказъ носить.

Чубарики чокъ-чокъ — а изба не крыта.

Результаты показали, что нормативные элементы традиционной русской хозяйственной культуры изучаемого периода соответствуют продуктивным практикам в вебленовском понимании (дальновидность, бережливость, рачительность, умеренность, трудолюбие, избегание показного расточительства и праздности, вообще чрезмерного потребления и необдуманных трат, причём независимо от достатка). Традиционная этика русского народа не приветствовала потребления сверх необходимого, фетишизацию вещей, привычку засматриваться на чужое. Поощрялась личная ответственность, умение жить по средствам, оставаться в границах, опираться на свои силы, то есть — самообеспечение и самоограничение. Примерно пятую часть изречений, вошедших в выборку, составили русские пословицы и поговорки, отражающие отношение к долгам, практикам заимствования и одолживания средств. Мы пришли к выводу, что для досоветского народного дискурса было характерно неприятие долга, осуждение долговой зависимости и вообще жизни не по средствам, которая становится причиной плачевного финансового положения. Существование такого

значительного количества пословиц и поговорок свидетельствует о том, что показные траты и житьё не по средствам были широко распространены, но по крайней мере отторгались на глубинном уровне народного сознания. Это резко контрастирует с сегодняшней культурой финансирования потребления за счёт долга.

Хоть преобладание поведенческих принципов, ассоциируемых с правилами целесообразного экономического поведения, поучительные призывы к сдержанности, бережливости, рачительности и благородству, практичному хозяйствованию преобладают, особый интерес представляют изречения, которые, на первый взгляд, поощряют противоположное поведение. В нашей выборке нашлось около 4 % изречений, создающих впечатление, что они оправдывают или изображают в выгодном свете образцы поведения, связанные с недобродетельными, недостойными качествами, и скрашивают их последствия. К таким пословицам относятся, например:

Будеть путь — да долго ждать; а къ осени беречь — волкъ бы не съелъ.

Всѣхъ дѣль не передѣлаешь. Нашей работы не переработаешь.

Дѣло не голуби, не разлетятся. Дѣло не медвѣдь, въ лѣсь не уйдетъ.

Дѣло не малина, въ лѣто не опадетъ.

Какъ ни мечи — а лучше на печи. Отъ бездѣлья и то рукоѣлье.

Кто долго спитъ, тому Богъ проститъ.

Межъ сохи да бороны не укроешься (т.е., одной пашней не проживешь).

Отъ крестьянской работы не будешь богатъ, а будешь горбать.

Подать оплачена, хлѣбъ есть, и лежи на печи.

Отдельные пословицы и поговорки по форме могут быть расценены как поощрение или оправдание лени, безделия, безответственности и беспечности в тратах, особенно в отрыве от контекста употребления:

Запасъ закромы ломить, а пусто — легче.

Живи, ни о чёмъ не тужи; все проживешь — авось еще наживешь.

Коли бъ не ъда, да не одежа — такъ мы бъ и опузырились лежа.

Много сыпать — задохнется въ закромахъ, а порожнія лучше продуваетъ.

Отмечаются и такие сюжеты, как бедность, неудачливость, непутевость, неряшливость:

Только то и есть въ сусѣкѣ, что мыши нагадили.

Хозяйка, изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой: пирожокъ испечетъ, и корова не ъсть; да поставитъ (растворитъ) три, посадить (въ печь) два, а вынетъ одинъ.

В пословицах довольно широко отражены специфически русские институции «авось», «небось» и т. п., которые принято отождествлять с фатализмом, пассивностью и личной безответственностью:

Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, небось, да какъ нибудь.

Авось да небось — хоть вовсе брось.

Авось и рыбака толкаетъ подъ бока.

На авось мужикъ и хлѣбъ сѣть.

По формальным признакам может показаться, что подобные изречения противоречат деятельной и ответственной жизненной позиции, предполагаемой продуктивными установками (по Т. Веблену). Но это поспешный вывод, поскольку смысл подобных изречений раскрывается не сразу, он не лежит на поверхности, а закодирован в подтексте. Хотя пословица признает существование и повсеместность некой практики, однако, в сущности, данная практика не одобряется. Отсюдаsarкастическая или ироничная форма: народ с горечью признавал распространенность институций «авось» и «небось», но при этом понимал, что они непродуктивны, и вовсе не гордился и не бравировал ими:

Авоська веревку вьетъ, Небоська петлю закидываетъ.

Авоська воръ, обманетъ. Авоська почасту обманываетъ.

На авось не надѣйся. Авосю вѣрь не вовсе.

Таким образом, противоречие вебленовской этике может в ряде случаев оказаться и мнимым.

Более подробно рассмотрим группы убеждений, формирующих поведенческие установки относительно потребления

не по карману, жизни не по средствам и в долг. Здесь мы выявили 17 поведенческих установок, которые распределили по трём темам: жизнь по средствам (29 %) и что ей мешает (27 %); заимствование средств (23 %); одолживание средств (21 %). В рамках каждой из этих тем выделены установки, которые образуют основной мотив изречений.

**Жизнь по средствам (n = 84);
что мешает жить по средствам (n = 79)**

1. Осмотрительность в тратах создаёт основу достатка и опору в трудные времена:

Не приходомъ люди богатъютъ, а расходомъ.

Не о томъ рѣчь, что много въ печь, а о томъ, куда изъ печи идетъ.

Семеро, да всѣ на сѣмена.

Нужда не мала нажить, а нужнѣе, чтобы наживши не погубить.

Чтобъ было дворно, да не проторно (или: не исторно).

Богъ дастъ денежку, а чортъ дырочку, и пойдетъ Божья денежка въ чертову дырочку.

У него расходъ — Кирилова монастыря; а приходъ — рѣпной пустыни.

То и прочно, что сбережено.

Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить.

Бережь лучше (или: дороже) прибытка.

Копейка къ копейкѣ — проживеть и семейка.

Домашняя копейка лучше отхожаго (или: исхожаго) рубля.

Береги (или: паси) денежку про черный день!

2. Скромность и умеренность в потреблении и тратах одобряется, а излишества, нетерпеливость, жадность подвергаются насмешке или от них напрямую предостерегают:

Не всяко зелье горстью: иное щепотью.

Добра соль, а переложишь, ротъ воротитъ.

Хлѣба съ душу, денегъ съ нужу, да платья съ ношу.

По одежкѣ протягай и ножки.

Еши пироги, а хлѣбъ впередъ береги (т. е. ѣши такъ, чтобъ на хлѣбъ стало!).

Чѣмъ живешь? Долгами. (А что ѣши? Щи съ пирогами).

Ложка-то узка, таскаетъ по три куска: надо ее развести, чтобъ таскала по шести.

Съѣсть не смогу, а покинуть жаль. Умру, такъ съ собой възыму.

Не столько сможется (надобится), сколько хочется.

Не по наживѣ ъда, видима бѣда.

Лучше хлѣбъ съ водою, чѣмъ пирогъ съ бѣдою.

3. Самоуважение и достоинство видится в опоре на своё, пусть неброское и недорогое, в том, чтобы жить по средствам, не заглядываться на то, что есть у соседа, не обесценивать своё:

На людей глядя жить (т. е. не по достатку), на себя плакаться.

Кто малымъ не доволенъ, тотъ большаго не достоенъ.

Держи обиходъ по промыслу и добытку.

Свое доброе теряетъ, а чужаго желаетъ.

Того не берутъ, чего въ руки не даютъ.

4. Высмеивается показуха и щегольство не по карману:

Дома — щи безъ крупъ; въ людяхъ — шапка въ рубль.

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ.

Сапожки подъ скрыпомъ, а каша безъ масла.

Пустъ карманъ, да синь кафтанъ (щеголь).

По модѣ, и мышь въ комодѣ.

Пологъ браный, да весь драный. Хоть тряпичка, да тафтичка.

5. Объектом иронии служит неуместная манерность или напускной аристократизм, попытки копировать образ жизни обеспеченных слоёв общества ради иллюзорного ощущения принадлежности к ним. При этом характерные поведенческие привычки, невоспитанность и манеры остаются прежними:

И наша дура коты обула. И мы въ Нѣмцахъ (т. е. по платью).

И толста, и пестра, а рыло свиное.

Сорока въ платью, ворона въ платью, будетъ платье и на нашей братьѣ.

Ухо пронято, да руки не мыты (у холопа).

6. Функциональное назначение вещей важнее производимого ими впечатления:

Не та шинель, что пуговицами блестит, а та, что греет.

*Неказиста кляча, да бежь хороша.
Посконная рубаха не нагота, хлеб с половиной не голодня.
Кто новины (новаго холста или хлѣба), не видаль, и вѣ-
тоши радъ.
Сторожковая да колотковая, а грѣеть не хуже собольей
(т. е. шуба собачья, кошачья).*

Заимствование средств, долги (п = 68)

7. Заимствование несовместимо с достоинством; оно не может быть предметом гордости:

*Въ займы не бравъ, хоть голъ — да правъ.
Заниматься (т. е. братъ въ займы) — что побираться.
Займы — та же кабала. Заниматься — самому продаться.
Берешь, такъ чванься; а взяль, такъ кланяйся!
Не мудрено данство, мудрено бранство (т. е. безсовѣст-
ность).*

8. Необходимость вернуть долг. Долг — это моральное обязательство, неотделимое от физического погашения суммы в срок. Расплата по долгам выступает императивом, требованием совести. Способ расплатиться с долгами — работа, вплоть до каторжного труда. Честному человеку необходимо успеть расплатиться с долгами при жизни, чтобы долги не перешли наследникам:

*Красны займы отдачею (а наймы уплатою).
Сколько ни занимать, а быть платить.
Умѣй взять, умѣй и отдать!
Не хитро взять, хитро отдать.
Спать долго — жить съ долгомъ.
Нечѣмъ платить долгу — ступай на Волгу (прежде о разбѣт, нынѣ о бурлачествѣ)!*

Долгъ первый наслѣдникъ. Долгъ не ждетъ завѣщанія.

9. Долг создаёт зависимость, в которую попадают должники и которая усиливается в случае невозможности расплатиться в срок. На заимствование толкает крайняя нужда. Подчёркивается, что отдавать долг — трудно, что долги могут обернуться ловушкой, кабалой, трясиной, затянуть в нищету, выбраться из которой нелегко:

Должища — что печища: сколько ни клади дровъ, все мало.

*Отца, мать кормить, да долги платить (трудно).
Даромъ братъ хорошо, а отдавать худо.
Тотъ въ нищіе пошелъ, на комъ долгъ тяжель.
Отъ долговъ и въ подполье уходять.
Отъ долговъ — хоть въ воду (хоть удавиться, хоть
петлю на шею).*

Не платить долговъ, такъ и дверь съ пяты полетить.

*Займы, что путина: знаешь, когда поѣхалъ, не знаешь,
когда прїехалъ.*

Нужда — мизгирь (паукъ), а заемщикъ, что муха.

10. Заимствование не совместимо с выгодой, не является источником заработка, роста, продуктивных вложений, а противоположно им. Заёмщик всегда переплачивает и потому остаётся в накладе:

Чужія денежки ночью хлѣбъ Ѳдятъ. Чужія денежки зубасты.

Займомъ богатъ не будешь. Долгъ не расжива.

Заемщикъ на конѣ Ѳздитъ, плательщикъ, на свинѣ.

Возмешь лычко, а отдашь ремешекъ.

Больше срока, больше и росту (т. е. при займе).

На рубль долгъ, три полтины росту.

Долги — что тля (моль) въ мѣху. Съѣдаютъ долги и богатого.

11. Наличие долга — моральный гнёт, несовместимый с радостью, весельем, спокойствием; физические, материальные лишения пережить можно, а долг может разрушить жизнь:

Вошь, что заемный грошъ, спать не даетъ.

Долгъ не реветь, а спать не даетъ.

Долгъ стоитъ у порога.

Радъ будешь, какъ долгъ избудешь.

Голодъ мутитъ, а долгъ крушить.

Одалживание (предоставление средств взаймы) (n = 60)

Сюда вошли отрицательные установки по отношению к практике одолживания (предоставления займа). Интересно, что неодобрение одолживания относится как к заёмщику, так и к заимодавцу: в структуре раздела «Займы» Сборника [Даль,

1862, с. 583–587] 41 % изречений содержат негативные коннотации, адресованные заёмщикам, а 37 % касаются предостережения кредиторам.

12. Давая в долг, надо быть готовым к тому, что его могут не вернуть:

Старый долгъ собрать, что кладъ найти.

На томъ свѣтѣ угольемъ отдаамъ (долгъ).

Дай въ займы, да назадъ не проси!

Въ займы безъ отдачи.

Дай денегъ въ займы, такъ и поклонись имъ!

Закладъ — носи до заплаты (т. е. не надѣйся на выкупъ).

Пиши долгъ на заборъ: заборъ упадетъ, и долгъ пропадетъ.

Взяль на часъ, да и въ добрый часъ.

Долги помнить не тотъ, кто беретъ, а кто даетъ.

13. Возвращать одолженное трудоёмко и накладно:

Бери долгъ — чѣмъ даютъ, а не чѣмъ хочется!

Займуетъ — ходитъ, а платить — такъ кругомъ обходится.

На заемъ память, на отдачу другая.

Пиши долгъ на двери, а получать будешь въ Твери.

Пиши на дверь, получай съ притолоки.

14. Долг портит отношения между людьми:

Дать другу въ долгъ, а у недруга самому взять.

Друга не теряй, денегъ не давай (т. е. ему)!

Въ долгъ давать — дружбу терять.

Коли надоѣль человѣкъ, такъ дай ему въ займы!

Нессуда — отсуда; а ссуда — вѣчнаяссора.

Если хочешь врага нажить, такъ дай въ долгъ денегъ!

Займуетъ, такъ сватушка сватъ; а занялъ, такъ и чортъ не братъ.

15. Заёмщик и заимодавец меняются местами: заимодавец оказывается в унизительном положении, вынужден напоминать о возврате долга и искать способ вернуть одолженное:

Поклоны за поклоны отдавай: кланялись тебѣ занимающи, накланяешься собираючи.

Береть — такъ кланяется, а возметъ, такъ чванится.

*Долги собирать — что по міру итти: бери, что даютъ,
да кланяйся!*

Долги и соломой (и мякиной) собираютъ.

Отдай руками, а не выходишь и ногами.

Должень, не спорю, отданъ не скоро; когда захочу, тогда и заплачу.

Взявиши, другихъ поучиши; отдавши, самъ въ науку пойдешь.

16. Давать в долг — неосторожно, неосмотрительно, неумно:

Плутъ, кто беретъ; а глупъ, кто даетъ.

Не тужи, кто беретъ; мужи, кто въ займы даетъ.

Въ займы брать — другихъ учить; въ займы давать — себя казнить.

17. Ростовщичество — не просто не богоугодное занятие, а смертный грех.

Ростовщики на томъ свѣтѣ каленые пятаки голыми руками считаютъ.

7.2.3. Обсуждение результатов

Изученный материал показывает, что для исконно русских пословиц и поговорок было характерно неприятие жизни в долг. Существование такого значительного количества пословиц и поговорок о заимствованиях и показных тратах подтверждает: эти социальные явления были широко распространены, хотя и встречали противодействие на уровне народного сознания («*Въ займы не бравъ, хоть голъ — да правъ*»).

Среди почти 30 тысяч пословиц и поговорок нам не попалось ни одного изречения, которое поддерживало бы культуру заимствований, одобряло бы институцию жизни взаймы, тем более для удовлетворения своих желаний сверх необходимого. Напротив, пословицы учат, что брать взаймы — это крайняя, вынужденная мера, которой лучше избегать; брать в долг на излишество предосудительно; долги затягивают и оборачиваются моральным гнётом и кабалой. Одним из элементов новизны стало для нас однозначное неодобрение принятия на себя долгов, а не только осуждаемое православием заимодавство на

несправедливых условиях и взимание процентов. Сюжеты, описывающие жизнь взаймы, не просто осуждают, а прямо предостерегают от заимствования. Это подтверждает мнение об исторически укоренённом осуждении долга в любом проявлении [Карачина, 2015]. Транслируется понимание долга как социального отношения, не одобряемого, даже предосудительного и характеризуемого двусторонней зависимостью. Подчеркнём, что речь идёт исключительно о займах на личное потребление, а вопросы займа на предпринимательские цели нами не затрагиваются.

Ярко выражено осуждение как нравственной (моральной, этической), так и «чисто экономической» стороны долговых отношений, причём одно неотделимо от другого, что сообразуется с антропологическими работами о долге [Peebles, 2010]. Порицаются долговая зависимость, бездумные траты, нажива за счёт бедняков или временно попавших в беду. Вместе с тем, есть и признание необходимости возвращать долг, причём любой ценой («*Нечёмъ платить долгу — ступай на Волгу*»), что противоречит расхожим стереотипам о традиционно низкой «финансовой культуре». Служат объектом социальной иронии и насмешки потребительство и показное расточительство, которые нередко становились причиной плачевного финансового положения. Предоставление в долг знакомым воспринимается, скорее, сочувственно, ростовщичество же порицается как греховное занятие.

Поскольку в православии долгое время были запрещены проценты, как таковые, и порицалось ростовщичество, а также непрощение долгов, то можно было ожидать, что и воплощённый в пословицах дискурс будет содержать те же посылы. По отношению к даче денег в долг под проценты или на кабальных для заёмщика условиях эта гипотеза нашла подтверждение. Вместе с тем, в проанализированном материале нам встретилось лишь одно изречение, напрямую отсылающее к религиозному сюжету («*Ростовщики на томъ свѣтѣ каленые пятаки голыми руками считаютъ*»). Все остальные пословицы апеллируют к привычному быту, морали, долгу и чести, к экономическому расчёту. Мотивы, связанные с набожностью самой по себе,

не затрагиваются. Отсутствует и мотив всепрощения или метафизического страха наказания. Описанные нами сюжеты «земные» и достаточно разумные. Кроме того, в пословицах осуждается не только заимодавство, но и принятие на себя долгов; на этот счёт в религиозном мировоззрении нет чёткой оценочной позиции.

Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении сюжетов, касающихся жизни не по средствам, потребительства и расточительства в восприятии разных сословий. Достоверно разграничить элементы содержащегося в пословицах и поговорках дискурса по сословной принадлежности (крестьяне, купечество, дворянство) не представляется возможным. Проигнорировал эту тему и сам В. И. Да́ль. Нельзя однозначно определить, что проанализированный материал описывает исключительно крестьянскую культуру. Найденные нами изречения вполне могли относиться и к торговцам, купцам, мещанам, служивому люду. Судя по художественной литературе, вводить в свою речь пословицы и поговорки было свойственно людям самых разных сословий. Мы не видим причин, почему ими не могли бы пользоваться, например, в купеческих семьях, особенно старообрядческих, известных своей особой консервативной этикой [Расков, 2012]. Что же касается представлений о допустимости жизни в долг у далёкой от народа части дворянской элиты, то вопрос требует отдельного исследования.

В проанализированном материале отдельно подчёркивается, что практика сбережения и накопления куда лучше в сравнении с зависимым положением, которое означает долговое обязательство. Ту же задачу предостережения от попадания в зависимое положение выполняют отрицательные установки по отношению к потребительству, бездумному транжирству, расточительству, показным тратам.

Мы не нашли в пословицах проявлений патернализма, упования на чью-то помочь извне для разрешения ситуаций с проблемным долгом, ссылок на известный в России институт круговой поруки. Напротив, пословицы призывают полагаться в этом деле на себя и только на себя, как бы тяжело ни было. Это ставит под сомнение привычный тезис о якобы врождённой зависимости русских от «патера» или патрона, о несамостоя-

тельности и безалаберности в принятии решений, стремлении перекладывать ответственность на коллектив или общину в случае финансовых трудностей.

Интересно, что касательно ряда практик пословицы и поговорки, представленные в Сборнике, передают противоречивое отношение, на что указывает и сам В. И. Да́ль [1862, с. XXXVII–XXXVIII]. На примере того же явления воровства, которое было очень распространено, ситуация двойственная: есть изречения, однозначно порицающие, а есть и оправдывающие или, во всяком случае, формирующие снисходительное отношение других к вору, вплоть до прощения, ведь простых людей на воровство толкала крайняя нужда [Коробков, 2019]. Относительно же практики заимствования и одолживания двойственности нет. Отсутствует указание на расчёт, что долг за тебя погасит кто-то другой, и что наличие долга не так уж и страшно — даже учитывая христианский принцип всепрощения.

Несмотря на то, что Т. Веблен не говорил о кредитовании домохозяйств как таковом, описанная им культура соревновательности в потреблении, описывающая поведение людей независимо от уровня достатка и принадлежности к тому или иному классу общества [Veblen, 1922, р. 85], отсылает напрямую к теме опережающего потребления. В данном контексте мы находим пересечение поведенческих принципов: поддерживается родительство в части стремления не перекладывать долги на будущее поколение и не потакать сиюминутным прихотям, избегать попадания в долговую зависимость, а также поощряется мастерство — в плане максимы оценки предметов потребления по их непосредственному назначению, рассудительности в ведении хозяйства; осуждается стремление жить на широкую ногу, которое в том числе может толкать к заимствованию. Кроме того, видно, что народный дискурс точно отражает те явления, которые позже легли в основу серьёзных социологических и экономических концепций: общественно конструируемой природы потребностей, то есть влияния социального окружения на приоритеты в потреблении, опережающего потребления, когда приобретение вещи пока не обеспечено трудовым усилием, показного потребления, расточительства,

денежного соперничества, долговой зависимости и сопутствующей ей финансовой хрупкости домохозяйства.

Из проанализированного материала логически вытекает такая концепция: основу прочного достатка с точки зрения традиционных ценностей образует подчёркнутая умеренность в потреблении и тратах, трезвый грамотный расчёт, контроль потребностей, умение полагаться на своё, а не на чужое. Даные качества одновременно упрочивают опору на себя и являются её следствием. Эта теоретическая концепция объясняет, почему в русских пословицах и поговорках заимствование не одобряется — потому, что оно расшатывает опору. Поскольку пошатнувшаяся устойчивость ослабляет возможность должника расплатиться, то риск невозврата ослабляет и положение заемодавца, не говоря уже о нравственной составляющей. Наши выводы вполне соотносятся с теми, что представлены в статье А. В. Горшкова [2011] применительно к русской народной экономической культуре предпринимательства. Как и в указанной статье, двумя основополагающими принципами для опоры на свои средства оказываются самоограничение и самообеспечение, в данном случае — касательно культуры расходования, потребления, финансовой устойчивости домохозяйства.

Существование такого значительного количества пословиц и поговорок говорит о том, что показные траты и житьё не по средствам были широко распространены уже в то время и встречались даже среди небогатых людей. Однако для народного дискурса было характерно осуждение жизни в долг, бездумных трат и потребления сверх необходимого, которые становятся причиной долговой зависимости и плачевного финансового положения. Основные мотивы здесь — безуспешность попыток копирования простыми людьми образа жизни обеспеченных слоёв; ирония над показухой и щегольством при недостатке собственных средств; достоинство в житьё согласно своему статусу; насмешка над излишествами в потреблении и тратах.

Ценостные установки, которые нам удалось идентифицировать, вполне здравые и продуктивные, свидетельствуют об ответственности в том, что касается защиты собственного положения человека и предотвращения финансовой зависимости.

Русскому народу хватало векового опыта неэкономического принуждения и прочих форм эксплуатации, чтобы радостно воспринять ещё и долговую зависимость от кредиторов.

Последние три десятилетия, однако, в нашем обществе преобладал дискурс заимодавцев (говоря современным языком, поставщиков финансовых услуг), транслируемый в том числе и принявшими их идеологию академическими специалистами. У них вызывала разочарование и раздражение «отсталость» населения, мешавшая опутать его (население) кредитными отношениями и потом жить за его счёт, присваивая процентный доход. Отсюда тезис о необходимости «модернизации» ценностей, которая выразилась, в частности, во внедрении представлений о «нормальности» и моральной нейтральности долговых отношений. За последние годы стало чуть понятнее, кто на самом деле выиграл от опривычивания долговых отношений и чьему именно «процветанию» могли препятствовать глубоко укоренённое нежелание попасть в долговую ловушку и попытка стоять на своих ногах, пусть даже ценой ограничения и так низкого текущего потребления, как учат пословицы.

Выделенные нами в народном дискурсе две ценностные сверхустановки, а именно — самоограничение и самообеспечение, то есть опора на собственные силы в денежном плане, с начала 1990-х годов были целенаправленно скомпрометированы и выдвинуты из дискурса — и народного, и экспертного, и официального — в интересах развития в России финансовой экономики. Впрочем, принципы самоограничения и самообеспечения не только не устарели, но и оказались удивительноозвучными по смыслу возникшим недавно идеям устойчивого развития. Мы не высказываем каких-либо нормативных суждений об актуальности и применимости тех или иных элементов русской традиционной этики для возможной корректировки инерционного сценария развития капитализма в России. Сегодня мало кто напрямую руководствуется в своём «рыночном поведении» старинными пословицами, а молодёжь, возможно, даже никогда и не слышала о них. Вместе с тем, любые рассуждения о традиционных ценностях русских людей, их социокультурных «кодах», а уж тем более о «модернизации» этих ценностей

или изменениях кодов требуют прежде всего адекватного непредвзятого понимания, в чём именно они (ценности и коды) заключались [см.: Верников, Курышева, 2024e].

Значимость нашего исследования состоит в реабилитации подходов, разработанных институциональной школой экономической мысли, для непредвзятого изучения институтов и институтов, особенно свойственных «незападным» культурам. В частности, переосмыслен принцип использования аналитического инструментария Веблена в прикладном институциональном исследовании. Описанная нами аналитическая техника вполне способна составить альтернативу распространившимся в последние десятилетия методикам межстрановых социокультурных сопоставлений. К сожалению, эти методики зачастую предвзяты, а полученные с их помощью результаты нередко идеологически окрашены, причём не в пользу нашей страны. Проведённое исследование является одним из примеров использования междисциплинарного гуманитарного знания, на стыке социологии потребления и долговых отношений, институциональной экономики, экономической культуры, социальной антропологии и социальной психологии, для формирования ценностной основы современного воспитания и образования. Немного подробнее об этом — в следующем параграфе.

7.3. Элементы новой исследовательской программы

Мы смотрим на финансализацию, в том числе, и как на вопрос общественного выбора: продолжать ли по инерции идти дальше по этому пути или начать подготовку коллективных действий по ограничению экспансии финансового сектора и его подчинению нуждам общества. Поскольку финансализация опирается на неоклассическую теорию и порождаемый ею дискурс, то критические исследования финансализации, составившие исследовательскую программу для ряда зарубежных научных центров, тоже нуждаются в своих теоретико-

методологических основаниях. Без этого разработать альтернативу мейнстриму будет сложно.

В этом параграфе мы попытаемся наметить контуры исследовательской программы по изучению финансализации и её последствий для России. На такую программу можно ориентироваться, если общественный выбор будет когда-нибудь сделан в пользу отказа от агрессивной финансализации и, прежде всего, практики жить в долг. Речь идёт об изменении культуры потребления и заимствования. Делать это надо крайне осмотрительно, ведь институционализированные практики, образующие в каждый период жизни общества его экономическое устройство, основываются на определённых верованиях-убеждениях (*beliefs*) и привычках (*habits*), а их изменение происходит небыстро, предполагает определённый процесс той или иной продолжительности. Значит, и социальные изменения не произойдут одномоментно.

По Дж. Гэлбрейту, есть четыре пути таких изменений. Каналами для переформатирования убеждений служат: (1) университетские программы (курсы) по экономике, (2) система образования в целом, (3) реклама и (4) государственная политика [Galbraith, 1974].

К слову, если говорить о первом и, особенно, о втором пунктах, то в литературе постепенно начинают встречаться больше исследований на тему пока ещё не наблюдаемой тенденции для торможения финансализации, то есть уменьшения абсолютного и относительного размеров финансового сектора и его значения для экономики и общества. Условным термином для обозначения этой тенденции служит термин «дефинансализация». В зарубежной литературе в этом плане пишут о перспективах переориентации банков на кредитование производственного сектора и восстановление общественного интереса в финансовой системе [Lawrence, 2014; Sawyer, 2016], разграничения инвестиционной и коммерческой деятельности банков [Arestis, 2016], налогового регулирования трейдинговых операций, развития кредитных союзов, общественных банков, деятельность которых подчинена интересам местных сообществ; обсуждается будущее банков развития для долгосрочного финансирования приоритетных отраслей и социально значимых

инвестиционных проектов [Sawyer, 2016] и т. д. В международном контексте поднимается вопрос о том, что делать развивающимся странам и переходным экономикам, таким как Аргентина, Бразилия, Индия, Нигерия, Россия, Южная Корея, Китай [см., например, Xie et al., 2022], чтобы противостоять глобальной финансализации и поддерживать продуктивное накопление капитала и развитие экономики.

Основываясь на результатах исследований, проведённых в этой работе, можно понять, что задача финансализации для России на макроэкономическом уровне решена и более не актуальна. Напротив, на первый план выходит уже задача дефинансализации. К сожалению, применительно к российской экономике так вопрос не ставят даже российские авторы, не говоря уже о зарубежных, по инерции продолжающих ритуальные сетования о недостаточном развитии финансовой сферы. Понятие «дефинансализация» оказалось непопулярным в русскоязычных статьях по экономике, индексируемых Научной электронной библиотекой eLIBRARY: на 25.06.2024 нам попалось лишь девять работ на русском и десять на английском языке, где присутствует понятие «дефинансализация» (по запросам «дефинанс*» и *definancial**, по всем наукам). В Академии Google на эту же дату по запросу «дефинансализация» обнаружилось тринадцать источников на русском языке, частично пересекающихся, и 271 (238) работы (без учёта цитирований) среди источников на иностранном языке по запросу *definancialization* (*definancialisation*).

Отечественными учёными в этом плане отмечается необходимость инициатив по изменению учебных программ по экономике, что означает трезвый взгляд на деструктивные и неэтичные проявления финансового капитализма [Бузгалин, Колганов, 2023]. Связь гипотетической дефинансализации с технологическим суверенитетом и реиндустриализацией видится в: иссечении избыточных функций (превышающих потребности реального, в том числе производственного) финансового сектора в экономике, ограничении спекулятивной деятельности банков [Залётный, 2014а]; преодолении идеологии подчинения отечественного народного хозяйства спекулятивному капиталу,

в том числе зарубежному [Залётный, 2014b]; развитии реального сектора экономики и упрощении модели предоставления финансовых услуг, её адаптации к потребностям нефинансового сектора [Кузнецов, 2012; Звонова, 2020].

Обоснование направлений дефинансиализации интегрирует как этическую направленность, так и эмпирическую оценку таких проявлений как хрупкость бюджетов домохозяйств, зависимость рынков от кредитных денег и неустойчивость национальной экономики в целом, а также изучение процессов навязывания «риторики финансализации» населению по определённым каналам (СМИ, образовательные программы), в том числе через национальную политику. Термины «махинация», «мошенничество», «недобросовестное поведение», «финансовая пирамида» применительно к характеристике ряда финансовых операций постепенно теряют оттенок антинаучных и даже фигурируют в официальных изданиях Банка России³⁵. Вместе с тем, в целом российский академический дискурс по инерции акцентирует пользу от финансового развития и призывает форсировать его, даже если макроэкономической необходимости в этом нет.

Сегодня очевидна необходимость формирования альтернативного дискурса для идеологического обеспечения суверенной экономики и её реиндустириализации. Опять-таки, остановить деградацию промышленности и падение её удельного веса в экономике становится процессом, скорее, противоположным тотальной финансализации общества. Отечественные учёные всё более явно формулируют запрос общества на «интеллектуальное импортозамещение», особенно в сфере общественных наук [Фомин, 2024, с. 48], на актуализацию образовательных программ по экономике [Мельников, 2025]. Применительно к предмету нашего исследования нас особенно интересует изменение культуры потребления, рост финансовой устойчивости домашних хозяйств, пропаганда продуктивных видов занятости и получения дохода, в первую очередь, среди подрастающего поколения.

Представляется перспективным обновление учебных программ по экономике и финансам с учётом критической повестки,

³⁵ Банк России (2023). Обзор рисков финансовых рынков. № 7. Июль.

позволяющей переосмыслить негативные проявления современного капитализма, власти финансов. В частности, мы увидели нужный посыл в трудах институционалистов-классиков (Торстейна Веблена, Джона Коммонса, Уэсли Митчелла, Джона Гэлбрейта) и других учёных, в том числе современных. В их произведениях содержится уместный для сегодняшнего дня критический анализ общественного устройства, подчинённого крупному банковскому капиталу и культивирующему денежную культуру.

Более того, и для зарубежного академического дискурса актуален поиск теоретических, методологических и этических оснований для преподавания общественных дисциплин с использованием наследия исходного институционализма, что предполагает противодействие упрочению хищнических привычек и фашистских ценностей, характеризующих капитализм XXI века, и смещение фокуса на общественную пользу [Almeida, 2023; Almeida, Almeida, 2025]. Так, идеи и аналитический инструментарий этой школы чрезвычайно актуальны, конструктивны и в плане этической направленности соответствуют повестке сегодняшнего дня в контексте изменений, необходимых не только для российской экономики, но и для экономики других стран.

Изучение явления финансализации, его последствий для экономики и общества как исследовательская программа может включать следующие элементы и направления:

1. Кто кому служит? Взаимосвязь между абсолютным и относительным размером финансового сектора и результативностью функционирования остальной экономики.

2. Как отучить людей наращивать своё потребление в долг? Взаимосвязь между финансализацией повседневной жизни и культурой потребительства, устойчивостью финансового положения домашнего хозяйства.

3. Переосмысление общественной значимости модели экономического роста ценой накопления долга.

4. Саботаж общественной эффективности финансистами как преимущественная тактика существования финансовой отрасли.

5. Способы недопущения агрессивных практик со стороны банков.

6. Реинжиниринг образовательных программ на предмет инверсии «продуктивных» и «непродуктивных» установок и ценностей: промышленная культура vs. денежно ориентированная культура. Алчность, жадность, стяжательство, склонность жить не по средствам — качества, достойные порицания, а не пропаганды. Стремление к профессиональному совершенствованию, технологическому мастерству как факторы социальной успешности. Преодоление тяги к спекулятивным способам заработка.

7. Развитие альтернативных кредитованию способов решения социальных проблем (жилищной и других) vs. государственная политика «накачки» экономики кредитными деньгами, прежде всего стимулирования потребления в долг.

8. Регулирование банковской деятельности с упором на этику и интересы местной экономики.

9. Устойчивость региональной экономики к внешним шокам за счёт снижения долговой зависимости.

Воздействие на ценностные установки предполагает, с одной стороны, указание на разрушительность потребительства, гедонизма, расточительства, алчности, зацикленности на деньгах, самооправдания заимствования, особенно на вещи не первой необходимости. С другой стороны, — это формирование полезных поведенческих установок, ориентирующих на самодостаточность, самоограничение, опору на свои средства. Это предполагает последовательное смещение фокуса:

1) пресечение пренебрежительного и презрительного отношения к труду в сфере производства, в том числе и прежде всего — на крупных промышленных предприятиях;

2) настойчивость в формировании представления о том, что успех выпускника вуза — это не про деньги, и, что не менее важно, что далеко не каждый студент должен стать предпринимателем и ориентировать приложение своих трудовых усилий на создание «инновации»;

3) продвижение поведенческих установок и моделей поведения, которые обычно связывают с традиционными/консервативными ценностями:

- критика потребительства, гедонизма, расточительства;
- самоограничение и опора на свои средства — достойные образцы для подражания, которые можно воспитать.

Заключение

Проведённое исследование представляет собой попытку осмысливать и проанализировать современные процессы, связанные с расширением финансового сектора, подчинением всё большего числа сфер общественной жизни логике финансового капитализма. Изучение явления финансализации и его последствий, значимое прежде всего для российского общества и экономики, опирается на частично пересекающиеся между собой теоретические подходы, преимущественно относящиеся к так называемым неортодоксальным, а не к экономическому «мейнстриму». Мы условно выделили шесть таких подходов: институциональный (эволюционно-антропологический), макроэкономический, структурный и пространственно-географический, культурно-социологический и этический. Есть основания полагать, что дефинансализация экономики России тесно связана с актуальной повесткой реиндустириализации и может быть рассмотрена как: (а) проблема экономической теории; (б) структурная проблема; (в) проблема экономической политики; (г) проблема университетского экономического образования.

Мы видим конструктивный потенциал в традиционном (классическом) институционализме, социологии потребления, антропологии и смежных концепциях и подходах для изучения финансализации повседневной жизни граждан, в частности, — жизни в долг. Эти подходы позволяют раскрыть сущность и предсказать динамику опережающего потребления (*la précession de la consommation*, по Жану Бодрийяру). Новизна нашей работы — в сочетании этих подходов, в операционализации таких теоретических конструктов, как показное потребление и псевдо-инвестирование с привлечением заимствований (или спекуляция в долг), и в применении их для анализа эмпирического материала.

Построены наборы метрик для количественной оценки опережающего потребления, показного и спекулятивного мотива при финансировании потребления за счёт долга на общероссийском уровне для основных видов потребительского кредита — покупки жилья, автомобиля, прочих товаров и услуг.

Выявлена зависимость соответствующих рынков от кредитных денег. Произведена оценка институции показного потребления на примере долгового финансирования покупки автомобилей на региональном уровне — на примере Ростовской области. В фокусе внимания также оказались тенденции последних лет, иллюстрирующие небывалый всплеск покупки машин в кредит на фоне пандемии 2020–2021 годов. Обосновано, что укоренение культуры опережающего потребления в современной России за последние двадцать с небольшим лет поддерживается институциями показного потребления и псевдо-инвестирования. Представление о степени этой укоренённости даёт анализ соответствующих нарративов, поддерживающих жизнь в долг: граждан, рационализирующих свою покупку в кредит, и агентов, занятых в этом процессе. Также мы описали, как потребительство и жизнь взаймы отражается в киноиндустрии, и отметили роль академического сообщества и политики государства в поддержке института кредитования граждан.

Актуальность темы выросла в связи с мировыми финансово-выми кризисами XXI века, а также особыми российскими обстоятельствами после 2014 года. Обеспокоенность дальнейшей финансализацией домашних хозяйств вызывает увеличивающийся в абсолютном и относительном выражении отток ресурсов из этого сектора в пользу финансовых организаций. Эмпирические результаты указывают на отсутствие необходимости в дальнейшей форсированной финансализации российской экономики или в «накачке» сектора домохозяйств кредитными деньгами. Полагаем, что повышение качества жизни населения, критически важные сегодня темы упрочения отечественного производственного (в первую очередь, промышленного) сектора, реиндустириализации и суверенизации экономики включают в себя финансовую устойчивость на уровне домохозяйства. Тогда встаёт вопрос: совместимо ли с этим инерционное движение по пути финансализации? Мы считаем, что нет и что общество обязано разработать и предпринять коллективные действия по ограничению финансовой экспансии. Это вряд ли осуществимо без корректировки легитимирующего данную социальную практику дискурса, в том

числе транслируемого через университетские программы по экономике и через научные статьи.

Вопрос о том, существует ли реальная жизнеспособная альтернатива дальнейшей финансализации, остаётся открытым. Что можно было бы ей противопоставить? Мы приводим со ссылкой на традиционный институционализм и с учётом традиционных российских ценностей некоторые элементы исследовательской программы, которая могла бы способствовать движению в этом направлении. Надеемся, что изложенные в этой книге идеи внесут скромный вклад в столь необходимое нам сегодня интеллектуальное импортозамещение в области общественных наук — например, в части актуализации образовательных программ по экономике.

Литература

1. Аганбегян А. Г. (2023). Возможный сценарий будущего: двухэтапное социально-экономическое развитие России до 2030–2035 гг. // Науч. труды Вольного экономического общества России. № 244 (6). С. 228–260.
2. Агеева С. Д., Мишурा А. В. (2017). Региональная банковская система в России: тенденции и факторы пространственного распределения // Вопросы экономики. № 1. С. 123–141. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-1-123-141
3. Бессонова О. Э. (1994). Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. № 3. С. 37–48. EDN: TXDJMN.
4. Бодрийяр Ж. (2007). К критике политической экономии знака. — М.: Академический проект.
5. Бодрийяр Ж. (2020). Система вещей. — М.: Рипол-Классик.
6. Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно // Вопросы экономики. № 11. С. 141–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-141-160.
7. Веблен Т. (2007). Теория делового предприятия. — М.: Дело.
8. Веблен Т. (2006). Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского государственного ун-та. № 4 (2). С. 99–111. DOI: 10.24412/2073-6606-2006-2-99-111.
9. Веблен Т. (2009). Экономическая теория в прогнозируемом будущем // Terra Economica. № 7 (1). С. 113–118.
10. Веблен Т. (2015). Христианская мораль и конкурентная система // Идеи и идеалы. № 7 (4.1). С. 167–178. EDN: VIBJTB.
11. Веблен Т. (2018). Инженеры и ценовая система. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
12. Верников А. В. (2018). Структурные или институциональные сдвиги? // Экономическая наука современной России. № 2. с. 115–131.
13. Верников А. В. (2019). Кому и зачем было нужно гарантирование банковских вкладов? // Экономическая социология. № 20 (2). С. 104–121. EDN: TTKIPG.
14. Верников А. В., Кашапова Э. Р., Курышева А. А., Рыжкова М. В. (2025). Дергая за нужные ниточки: как простых граждан вовлекают в финансовые спекуляции // Вопросы экономики. № 2. С. 66–90. EDN: WTGYHU.
15. Верников А. В., Курышева А. А. (2021). Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей // Экономическая социология. № 22 (5). С. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-5-11-39.

16. Верников А. В., Курышева А. А. (2022). Жизнь взаймы: институциональные аспекты и их измерение // Вопросы экономики. № 10. М. 138–156. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-10-138-156.
17. Верников А. В., Курышева А. А. (2023а). Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках // Экономическая социология. № 24 (3). С. 33–57. EDN: OGZSGU.
18. Верников А. В., Курышева А. А. (2023б). Институция: лишняя сущность или недостающее звено? // Журнал институциональных исследований. № 15 (4). С. 109–123. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.4.109-123.
19. Верников А. В., Курышева А. А. (2024а). От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена» // Russian Journal of Economics and Law. № 18 (1). Рр. 5–23. DOI: 10.21202/27-822923.2024.1.5-23.
20. Верников А. В., Курышева А. А. (2024б). Теоретические подходы к изучению финансализации экономики // AlterEconomics. № 21 (2). Рр. 179–203. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.2.
21. Верников А. В., Курышева А. А. (2024с). Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках // Мир России. № 33 (4). С. 110–135. EDN: RSXOIW.
22. Верников А. В., Курышева А. А. (2024д). Финансализация: подходы к её изучению и актуальность для российской экономики (Глава 4) // В кн.: Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России (с. 73–100): колл. моногр. / под общ. ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. — СПб.: Алетейя.
23. Верников А. В., Курышева А. А. (2024е). Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход) // Экономическое возрождение России. № 2. С. 122–140. EDN: TSFECN.
24. Верников А. В., Мамонов М. Е. (2016). Долгосрочное банковское кредитование: какие банки им занимаются и почему? // ЭКО. № 9. С. 135–150.
25. Веркёй Ж. (2017). Теория регулирования: от учебника к программе исследований (о книге Робера Буайе «Политэкономия капитализма. Теория регулирования и кризисов») // Вопросы политической экономии. № 2. С. 129–142. EDN: ZCMOLZ.
26. Горшков А. В. (2011). Русские пословицы и поговорки как выражение национальной экономической культуры // Вестник Челябинского гос. ун-та. № 36. С. 28–30. EDN: NDIPRIK.
27. Гребер Д. (2016). Долг: первые 5000 лет истории. — М.: Ад Маргинем Пресс.

28. Даль В. И. (1862). Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. — М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.
29. Данилов Ю. А. (2019). Современное состояние глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. № 3. С. 29–47.
30. Данилов Ю. А., Буклемишев О. В., Абрамов А. Е. (2017). О необходимости реформы финансовых рынков и небанковского финансового сектора // Вопросы экономики. № 9. С. 28–50. DOI: 10.326-09/0042-8736-2017-9-28-50.
31. Данилов Ю. А., Пивоваров Д. А. (2024). Финансовая структура: новый аспект анализа и новые результаты // Вопросы экономики. № 3. С. 5–26.
32. Ефимов В. М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. № 12 (3). С. 15–53.
33. Забаев И. В. (2012). Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: Социологический анализ. — М.: ПСТГУ.
34. Залётный А. А. (2014a). От «человека финансового» к «человеку творческому»: многообразие измерений и подходов // Философия хозяйства. № 3. С. 181–188. EDN: SHREVR.
35. Залётный А. А. (2014b). Финансовый сектор в эпоху новой индустриализации: от фиктивных доходов — к реальным // Экономист. № 6. С. 49–53.
36. Звонова Е. А. (2020). Финансиализация мировой экономики: новые тренды и проблемы регулирования // Российский экономический журнал. № 2. С. 69–80. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-2-69-80.
37. Зелизер В. (2004). Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
38. Земко М. А. (2010). Product placement: сближение коммерции и культуры в современном российском кино // Экономическая социология. № 11 (1). С. 84–110.
39. Ибрагимова Д. Х. (2012). Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономическая социология. № 13 (3). С. 22–56. EDN: OZFBFJ.
40. Иншаков О. В., Фролов Д. П. (2005). Институциональная природа русской народной сказки // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. № 7. С. 26–35. Волгоград.

41. Ишаков О. В., Фролов Д. П. (2010). Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. № 9. С. 63–77.
42. Канаев А. В. (2007). Происхождение кредита: от дарообмена к долговой кабале // Финансы и кредит. № 13 (16). С. 87–95.
43. Каракина О. Е. (2015). Долг в русских и английских паремиях // Национальная ассоциация учёных. № 6–3. С. 67–70.
44. Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. — СПб.: Нестор-История.
45. Кирдина С. Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // Журнал институциональных исследований. № 7 (2). С. 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037.
46. Кирдина-Чэндлер С. Г. (2023). Институционализация денежного обращения: гетеродоксальный анализ // Terra Economica. № 21 (3). С. 45–57. EDN: OPMUBL.
47. Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И. и др. (2022). Денежная эмиссия и экономический рост в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства (Глава 10) // В кн.: Синтез в экономической теории и экономической политике (с. 217–236): коллективная монография / под общ. ред. В. И. Маевского и С. Г. Кирдиной-Чэндлер. — М.: ИЭ РАН.
48. Козырева П. М. (2012). Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. № 7. С. 54–66. EDN: PBVOFX.
49. Коробков Ю. Д. (2019). Отношение уральских рабочих к воровству и обману в пореформенное время (на примере пословиц и поговорок) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» № 19 (2). С. 14–19.
50. Кузина О. Е., Крупенский Н. А. (2018). Перекредитованность россиян: миф или реальность? // Вопросы экономики. № 11. С. 85–104. EDN: YNAVET.
51. Кузнецов А. В. (2012). Финансовая глобализация и национальный суверенитет // США и Канада: экономика, политика, культура. № 2. С. 22–37.
52. Крышева А. А. (2022). Исследовательская традиция институциональной школы и прагматистский подход // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 89–101. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_20-22_1_89_101.
53. Крышева А. А. (2024). Дискурсивный анализ и другие методологические особенности институционального исследования // В кн.: Мальцев А. А., Славинская О. А. (ред.) Сегментация экономической

- науки и проблемы синтеза: материалы IV Октябрьской междунар. науч. конф. по проблемам теоретической экономики (с. 135–160). — СПб.: Алетейя. EDN: VYKAFX.
54. Лакомски-Лагерр О. (2020). Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Журнал институциональных исследований. № 12 (4). С. 54–76. EDN: ZSUPEA.
 55. Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economica. № 10 (1). С. 100–116. EDN: OWMTVL.
 56. Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики. Часть 1 // Terra Economica. № 11 (2). С. 82–93. EDN: QZLNDV.
 57. Майровски Ф. (2013b). Философские основания институционалистской экономики. Часть 2 // Terra Economica. № 11 (3). С. 72–88. EDN: RKUSRR.
 58. Мамедли М. О., Синяков А. А. (2018). Финансы домохозяйств в России: шоки дохода и сглаживание потребления // Вопросы экономики. № 5. С. 69–91.
 59. Мамонов М. Е., Ахметов Р. Р., Панкова В. А., Солнцев О. Г., Пестова А. А., Дешко А. В. (2018). Поиск оптимальной глубины и структуры финансового сектора с точки зрения экономического роста, макроэкономической и финансовой стабильности // Деньги и кредит. № 77 (3). С. 89–123. EDN: XZTZVR.
 60. Маркс К. (1952). Капитал. Критика политической экономии, т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала. Гос. изд-во полит. лит-ры.
 61. Медведева Е. И. (2019). Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе автомобилей // Женщина в российском обществе. № 1. С. 87–96. EDN: YZSNVZ.
 62. Мельников Р. М. (2024). Факторы роста уровня долговой нагрузки населения российских регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 20 (5). С. 842–872. DOI: 10.24891/ni.20.5.842.
 63. Мельников В. В. (2025). Знания об экономике и экономическое мировоззрение // Журнал институциональных исследований. № 17 (1). С. 6–17. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.1.006-017.
 64. Мешков А. И. (2007). К 150-летнему юбилею Т. Веблена: эволюция институциональных идей // Экономическая наука современной России. № 4. С. 102–113.
 65. Мишура А. В., Сипкина Е. А., Стадникова Я. А. (2025). Влияние потребительского кредитования на объем и волатильность потребления // Вопросы экономики. № 5. С. 111–129. DOI: 10.326-09/0042-8736-2025-5-111-129.

66. Ниворожкина Л. И. (2014). Воздействие потребительского кредитования на уровень неравенства и бедности домохозяйств // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. С. 76–83. EDN: SNUKWL.
67. Ниворожкина Л. И. (2015). Воздействие потребительского кредитования на условия формирования человеческого капитала у детей из малообеспеченных семей // Учет и статистика. № 1. С. 88–94.
68. Ниворожкина Л. И., Полякова И. А. (2019). Потребительское кредитование и качество жизни домохозяйств // В сб.: Семья в современном мире. XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаста: материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 28–31 марта 2019 г. (236–22). — СПб.: Реноме. EDN: UMJUVX.
69. Оганесян А. А., Шафиров Л. А. (2013). Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории // Terra Economica. № 11 (4.3). С. 27–42. DOI: 10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42.
70. Одинцова А. В. (2008). Французские регуляционисты о финансовой доминанте современной экономики // Вопросы экономики. № 12. С. 46–59.
71. Ореховский П. А., Разумов В. И. (2021). Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. № 13 (3–1). С. 84–102. DOI: h10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
72. Петренко Г. М., Петренко М. С. (2022). Финансовая грамотность и индивидуальные финансовые практики как фактор материального благополучия // Векторы благополучия: экономика и социум. № 4. С. 69–93. EDN: MJXMCV.
73. Покусаенко А. (2024). Так говорил Веблен // Антропологический форум. № 60. С. 269–279. DOI: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-269-279.
74. Радаев В. В. (2002). Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. № 11 (2). С. 39–69. EDN: GKZKXM.
75. Радаев В. В. (2004). «Доллар доллару рознь»: культурно-исторический подход к денежным отношениям // Экономическая социология. № 5 (1). С. 105–117.
76. Радаев В. В. (2005). Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. № 1. С. 5–18.
77. Радаев В. В. (2024). Нестандартные формы потребления: сравнительный анализ // Вопросы экономики. № 3. С. 43–72. EDN: ZEHGOV.

78. Райнерт Э. С. (2017). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
79. Расков Д. Е. (2012). Экономические институты старообрядчества. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
80. Резерфорд М. (2012a). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // *Terra Economica*. № 10 (2). С. 32–53. EDN: PUVOFT.
81. Резерфорд М. (2012b). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // *Terra Economica*. № 10 (4). С. 91–106. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-4-91-106.
82. Радина Н. К., Шайдакова Н. В., Мохнаткина И. Н. (2013). Демонстративное потребление современных подростков: социально-психологические особенности // Социальная психология и общество. № 4 (1). С. 52–66.
83. Родина Г. А. (2019). Современная финансализация как новое качество экономики // Социально-политические исследования. № 3. С. 45–58.
84. Розманинский И. В. (2025). Гипотеза финансовой нестабильности почти 50 лет спустя // *Terra Economica*. № 23 (1). С. 21–36. EDN: VCMKZC.
85. Ростовцева Л. И., Мирошина Е. Ю. (2012). Демонстративное потребление и гламур в современной экономике. Известия Тульского гос. ун-та // Экономические и юридические науки. № 1–1. С. 504–512.
86. Сазанова С. Л. (2024). Сравнительный анализ восточной, западноевропейской и российской моделей инвестиционной деятельности // Экономическая наука современной России. № 1. С. 22–34.
87. Семеко Г. В. (2021). Потребительское кредитование в современном обществе потребления: вопросы развития и последствия // Социальные новации и социальные науки. № 4. С. 103–122. DOI: 10.31249/snsn/2021.03.06.
88. Старостина С. А. (2016). Роль потребительского кредита в обеспечении экономического роста // Финансы и кредит. № 39. С. 17–27. EDN: WWYRIB.
89. Стиглиц Дж. (2011). Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. — М.: Эксмо, 512 с.
90. Стиглиц Дж. (2019). Люди, власть и прибыль. — М.: Альпина Паблишер, 430 с.
91. Столбов М. И., Голощапова И. О., Солнцев О. Г., Ахметов Р. Р., Панкова В. А., Цепилова Е. А. (2018). Определение модели российского финансового сектора на основе межстранового анализа // Вопр. экономики. № 5. С. 5–24. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-5-24.

92. Стребков Д. О. (2004). Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг // Социологические исследования. № 2. С. 51–59. EDN: OWRPSD.
93. Стребков Д. О. (2007а). Мотивация прихода российских частных инвесторов на фондовый рынок // Экономическая социология. № 8 (5). С. 17–39.
94. Стребков Д. О. (2007b). Модели кредитного поведения и факторы, определяющие их выбор // Социологические исследования. № 3. С. 52–62.
95. Стрижак А. Ю. (2024). Потребление доступной роскоши среди российских миллениалов // Журнал институциональных исследований. № 16 (2). С. 86–99. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.2.086-099.
96. Фомин Д. А. (2024). Миф о Левиафане: новое прочтение британского историка. Размышления о книге М. Харрисона «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме» // Terra Economica. № 22 (1). С. 35–49. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-1-35-49.
97. Хархордин О. (2016). Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 508 с.
98. Шабанова М. А. (2023). Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик // Экономическая социология. № 24 (1). С. 13–54. EDN: AVNCNG.
99. Шенз М. (2017). Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. — М.: Изд-во Высшей школы экономики.
100. Шишкина Т. М. (2020). Информационные функции демонстративного потребления // Журнал институциональных исследований. № 12 (2). С. 50–66.
101. Шумпетер Й. (1982). Теория экономического развития. — М.: Прогресс.
102. Яковлева Н. Г. (2019). Социальные последствия финансализации образования // Социологические исследования. № 12. С. 104–114. EDN: QESSJE.
103. Яковлева Н. Г. (2020). Роль образования в прогрессе человека и общества // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. № 5. С. 81–90.
104. Aalbers M. (2019). Financial geography II: Financial geographies of housing and real estate // Progress in Human Geography. № 43 (2). Pp. 376–387. DOI: 10.1177/0309132518819503.

105. Akerlof G., Kranton R. (2010). *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
106. Alami I., Alves C., Bonizzi B., Kaltenbrunner A., Koddenbrock K., Kvangraven I., Powell J. (2023). International financial subordination: A critical research agenda // *Review of International Political Economy*. № 30 (4), pp. 1360–1386. DOI: 10.1080/09692290.2022.2098359.
107. Almeida F. (2023). Social provisioning vs. Predatory habits: An ancient yet contemporary battle // *Journal of Economic Issues* 57 (2), pp. 407–413. DOI: 10.1080/00213624.2023.2200643.
108. Almeida F., Almeida B. de (2025). Looking for reasonableness within twenty-first-century neoliberalism: Toward avoiding the spread of fascist values // *Journal of Economic Issues* 59 (2), pp. 453–463. DOI: 10.1080/00213624.2025.2493536.
109. Alsemgeest L. (2015). Arguments for and against financial literacy education: Where to go from here? // *International Journal of Consumer Studies*. № 39 (2), pp. 155–161. DOI: 10.1111/ijcs.12163.
110. Althouse J., Svartzman R. (2022). Bringing subordinated financialisation down to earth: The political ecology of finance-dominated capitalism // *Cambridge Journal of Economics*. № 46 (4), pp. 679–702. DOI: 10.1093/cje/beac018.
111. Arcand J., Berkes E., Panizza U. (2015). Too Much Finance? // *Journal of Economic Growth*. № 20 (2), pp. 105–148. DOI: 10.1007/s10887-015-9115-2.
112. Arestis Ph. (2016). Financial liberalization, crises and policy implications // In: Ulgen F. (ed.) *Financial Development, Economic Crises and Emerging Market Economies* (pp. 13–30). Routledge.
113. Argitis G. (2016). Thorstein Veblen's financial macroeconomics // *Journal of Economic Issues* 50 (3), pp. 834–850.
114. Aristei D., Perugini, C. (2022). Credit and income mobility in Russia // *Journal of Economic Inequality*. № 20, pp. 639–669. DOI: 10.1007/s10888-022-09525-x.
115. Arrighi G. (2004). Spatial and other “fixes” of historical capitalism // *Journal of World-Systems Research*. № 10 (2), pp. 527–539. DOI: 10.5195/jwsr.2004.289.
116. Arthur C. (2012). *Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. Sense Publishers, 139 p.
117. Ashliman D. (2004). *Folk and Fairy Tales: A Handbook*. Westport, CT: Greenwood Publishing Group.
118. Assa J. (2017). *The Financialization of GDP: Implications for Economic Theory and Policy*. L.: Routledge. DOI: 10.4324/9781315658056.

119. Assa J. (2018). Finance, social value, and the rhetoric of GDP // *Finance and Society*. № 4 (2), pp. 144–158. DOI: 10.2218/finsoc.v4-i2.2869
120. Baudrillard J. (1996). *The System of Objects*. L., N.Y.: Verso.
121. Baudrillard J. (1998). *The Consumer Society: Myths and Structures*. SAGE Publ.
122. Bazillier R., Héricourt J., Ligoniére S. (2021). Structure of income inequality and household leverage: Cross-country causal evidence // *European Economic Review*. № 132, p. 103629.
123. Beck T., Büyükkarabacak B., Rioja F., Valev N. (2012). Who gets the credit? And does it matter? Household vs. Firm lending across countries // *The B. E. Journal of Macroeconomics: Contributions*. № 12 (1). DOI: 10.1515/1935-1690.2262.
124. Berger P., Luckman T. (1991). *The Social Construction of Reality*. L.: Penguin Books.
125. Bertay A., Demirguc-Kunt A., Huizinga H. (2015). Bank ownership and credit over the business cycle: Is lending by state banks less procyclical? // *Journal of Banking and Finance*. № 50, pp. 326–339. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2014.03.012.
126. Bezemer D. (2014). Schumpeter might be right again: The functional differentiation of credit // *Journal of Evolutionary Economics*. № 24 (5), pp. 935–950. DOI: 10.1007/s00191-014-0376-2.
127. Bordo M., Meissner C. (2012). Does inequality lead to a financial crisis? // *Journal of International Money and Finance*. № 31 (8), pp. 2147–2161.
128. Bourdieu P. (1989). Social space and symbolic power // *Sociological Theory*. № 7 (1), pp. 14–25. DOI: 10.2307/202060.
129. Brown M., Haughwout A., Lee D., van der Klaauw W. (2013). The financial crisis at the kitchen table: Trends in household debt and credit // *Current Issues in Economics and Finance*. № 19 (2), 040113, pp. 1–10
130. Charmaz K. (2006). *Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage.
131. Chesnais F. (1997). L'émergence d'un régime d'accumulation à dominante financière. *La Pensée*, janvier-mars.
132. Chletsos M., Sintos A. (2023). Financial development and income inequality: A meta-analysis // *Journal of Economic Surveys*. № 37 (4), pp. 1090–1119.
133. Christophers B. (2014). Geographies of finance I: Historical geographies of the crisis-ridden past // *Progress in Human Geography*. № 38 (2), pp. 285–293.

134. Coibion O., Gorodnichenko Y., Kudlyak M., Mondragon J. (2016). Does greater inequality lead to more household borrowing? New evidence from household data. Working Paper Series 2016-20. Federal Reserve Bank of San Francisco.
135. Commons J. (1894). Social Reform and the Church. Reprint. N. Y.: T. Y. Crowell.
136. Commons J. (1931). Institutional Economics // The American Economic Review. № 21 (4), pp. 648–657.
137. Commons J. (1934). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. N. Y.: The Macmillan Company.
138. Commons J. (1936). Institutional Economics // American Economic Review. № 26 (1), Supplement, Papers and Proceedings of the Forty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association. (Mar.), pp. 237–249.
139. Corbin J., Strauss A. (2008). Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks, CA: Sage.
140. D'Alessio G., Iezzi S. (2013). Household over-indebtedness: Definition and measurement with Italian data // Questioni di Economia e Finanza (Occasional papers). № 149, pp. 1–26.
141. Deidda L. (2006). Interaction between economic and financial development // Journal of Monetary Economics. № 53 (2), pp. 233–248.
142. De Vita G., Luo Y. (2021). Financialization, household debt and income inequality: Empirical evidence // International Journal of Finance & Economics. № 26, pp. 1917–1937.
143. Demirgüt-Kunt A., Levine R. (2009). Finance and inequality: Theory and evidence // Annual Review of Financial Economics. № 1 (1), pp. 287–318.
144. Di Crosta A., Ceccato I., Marchetti D., La Malva P., Maiella R. et al. (2021). Psychological factors and consumer behavior during the COVID-19 pandemic. PLOS ONE 16 (8), e0256095.
145. El Herradi M., Leroy A. (2020). Do rising top incomes fuel credit expansion? // Economics Letters. № 196, 109539.
146. El-Shagi M., Fidrmuc J., Yamarik S. (2020). Inequality and credit growth in Russian regions // Economic Modelling. № 91, pp. 550–558.
147. Epstein G. (2005). Introduction: Financialization and the world economy // In: Epstein, G. (ed.) Financialization and the World Economy (pp. 3–16). Edward Elgar Publishing.
148. Festré A., Nasica E. (2009). Schumpeter on money, banking, and finance: An institutionalist perspective // The European Journal

- of the History of Economic Thought. № 16 (2), pp. 325–356. DOI: 10.10-80/09672560902891101.
149. Fishbein M., Ajzen I. (2010). Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach. N. Y.: Taylor & Francis. DOI: 10.4324/97-80203838020.
150. Fligstein N. (2021). The Banks Did It: An Anatomy of the Financial Crisis. Cambridge, MA: Harvard University Press.
151. Foster J. (2010). The financialization of accumulation // Monthly Review. № 62 (5), pp. 1–17. DOI: 10.14452/MR-062-05-2010-09_1.
152. Frank R. (2007). Falling Behind: How Rising Inequality Harms the Middle Class. Berkeley, CA: UC Press.
153. Fraser N. (2022). Cannibal Capitalism: How our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet — And What We Can Do About It. London, N. Y.: Verso.
154. Galbraith J. K. (1974). Economics and the Public Purpose. London: André Deutsch.
155. Galbraith J. K. (1977). The Age of Uncertainty. Boston, MA: Houghton Mifflin.
156. Garber G., Mian A., Ponticelli J., Sufi A. (2024). Consumption smoothing or consumption binging? The effects of government-led consumer credit expansion in Brazil // Journal of Financial Economics. № 156, 103834.
157. Gemzik-Salwach A. (2020). Institutional analysis of banks and personal loan companies: Lesson from Poland // Journal of Economic. Issues 54 (1), pp. 142–163. DOI: 10.1080/00213624.2020.1720570.
158. Glaser B., Strauss A. (1967). The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction.
159. Gonzalez F. (2015). Where are the consumers? “Real households” and the financialization of consumption // Cultural Studies. № 29 (5–6), pp. 781–806. DOI: 10.1080/09502386.2015.1017144.
160. Green C., Kirkpatrick C., Murinde V. (eds.) (2005). Finance and Development: Surveys of Theory, Evidence and Policy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
161. Gruchy A. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. N. Y.: Prentice-Hall, Inc.
162. Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013). Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research. USA: SAGE Publications, Inc.
163. Hall S. (2010). Geographies of money and finance I: Cultural economy, politics and place // Progress in Human Geography. № 35 (2), pp. 234–245.

164. Hayek F. (1939). Profits, Interest and Investment and Other Essays on Theory of Industrial Fluctuations. London: George Routledge and Sons Limited.
165. Hein E. (2012). Finance-dominated capitalism, re-distribution, household debt and financial fragility in a Kaleckian distribution and growth model // PSL Quarterly Review. № 65 (260), pp. 11–51.
166. Heise A. (2023). A Keynesian-Minskian perspective on the transformation of industrial into financial capitalism // Journal of Evolutionary Economics. № 33, pp. 963–990. DOI: 10.1007/s00191-023-00840-8.
167. Hembruff J., Soederberg S. (2019). Debtfarism and the violence of financial inclusion: The case of the payday lending industry // Forum for Social Economics. № 48 (1), pp. 49–68. DOI: 10.1080/073609-32.2015.1056205.
168. Hennighausen C., Hudders L., Lange B., Fink H. (2016). What if the rival drives a Porsche?: Luxury car spending as a costly signal in male intrasexual competition // Evolutionary Psychology. № 14 (4), pp. 1–13.
169. Hirsch F. (2013). Social Limits to Growth. Cambridge, MA; London, UK: Harvard University Press.
170. Hodgson G. (2003). The hidden persuaders: Institutions and individuals in economic theory // Cambridge Journal of Economics. № 27 (2), pp. 159–175. DOI: 10.1093/cje/27.2.159.
171. Hodgson G. (2019). Prospects for institutional research // RAUSP Management Journal. № 54 (1), pp. 112–120.
172. Hudson M. (2015). Killing the Host: How Financial Parasites and Debt Destroy the Global Economy. Dresden, Germany: ISLET-Verlag.
173. Kapeller J., Schütz B. (2015). Conspicuous consumption, inequality and debt. The nature of consumption-driven profit-led regimes // Metroeconomica. № 66 (1), pp. 51–70. DOI: 10.1111/meca.12061.
174. Karlsson N., Gärling T., Dellgran P., Klingander B. (2005). Social comparison and consumer behavior: When feeling richer or poorer than others is more important than being so // Journal of Applied Social Psychology. № 35 (6), pp. 1206–1222.
175. Karwowski E., Shabani M., Stockhammer E. (2020). Dimensions and determinants of financialisation: Comparing OECD countries since 1997 // New Political Economy. № 25 (6), pp. 957–977. DOI: 10.1080/13563467.2019.1664446.
176. Kasper Sh. (2014). Payday lending: The case of Tennessee // Journal of Economic Issues 48 (4), pp. 905–925.
177. Keynes J. (1930). A Treatise on Money, vol. 1. The Pure Theory of Money. N. Y.: Harcourt, Brace.

178. Khesali M., Voigt S., von Jacobi N. (2023). Historic moral foundations cast a long shadow: Insights from a novel folktale dataset. WINIR Conference Paper, Catania, September 20–22. (Mimeo).
179. King R., Levine R. (1993). Finance and growth: Schumpeter might be right // *The Quarterly Journal of Economics*. № 108 (3), pp. 717–737. DOI: 10.2307/2118406.
180. Kohl S. (2021). Too much mortgage debt? The effect of housing financialization on housing supply and residential capital formation // *Socio-Economic Review*. № 19 (20), pp. 413–440.
181. Kolodko G. (2014). The new pragmatism, or Economics and policy for the future (An essay) // *Acta Oeconomica*. № 64 (2), pp. 139–160.
182. Krippner G. (2005). The financialization of the American economy // *Socio-Economic Review*. № 3 (2), pp. 173–208. DOI: 10.1093/SER/mwi-008.
183. Kurysheva A., Vernikov A. (2024). A feast in time of plague: Debt-financed spending spree during the pandemic // *Forum for Social Economics*. № 53 (4), pp. 400–418. DOI: 10.1080/07360932.2023.22-59619.
184. Latinovic M., Milosevic N. (2019). Income inequality and credit expansion in post-communist countries // *Post-Communist Economies*. № 31 (1), pp. 106–122.
185. Lawrence M. (2014). Definancialisation: A Democratic Reformation of Finance. London: Institute for Public Policy Research.
186. Lawson T. (2015). Process, order and stability in Veblen // *Cambridge Journal of Economics*. № 39 (4), pp. 993–1030.
187. Lea S., Webley P., Levine M. (1993). The economic psychology of consumer debt // *Journal of Economic Psychology*. № 14 (1), pp. 85–119. DOI: 10.1016/0167-4870(93)90041-I.
188. Lea S., Webley P., Walker C. (1995). Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use // *Journal of Economic Psychology*. № 16 (4), pp. 681–701. DOI: 10.10-16/0167-4870(95)00013-4.
189. Levine R. (2005). Finance and growth: Theory and evidence // In: Aghion P., Durlauf S. (eds.) *Handbook of Economic Growth*, vol. 1 (pp. 865–934). North-Holland.
190. Levine R., Zervos S. (1998). Stock markets, banks, and economic growth // *American Economic Review*. № 88 (3), pp. 537–558.
191. Lordon F. (1999). Le nouvel agenda de la politique économique en régime d'accumulation financiarisé. Dans Duménil G., Lévy D. *Le Triangle infernal: Crise, mondialisation, financiarisation*. Actuel Marx. Confrontation. Paris: PUF.

192. Loxton M., Truskett R., Scarf B., Sindone L., Baldry G., Zhao Y. (2020). Consumer behaviour during crises: Preliminary research on how coronavirus has manifested consumer panic buying, herd mentality, changing discretionary spending and the role of the media in influencing behaviour // *Journal of Risk and Financial Management*. № 13 (8), p. 166.
193. Mader Ph., Mertens D., Van der Zwan N. (eds.) (2020). *The Routledge International Handbook of Financialization*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315142876.
194. Mamonov M., Vernikov A. (2017). Bank ownership and cost efficiency: New empirical evidence from Russia // *Economic Systems*. № 41 (2), pp. 305–319. DOI: 10.1016/j.ecosys.2016.08.001.
195. Marszałek P., Szarzec K. (2023). The good, the bad or the ugly: Financialization through heterodox and mainstream lenses // *Bank i Kredyt*. № 54 (3), pp. 239–258.
196. Mayhew A. (2014). The backward art of thinking about consumer spending // *Journal of Economic Issues*. 48 (4), pp. 949–958.
197. Meyer M. (2018). The ethics of consumer credit: Balancing wrongful inclusion and wrongful exclusion // *Midwest Studies in Philosophy*. Special Issue: Moral Responsibility and the Financial Crisis. № 42 (1), pp. 294–313.
198. Minsky H., Whalen Ch. (1996). Economic insecurity and the institutional prerequisites for successful capitalism // *Journal of Post Keynesian Economics*. № 19 (2), pp. 155–170. DOI: 10.1080/01603-477.1996.11490102.
199. Minsky H. (1975). *John Maynard Keynes*. N. Y.: Columbia University Press.
200. Minsky H. (1986). *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven: Yale University Press.
201. Mitchell W. (1916). The role of money in economic theory // *American Economic Review*. № 6 (1), pp. 140–161.
202. Mitchell W. (1924). The prospects of economics // In: Tugwell R. (ed.) *The Trend of Economics*. N. Y.: A. A. Knopf.
203. Morin E. (1956). *Le Cinéma ou L'homme Imaginaire*. Paris: Editions de Minuit.
204. Nesvetailova A., Palan R. (2013). Sabotage in the financial system: Lessons from Veblen // *Business Horizons*. № 56 (6), pp. 723–732.
205. Nesvetailova A. (2015). A crisis of the overcrowded future: Shadow banking and the political economy of financial innovation // *New Political Economy*. № 20 (3), pp. 431–453. DOI: 10.1080/13563-467.2014.951428.

206. Nesvetailova A., Palan R. (2020). *Sabotage: The Hidden Nature of Finance*. N. Y.: PublicAffairs.
207. Palley T. (2013). *Financialization: The Economics of Finance Capital Domination*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
208. Peebles G. (2010). The anthropology of credit and debt // *Annual Review of Anthropology*. № 39, pp. 225–240. DOI: 10.1146/annurev-anthro-090109-133856.
209. Peirce Ch. (1893). Evolutionary love // *Monist*. № 3 (2), pp. 176–200.
210. Perugini C., Hölscher J., Collie S. (2015). Inequality, credit and financial crises // *Cambridge Journal of Economics*. № 40 (1), pp. 227–257.
211. Pratten S. (2020). Social positioning and Commons's monetary theorizing // *Cambridge Journal of Economics*. № 44, pp. 1137–1157. DOI: 10.1093/cje/beaa036.
212. Pressman S., Scott R. (2009). Consumer debt and measurement of poverty and inequality in the US // *Review of Social Economy*. № 67 (2), pp. 127–148. DOI: 10.1080/00346760802578890.
213. Rajan R. (2010). *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press.
214. Salles A., Camatta R. (2020). A interpretação marginalista do consumo conspícuo: inconsistências e limitações da síntese neoclássica da Teoria da Classe Ociosa // *Economia e Sociedade*, Campinas. № 29 (1), pp. 237–271.
215. Sawyer M. (2013). What is financialization? // *International Journal of Political Economy*. № 42 (4), pp. 5–18. DOI: 10.2753/IJP0891-19164-20401.
216. Sawyer M. (2016). Towards de-financialization // In: Ulgen F. (ed.) *Financial Development, Economic Crises and Emerging Market Economies* (pp. 107–112). Routledge. DOI: 10.4324/9781315648644.
217. Schmid A. (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Oxford: Blackwell Publishing.
218. Schmitt B., Brakus J., Biraglia A. (2021). Consumption ideology // *Journal of Consumer Research*. № 49 (1), pp. 74–95.
219. Schumpeter J. (1911). *The Theory of Economic Development*. Cambridge: Harvard University Press.
220. Schumpeter J. (2014). *A Treatise on Money*. Aalten: Wordbridge Publishing.
221. Scott R., Pressman S. (2013). Household debt and income distribution // *Journal of Economic Issues* 47 (2), pp. 323–332. DOI: 10.2753/JEI0021-3624470204.
222. Schmoller G. (1920). *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erster Teil*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.

223. Simmel G. (2011). *The Philosophy of Money*. N. Y.: Routledge.
224. Skaggs N. (1997). Henry Dunning Macleod and the credit theory of money // In: Cohen A., Hagemann H., Smithin J. (eds.) *Money, Financial Institutions, and Macroeconomics. Recent Economic Thought Series*, vol. 53 (pp. 109–123). Springer.
225. Skidelsky R. (2020). *What's Wrong with Economics? A Primer for the Perplexed*. New Haven, L.: Yale University Press.
226. Soederberg S. (2014). *Debtfare States and the Poverty Industry: Money, Discipline and the Surplus Population*. London: Routledge.
227. Soederberg S. (2018). Debtfarism, predatory lending and imaginary social orders. The case of the U. S. payday lending industry // In: Bittele S., Snider L., Tombs S., Whyte D. (eds.) *Revisiting Crimes of the Powerful*. London: Routledge.
228. Squires G. (2004). *Why the Poor Pay More: How to Stop Predatory Lending*. Westport, CT: Greenwood.
229. Stabile D. (1997). The intellectual antecedents of Thorstein Veblen: A case for John Bates Clark // *Journal of Economic Issues* 31 (3), pp. 817–825.
230. Starr M. 2010. Debt-financed consumption sprees: Regulation, freedom and habits of thought // *Journal of Economic Issues* 44 (2), pp. 459–469.
231. Stiglitz J. (2008). Toward a general theory of consumerism: Reflections on Keynes's economic possibilities for our grandchildren // In: Pecchi L., Piga G. (eds.) *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren* (pp. 41–85). Cambridge, MA: MIT Press Scholarship.
232. Stiglitz J. (2010). *Freefall*. N. Y.: Norton.
233. Stockhammer E. (2005). Shareholder value orientation and the investment-profit puzzle // *Journal of Post Keynesian Economics*. № 28 (2), pp. 193–215. DOI: 10.2753/PKE0160-3477280203.
234. Sundie J. et al. (2011). Peacocks, Porsches, and Thorstein Veblen: Conspicuous consumption as a sexual signaling system // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 100 (4), pp. 664–680.
235. Tobin J. (1984). On the efficiency of the financial system // *Lloyds Bank Review*. № 153, pp. 1–15.
236. Tori D., Onaran Ö. (2018). The effects of financialization on investment: Evidence from firm-level data for the UK // *Cambridge Journal of Economics*. № 42 (5), pp. 1393–1416. DOI: 10.1093/cje/bex085.
237. Vázquez-Martínez U., Morales-Mediano J., Leal-Rodríguez A. (2021). The impact of the COVID-19 crisis on consumer purchasing motivation and behaviour // *European Research on Management and Business Economics*. № 27 (3), 100166.

238. Veblen T. (1894). The economic theory of woman's dress // *The Popular Science monthly*. № 46, pp. 198–205.
239. Veblen T. (1898). Why is economics not an evolutionary science? // *The Quarterly Journal of Economics*. № 12 (4), pp. 373–397. DOI: 10.2307/1882952.
240. Veblen T. (1901). Industrial and Pecuniary Employments // *Publications of the American Economic Association*. № 2 (1), pp. 190–235.
241. Veblen T. (1904). *The Theory of Business Enterprise*. N. Y.: Charles Scribner's Sons.
242. Veblen T. (1905). Credit and prices // *Journal of Political Economy*. № 13 (3), pp. 460–472.
243. Veblen T. (1918a). *The Instinct of Workmanship*. N. Y.: B. W. Huebsch.
244. Veblen T. (1918b). *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*. N. Y.: B. W. Huebsch.
245. Veblen T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N. Y.: B. W. Huebsch.
246. Veblen T. (1923). *The Writings of Thorstein B. Veblen. Absentee Ownership and Business Enterprise in Recent Times. The Case of America*. N. Y.: B. W. Huebsch.
247. Veblen T. (1961a). Professor Clark's Economics. In: *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen* (pp. 180–230). N. Y.: Russel & Russel.
248. Veblen T. (1961b). *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N. Y.: Russel & Russel.
249. Vernikov A. (2017). Measuring institutional change: The case of the Russian banking industry // *Journal of Institutional Studies*. № 9 (2), pp. 119–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.119-136.
250. Vernikov A. (2024). Banks and society: Who serves whom? // *Journal of Social Sciences*. № 16 (2), pp. 29–54. DOI: 10.46793/Glasnik-DN16.2.029V.
251. Waller W. (2014). The mythology of debts and deficits // *Journal of Economic Issues* 48 (2), pp. 461–468. DOI: 10.2753/JEI0021-362-4480220.
252. Waller W. (2022). Institutions, technology, and instrumental value. A reassessment of the Veblenian dichotomy // In: Whalen Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (ch. 1, pp. 19–48). Routledge.
253. Watkins J. (2015). Economic waste and social provisioning: Veblen and Keynes on the wealth effect // *Journal of Economic Issues* 49 (2), pp. 441–448. DOI: 10.1080/00213624.2015.1042772.

254. Watkins J. (2019). Veblen's system of conspicuous waste // *Journal of Economic Issues* 53 (4), pp. 914–927. DOI: 10.1080/00213624.2019.1657745.
255. Whalen Ch. (2020). Understanding financialization // In: Beker V. (ed.) *Alternative Approaches to Economic Theory* (pp. 185–206). London: Routledge. DOI: 10.4324/9780429021510-9.
256. Whalen Ch. (2022a). Introduction: The institutionalist tradition in economics. Building on bedrock // In: Whalen, Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 1–16). Routledge.
257. Whalen Ch. (2022b). Storytelling and institutional change. The power and pitfalls of economic narratives // In: Whalen, Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (ch. 10). Routledge. DOI: 10.4324/9781003160434-10.
258. Wójcik D. (2011). Finance at the Crossroads: Geographies of the Financial Crisis and its Implications // *Environment and Planning A* 43 (8), pp. 1756–1760.
259. Wrenn M. (2022). Myth busting. Institutional economics and mythopoetics // In: Whalen Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 225–246). Routledge.
260. Xie F., Kuang X., Li Z. (2022). Financialisation of developing and emerging economies and China's experience: How China resists financialization // *Cambridge Journal of Economics*. № 46 (5), pp. 1183–1204.
261. Zwanka R., Buff C. (2021). COVID-19 generation: A conceptual framework of the consumer behavioral shifts to be caused by the Covid-19 pandemic // *Journal of International Consumer Marketing*. № 33 (1), pp. 58–67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Исследовательские подходы, позволяющие критически осмысливать явление финансализации и его последствия

Исследовательский подход	Содержание
Институциональный (эволюционно-антропологический)	<ul style="list-style-type: none">– Промышленное развитие vs. расширение финансового сектора [Veblen, 1923]<ul style="list-style-type: none">• создание денег, финансовые показатели становятся престижнее и весомее создания полезных благ [Веблен, 2015; Commons, 1934]• саботаж общественной эффективности со стороны бизнеса [Веблен, 2018]• денежная ссуда — проявление фиктивной собственности [Veblen, 1923]• корпоративный кредит ведёт к инфляции цен [Veblen, 1904; 1923]– Деньги — институт фиксации долгов, источник власти в эпоху банковского капитализма [Commons, 1934]– Необходимость институционального регулирования хищнических проявлений власти корпораций и нивелирования социального неравенства [Commons, 1934; Galbraith, 1974]– Современные исследования: саботаж общественной эффективности финансистами как преемущественная тактика существования финансовой отрасли [Nesvetaïlova, Palan, 2013; 2020]
Макроэкономический (агрегированный, без дифференциации по видам кредитов)	<ul style="list-style-type: none">– Финансализация ВВП — часть риторики оправдания «продуктивности» финансектора [Assa, 2017]– Посткейнсианство: внутренняя нестабильность капитализма<ul style="list-style-type: none">• задолженность / текущий доход — мера финансовой хрупкости в межстрановых исследованиях [Minsky, 1975; Karwowski et al., 2020]• инвестиции в производство и выпуск падают вследствие:<ul style="list-style-type: none">○ интенсификации финансовых операций [Tori, Onaran 2018]○ ориентации управленцев на капитализацию фирмы [Stockhammer, 2005]– После прохождения порога банковские активы / ВВП = 100 % финансовая глубина вредит экономическому росту [Arcand et al., 2015]

Исследовательский подход	Содержание
Макроэкономический: кредитование домохозяйств.	<ul style="list-style-type: none"> <li data-bbox="398 215 946 292">– Потребительский кредит не порождает источника своего покрытия и не имеет отношения к развитию экономики [Schumpeter, 1911; Bezemer, 2014]
Потребление, финансируемое за счёт долга	<ul style="list-style-type: none"> <li data-bbox="398 300 946 382">– Кредитование домохозяйств не воздействует положительно на рост экономики и не способствует сокращению неравенства по доходам [Beck et al., 2012] <ul style="list-style-type: none"> <li data-bbox="463 414 946 462">• порочный круг рефинансирования одних долгов другими [Hembruff, Soederberg, 2019] <li data-bbox="398 470 946 1033">– Потребление, финансируемое за счёт роста долга, разъедает устойчивость общества перед внешними шоками [Rajan, 2010; Hein, 2012] <ul style="list-style-type: none"> <li data-bbox="463 557 946 636">• отток ресурсов из сектора домохозяйств в финансовый сектор [Верников, Курышева, 2022] <li data-bbox="463 644 946 692">• в погашение долгов идут средства на обучение детей [Новорожкина, 2015] <li data-bbox="463 700 946 779">• усугубление бедности и неравенства вследствие долговой нагрузки [Pressman, Scott, 2009; Новорожкина, 2014] <li data-bbox="463 787 946 898">• новые заимствования как следствие растущего неравенства, в том числе стимулируемого популистской политикой [Rajan, 2010; El-Shagi et al., 2020] <li data-bbox="463 906 946 986">• наращивание потребления в долг в кризисные периоды, во времена социальных потрясений имеет негативные последствия в долгосрочном периоде [Kurysheva, Vernikov, 2024]
Структурный	<ul style="list-style-type: none"> <li data-bbox="398 1041 946 1121">– Финансовые учреждения перераспределяют в свою пользу ресурсы, оттягивая их у производственных отраслей [Deidda, 2006] <li data-bbox="398 1129 946 1208">– Растущая доля выпускников вузов поглощается финансовой системой [Tobin, 1984; Агеева, Мишура, 2017] <li data-bbox="398 1216 946 1295">– Структура финансового посредничества в России: преобладание банков с государственным участием [Верников, Мамонов, 2016] <li data-bbox="398 1303 946 1351">– Развитие финансовой системы и падение производства [Верников, 2018] <li data-bbox="398 1359 946 1403">– Контрциклическая роль государственных банков в период кризиса ликвидности [Bertay et al., 2015]

Исследовательский подход	Содержание
	<ul style="list-style-type: none"> - Опережающее накопление финансового капитала в сравнении с физическим: на первое место выходит не производство добавленной стоимости, а доход, порождаемый инфляцией цен на активы [Heise, 2023]
Пространственный (финансовая география)	<ul style="list-style-type: none"> - Пространственная структура финансового сектора, региональное развитие, финансализация отдельных сфер, положение финансовых центров и крупных городов, география финансовых кризисов, исторические, этические, культурные, политические аспекты финансовой деятельности [Hall, 2010; Wójcik, 2011; Christophers, 2014; Aalbers, 2019] - Исчезновение с 1991 по 2016 гг. в столицах субъектов страны категории региональных банков, подконтрольных местной власти [Агеева, Мишуря, 2017] - Сеть филиалов московских банков обширнее в тех городах, где значительна доля услуг, торговли, транспорта, связи, строительства, но не обрабатывающей промышленности [Агеева, Мишуря, 2017]
Социологический, включая культурные и психологические факторы	<ul style="list-style-type: none"> - Социально конструируемые нормы потребления и мотивы распоряжения деньгами <ul style="list-style-type: none"> • постоянное социальное сравнение — корень проблемы неравенства [Veblen, 1922; Commons, 1894] • установки, оправдывающие заимствование на цели потребления, формируются групповыми интересами [Зелизер, 2004] - Культура опережающего потребления [Baudrillard, 1996], культура закредитованности, социальная приемлемость долга [Lea et al., 1995] <ul style="list-style-type: none"> • поддерживается показным и псевдоинвестиционным мотивами [Верников, Курышева, 2021; 2022] - Неоднократное втягивание граждан в спекуляцию, финансовую пирамиду, псевдоинвестирование <ul style="list-style-type: none"> • теории массового поведения, психология толпы vs. рационализм индивидуального расчёта [Радаев, 2002] • стимулирование «непродуктивных» поведенческих установок, алчности [Верников и др., 2025]

Исследовательский подход	Содержание
Морально-этический	<ul style="list-style-type: none">– Рост выгод финансистов оборачивается издержками для остального общества<ul style="list-style-type: none">• коннотации: «мошенничество» и «жульничество» [Fligstein, 2021], «паразитизм» и «закабаление» [Hudson, 2015], «манипулирование» и «диктатура» [Шенэ, 2017], «эксплуатация» и «ростовщичество» [Стиглиц, 2019], «людоедский капитализм» [Soederberg, 2018; Fraser, 2022]• насколько оправдана накачка потребительского кредитования во время кризиса? [Rajan, 2010; Kurysheva, Vernikov, 2024]– Убеждённость в том, что разбазаривать наследие отцов, тем самым умышленно осложняя жизнь сыновнему поколению безответственно [Veblen, 1918a] vs. массовая культура опережающего потребления, воплощённая в невыплаченном долге [Baudrillard, 1996]– Участие (вольное или невольное) академического сообщества в апологетике, защите финансовой экспансии [Стиглиц, 2011]

Источник: составлено автором на основе обзора литературы.

Таблица 2

**Описательная статистика количественных данных,
использованных при анализе тенденций,
характеризующих опережающее потребление в России**

Показатель	Ед. из-мер.	Период	Частота	Кол-во наблюдений	Мин.	Макс.	Медиана	Ст. откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Задолженность населения по банковским кредитам	млрд руб.	2004–2020	год	17	616,1	19 923,1	7711,6	5874,3
Кредиты, полученные населением	млрд руб.	2004–2020	год	17	618,9	15 569,8	5861,3	4414,8
Расходы домохозяйств на обслуживание кредитов ¹	млрд руб.	2004–2020	год	17	557,4	17 127,7	6835,9	5301,7
Нежилищные кредиты, полученные населением	млрд руб.	2006–2020	год	15	2019,6	11 215,4	5727,2	3003,2
Жилищные кредиты, полученные населением	млрд руб.	2004–2020	год	17	38,7	4301,2	1054,1	1195,0
Количество выданных жилищных кредитов	тыс.ед.	2008–2020	год	13	176,1	1715,3	863,8	438,4
Располагаемые доходы	млрд руб.	2004–2020	год	17	9575,5	59 052,6	36 793,0	17 179,2
Оборот розничной торговли	млрд руб.	2006–2020	год	15	8711,9	33 624,3	23 685,9	8301,3
Расходы на покупку недвижимости	млрд руб.	2004–2020	год	17	255,2	1691,8	1104,5	407,5
Количество заемщиков, имеющих хотя бы один кредит	млн чел.	2014–2020	год	7	32,9	39,5	35,6	2,5

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность населения	млн чел.	2014–2020	год	7	143,7	146,9	146,7	1,6
Средний размер домохозяйства	чел.	2014–2020	год	7	2,6	2,6	2,6	0,0
Ежемесячный доход на душу населения (среднегодовое значение)	тыс. руб.	2008–2020	год	13	14 863,6	36 240,0	27 412,0	7157,0
Цена 1 кв.м, первичный рынок жилья	руб.	2008–2020	год	13	43 686,1	79 003,4	51 714,2	9288,1
Цена 1 кв.м, вторичный рынок жилья	руб.	2008–2020	год	13	48 243,0	66 711,6	56 369,5	4374,6
Процентная ставка по жилищным кредитам	%	2008–2020	год	13	6,0 %	14,6 %	12,3 %	2,4 %
Срок жилищного кредита	годы	2008–2020	год	13	172,9	220,3	186,4	15,6
Ежемесячные платежи по кредиту на автомобиль / Ежемесячный доход ²	%	2013–2019	год	7	16,5 %	25,1 %	19,5 %	2,9 %
Медианная долговая нагрузка для домохозяйств с ежемесячным доходом ² :								
менее 20 тыс. руб.	%	2004–2019	год	16	15,1 %	24,1 %	19,5 %	3,0 %
20–49 тыс. руб.	%	2004–2019	год	16	10,6 %	17,1 %	15,5 %	1,9 %
50–69 тыс. руб.	%	2004–2019	год	16	3,7 %	17,4 %	14,4 %	3,2 %

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
70–99 тыс. руб.	%	2004– 2019	год	16	4,7 %	23,3 %	13,7 %	3,7 %
свыше 100 тыс. руб.	%	2004– 2019	год	16	1,3 %	15,8 %	12,3 %	4,7 %

Примечание:

¹ Предварительный расчёт автора по данным форм 101 и 102 Банка России.

² Предварительный расчёт автора по данным RLMS.

Источник: составлено автором.

Таблица 3

**Описательная статистика количественных данных,
использованных при анализе тенденций,
характеризующих покупку автомобиля в долг в Ростовской области**

Показатель	Ед. измер.	Период	Частота	Кол-во наблюдений	Мин.	Макс.	Медиана	Ст. откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность населения	тыс. чел.	2002–2020	год	19	4182	4366	4246	45
Сумма полученных населением автокредитов (за год)	млрд руб.	2002–2020	год	19	0,41	19,71	8,29	6,28
Количество полученных населением автокредитов (за год)	ед.	2002–2020	год	19	1820	33 056	19 500	8535
Задолженность населения по автокредитам ¹	млрд руб.	2004–2020	год	17	0,96	23,98	16,18	7,22
Расходы населения на покупку легковых автомобилей	млрд руб.	2005–2020	год	16	9,87	41,17	30,19	9,63
Цена нового автомобиля, приобретённого за счёт кредита ²	тыс. руб.	2002–2020	год	19	250	1676	680	468
Сумма полученных населением автокредитов (поквартально)	млрд руб.	2013 (1-й кв.) — 2020 (4-й кв.)	квартал	32	1,27	6,06	2,70	1,47
Количество полученных населением автокредитов (поквартально)	ед.	2013 (1-й кв.) — 2020 (4-й кв.)	квартал	32	1629	8003	5384	1574
ПСК ³ , новые автомобили	доля	2013 (1-й кв.) — 2020 (4-й кв.)	квартал	32	0,12	0,3	0,14	0,02

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ПСК, подержанные автомобили	доля	2013 (1-й кв.) — 2020 (4-й кв.)	квар-тал	32	0,16	0,30	0,19	0,04
Средний срок автокредита	годы	2013 (1-й кв.) — 2020 (4-й кв.)	квар-тал	32	3,33	5	4,09	0,53
Ежемесячный доход на душу населения (среднегодовое значение)	тыс. руб.	2013–2020	год	8	21,0	31,3	27,4	3,5
Ежемесячный доход на душу населения (среднеквартальное значение)	тыс. руб.	2013 (1-й кв.) — 2020 (3-й кв.)	квар-тал	31	17,0	37,1	26,7	4,8
Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении) ⁴	доля	2013–2020	полу-годие	15	0,78	0,88	0,86	0,03
Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении)	доля	2013–2020	полу-годие	15	0,12	0,22	0,14	0,03
Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в натуральном выражении)	доля	2013–2020	полу-годие	15	0,64	0,84	0,77	0,06
Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в натуральном выражении)	доля	2013–2020	полу-годие	15	0,16	0,36	0,23	0,06

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ИПЦ ⁵ , легковой автомобиль отечественный новый	–	2006–2020	год	15	1,01	1,11	1,05	0,02
ИПЦ, легковой автомобиль импортный новый	–	2006–2020	год	15	1	1,2	1,04	0,05
ИПЦ, легковой автомобиль иностранный российской сборки	–	2006–2020	год	14	1,01	1,13	1,05	0,03
ИПЦ, легковой автомобиль импортный подержанный	–	2006–2020	год	15	0,96	1,12	1,02	0,04

Примечание:

¹ Данные о задолженности по автокредитам населения Ростовской области были реконструированы на основе статистики федерального и регионального уровней.

² Использован среднероссийский показатель.

³ Полная стоимость кредита.

⁴ Этот и три следующих показателя — результат расчёта авторов на основе материалов портала Banki.ru.

⁵ Индекс потребительских цен.

Источник: составлено автором; Верников, Курышева, 2021, с. 30–31.

Таблица 4

Описание выборки кинофильмов

№	Год	Название фильма	Бюджет, \$ млн	Кассовые сборы, \$ млн
1	2	3	4	5

Выборка 1: фильмы, транслирующие идеи социального принятия и одобрения потребительства и финансовой зависимости

1	2000–2007	Бандитский Петербург	6,0	ТВ-сериал
2	2002	Бригада	2,7	ТВ-сериал
3	2002	Даже не думай!	0,7	0,9
4	2003	Бумер	0,7	1,7
5	2004	Тёмная ночь	н/д	0,3
6	2005	Греческие каникулы	2,5	1,3
7	2005	Последний уик-энд	3,0	20,5
8	2006	Бумер 2	5,0	15,0
9	2007	Тиски	н/д	1,4
10	2007	Ночные сёстры	1,5	0,5
11	2008	Красный жемчуг любви	1,5	0,4
12	2008	Контракт на любовь	2,0	0,4
13	2009	Чёрная молния	15,0	21,5
14	2009	Невеста любой ценой	3,0	4,2
15	2009	На игре	3,5	3,7
16	2010	Ирония любви	2,0	4,0
17	2010	Клуб счастья	н/д	1,5
18	2010	На крючке!	3,0	2,0
19	2011	Generation П (Россия, США)	7,0	4,4
20	2012	Бригада: Наследник	6,5	7,9
21	2012	All inclusive, или Всё включено!	3,0	6,1

Выборка 2: Фильмы, поднимающие тему потребительства и жизни в долг как массовой социальной проблемы

22	2009	Шопоголик (Confessions of a Shopaholic) (США)	44,4	108,3
23	2010	Семейка Джонсов (The Joneses) (США)	10,0	7,0
24	2011	Dyxless	28,0	14,6
25	2013	Элитное общество (The Bling Ring) (США, Великобритания, Франция, Германия, Япония)	8,0	20,1
26	2014	99 домов (США)	8,0	18,3
27	2016	Любой ценой (Hell or High Water) (США)	12,0	38,0
28	2016	Коллектор	н/д	0,7

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
29	2016	Кредит (короткометр.)	н/д	н/д
30	2018	100 вещей и ничего лишнего (100 Dinge) (США)	н/д	14,1
31	2019	Коллекторша (Buffaloed) (США)	н/д	29,1
32	2021	Семейный бюджет	н/д	н/д
33	2021	Этика долга	н/д	н/д
34	2021	Заманчивое предложение (короткометр.)	н/д	0,04

Примечание: для отечественных кинокартин отсутствует указание на страну производства и англоязычный вариант названия.

Источник: составлено автором.

Таблица 5

**Описательная статистика количественных данных,
использованных при анализе общероссийских тенденций,
характеризующих опережающее потребление товаров
разных сегментов**

Показатель	Ед. измер.	Период	Кол-во наблюдений	Среднее	Медиана	Ст. откл.	Мин.	Макс.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Количество легковых автомобилей на 1000 человек	тыс. ед.	2002–2021	20	244	250	62	146	327
Продажи новых легковых автомобилей	тыс. ед.	2002–2021	20	1758	1565	565	958	2754
Численность заёмщиков	тыс. чел.	2002–2021	20	694	737	335	70	1271
Полученные домохозяйствами автокредиты	млрд руб.	2002–2021	20	430	438	278	21	1119
Оборот розничной торговли	млрд руб.	2002–2021	20	20 000	20 249	11 062	3765	39 257
Розничные продажи легковых автомобилей	млрд руб.	2002–2021	20	1223	1187	693	290	2748
Ежемесечный доход на душу населения (среднегодовое значение)	тыс. руб.	2013–2021	9	32 294	31 897	4409	25 684	39 854
Цена нового автомобиля	тыс. руб.	2002–2021	20	916	764	531	250	2070
Цена подержанного автомобиля ¹	тыс. руб.	2014–2021	8	963	905	252	627	1456
Процентная ставка по автокредиту, новый автомобиль	доля	2013–2021	30	0,15	0,14	0,02	0,12	0,22

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Процентная ставка по автокредиту, подержанный автомобиль	доля	2013–2021	30	0,21	0,2	0,04	0,16	0,3
Срок автокредита	годы	2013–2021	9	4	4	1	3	5
Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении) ²	–	2013–2021	17	0,84	0,86	0,04	0,73	0,88
Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении)	–	2013–2021	17	0,16	0,14	0,04	0,12	0,27
Доля покупателей новых машин за счёт кредита	–	2013–2021	17	0,76	0,76	0,06	0,62	0,84
Доля покупателей подержанных машин за счёт кредита	–	2013–2021	17	0,25	0,24	0,06	0,16	0,38
Средний размер домохозяйства	чел.	2013–2021	9	2,6	2,6	0	2,6	2,6

Примечание:

¹ С точки зрения покупателя, более подходящей для целей «хеджирования» считается цена подержанного автомобиля в возрасте до 7 лет.

² Этот и три следующих показателя предварительно рассчитаны автором на основе материалов портала Banki.ru.

Источник: составлено автором.

Таблица 6

**Операционализация смысловых категорий:
поведенческие установки согласно концепции Веблена**

Предрасположенность	Поведенческие установки, принципы в текстах Веблена		Категория, используемая для группировки русских пословиц
	Англ.	Рус.	
1	2	3	4
<i>Продуктивные установки, содействующие благосостоянию общества и предполагающие технологичное использование предметов</i>			
Родительство	<i>Community's future welfare; present wealth is desired mainly for its prospective advantage; future goods are preferred to present goods</i>	будущее благосостояние общества предпочтительнее сиюминутного потребления	забота о благосостоянии и сыновнего поколения
	<i>provision for posterity; practical working of the parental solicitude; tutelage of the incoming generation; filial generation is given the preference over the parental generation in all that touches their material welfare; kindly and unselfish tendance</i>	бескорыстная забота о благосостоянии сыновнего поколения; заботливое, бескорыстное обращение	
	<i>parental solicitude in mankind</i>	забота о благе человечества	
	<i>providence; parsimony; thrift; hoarding; economy and efficiency for the common good; animus for economy and efficiency</i>	дальновидность, предусмотрительность, бережливость, экономность, рачительность, запасливость, неэгоистичное расходование, предотвращение пустой тряты, истощения ресурсов	предусмотрительность, умеренность, забота о завтрашнем дне

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
Продуктивные установки, содействующие благосостоянию общества и предполагающие технологичное использование предметов			
Любопытство в части стремления к овладению полезным знанием — любознательность	«pragmatic» knowledge; knowledge of a «pragmatic» character; learning of a «pragmatic» character; technological knowledge	pragmaticальное знание; полезное, прикладное знание, обучение; знание техники (изготовления, производства)	ценность полезного знания, умения, навыка
Созидательность, производительный труд, развитие мастерства в профессии, ремесленничество	<i>diligence; productive effort; proclivity for taking pains; gain a livelihood by honest work through his own individual skill and enterprise</i>	трудолюбие, производительный труд; трудовые усилия как источник благосостояния; склонность брать на себя трудовую нагрузку ради получения результата; зарабатывать на жизнь честным трудом и своими способностями	трудолюбие, честный добросовестный труд, достижение мастерства
	<i>proficiency and technological mastery; craftsman working;</i>	развитие в профессии, мастерство; овладение ремеслом	
	<i>efficient use of the means at hand and adequate management of the resources available for the purposes of life; propensity unselfishly and impersonally to make the most of the material means at hand</i>	эффективное использование подручных средств и адекватное управление ресурсами, доступными для целей жизни; результативное использование имеющихся средств	рассудительность, рачительность в ведении хозяйства
	<i>technological use; serviceability</i>	результативное использование; использование предметов по прямому назначению, функциональное свойство вещи служить своему непосредственному назначению, пригодность	
	<i>non-invidious interest</i>	независтливый (бескорыстный) интерес	

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
	<i>prudence, equanimity; shrewd management</i>	благородумие, сдержанность (рациональность); рассудительное-управление	
Непродуктивные установки, препятствующие благосостоянию общества и лежащие в основе церемониального поведения			
Себялюбие	<i>resource waste; wasting heritage of resources and opportunity; indolence; irksomeness of labour; wastefulness; wasteful and useless living; to make the way of life harder for the next generation through neglect of due provision for their subsistence</i>	пустая трата ресурсов и возможностей, отцовского наследия, транжирство, мотовство; торопливость в потреблении; беспечность, леность, праздность; утомительность труда; отсутствие заботы о благосостоянии сыновнего поколения; расточительство; бессмысленная жизнь; прожигание жизни	беспечность в тратах, недальновидность, жизнь не по средствам
	<i>acquisition; aptitudes for acquisition; unearned gain</i>	стяжательство; незаработанная, незаслуженная прибыль	стяжательство, скаредность; алчность, жажда наживы, корыстолюбие
	<i>self-complacency and self-abasement; arrogance</i>	самовозвеличивание, самодовольство эгоизм	самодовольство, эгоцентричность
	<i>self-seeking; naive pursuit of material efficiency; predatory or warlike exploit; native predatory animus tact, effrontery and prevarication</i>	своекорыстие; примитивная погоня за материальным результатом; хищнические мотивы в поведении; изворотливость, наглость, уклончивость	хищнический мотив
	<i>self-aggrandisement; pecuniary emulation; invidious comparison; envy, jealousy, и их производные; improvident greed</i>	стремление выделяться за счёт других, самовозвеличивание; денежное соперничество; зависть, завистническое сопоставление; патологическая жадность	зависть и жадность

Окончание табл. 6

1	2	3	4
	<i>ostentation;</i> <i>boast;</i> <i>conspicuous</i> <i>consumption;</i> <i>conspicuous waste;</i> <i>conspicuous</i> <i>wastefulness;</i> <i>conspicuously wasteful</i> <i>and tasteless show;</i> <i>conspicuously wasteful</i> <i>manner</i>	хвастовство; показное потребление, траты; пустые траты в сочетании с безвкусицей	показной мотив

Источник: составлено автором на основе литературы;
Верников, Курышева, 2024, с. 118–119.

Благодарность

Автор выражает благодарность Верникову Андрею Владимировичу за помощь в проведении исследований и работе над этой книгой.

Научное издание

Курышева Анна Александровна

**ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЭМПИРИКИ**

Текст приводится в авторской редакции

Ответственный редактор Ю. Барабанщикова
Верстальщик Т. Руднева

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел. +7 (495) 258-90-28, 8-800-333-68-45
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Издайте свою книгу у нас!

Издательство «Директ-Медиа» публикует учебники, монографии, литературу NON-FICTION, аудиокниги, новые издания и те, что с годами не утратили своей актуальности, коллективные научные сборники.

Наше издательство берет свои корни в книгоиздательских традициях и технологиях Германии. Мы – лидеры современного книгоиздательского процесса, охватывающего цифровые образовательные платформы для школ и вузов, издание электронных и печатных книг. Нашу продукцию отличает высокое полиграфическое качество и высокотехнологичный процесс продвижения книги.

Наши авторы – ведущие ученые и преподаватели страны. За 20 лет работы в России нами издано более 10 000 изданий учебной, академической и научно-популярной литературы.

Приобрести наши книги можно в интернет-магазине DIRECTMEDIA.RU и в ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (BIBLIOCLUB.RU), в книжных и в интернет-магазинах страны.

***Хотите приобрести книгу издательства «Директ-Медиа»
или издать свое произведение?***

Мы ждем Вас!

www.directmedia.ru

Email: manager@directmedia.ru

Tel.: 8-800-333-6845 (звонок бесплатный)

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru